

ISSN 2542-1840 (print) 2541-9145 (online)

Гуманитарные
общественные науки

2
том 4
2020

ВЕСТНИК

Кемеровского государственного университета

Bulletin of Kemerovo State University.
Humanities and Social Sciences.
2020, 4(2): 95–186

Главный редактор: *Морозова И. С.*, д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Редакционная коллегия:

Абросимова Е. А., д-р юрид. наук, доцент, МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Бабурин С. Н., д-р юрид. наук, проф., ИГП РАН (Москва, Россия).

Бибилло В. Н., д-р юрид. наук, проф., БГУ (Минск, Беларусь).

Веряев А. А., д-р пед. наук, проф., АлтГПИУ (Барнаул, Россия).

Грицков Ю. В., д-р филос. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).

Жукова О. И., д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Зникин В. К., д-р юрид. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Золотухин В. М., д-р филос. наук, проф., КузГТУ (Кемерово, Россия).

Ким Ю. В., д-р юрид. наук, КемГУ (Кемерово, Россия).

Красиков В. И., д-р филос. наук, проф., ВГУЮ (РПА Минюста России) (Москва, Россия).

Курдуманова О. И., д-р пед. наук, проф., ОмГПУ (Омск, Россия).

Ляковска К., д-р права (habil), проф., Белостокский университет (UwB, Белосток, Польша).

Мардахаев Л. В., д-р пед. наук, проф., РГСУ (Москва, Россия).

Московченко О. Н., д-р пед. наук, проф., КГПИУ им. В. П. Астафьева (Красноярск, Россия).

Невзорев Б. П., д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Невинский В. В., д-р юрид. наук, проф., МГЮА (Москва, Россия)

Осипова С. И., д-р пед. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).

Остапович И. Ю., д-р юрид. наук, доцент, УрГЮУ (Екатеринбург, Россия)

Плаксина Т. А., д-р юрид. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).

Самович Ю. В., д-р юрид. наук, проф., КФУ (Казань, Россия).

Халяпина Л. П., д-р пед. наук, проф., СПбПУ (Санкт-Петербург, Россия).

Черненко Т. Г., д-р юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Чурекова Т. М., д-р пед. наук, проф., КемГИК (Кемерово, Россия).

Шепель Т. В., д-р юрид. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Яцук Т. Ф., д-р юрид. наук, проф., ОмГУ (Омск, Россия).

Editor-in-Chief: *Irina S. Morozova*, Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board:

Elena A. Abrosimova, Dr. of Law, Ass. prof., M. V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Sergey N. Baburin, Dr. of Law, Prof., The Institute of State and Law of The Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Valentina N. Bibilo, Dr. of Law, Prof., Belarusian State University (Minsk, Belarus).

Anatoliy A. Veryaev, Dr. of Pedagogic, Prof., Altai State Pedagogical University, (Barnaul, Russia).

Yuriy V. Gritskov, Dr. of Philosophy, Prof., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Olga I. Zhukova, Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Valeriy K. Znikin, Dr. of Law, Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Vladimir M. Zolotukhin, Dr. of Philosophy, Prof., Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russia).

Yuriy V. Kim, Dr. of Law, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia)

Vladimir I. Krasikov, Dr. of Philosophy, Prof., All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) (Moscow, Russia).

Olga I. Kurdumanova, Dr. of Pedagogic, Prof., Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia).

Katarzyna Laskowska, Dr. of Law (habil), Prof., University of Białystok (UWB, Białystok, Poland).

Lev V. Mardakhaev, Dr. of Pedagogic, Prof., Russian State Social University (Moscow, Russia).

Olga N. Moskovchenko, Dr. of Pedagogic, Prof., V. P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russia).

Valeriy V. Nevinskiy, Dr. of Law, Prof., O. E. Kutafin Moscow State University of Law (Moscow, Russia).

Boris P. Nevzorov, Dr. of Pedagogic, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Svetlana I. Osipova, Dr. of Pedagogic, Prof., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Igor Yu. Ostapovich, Dr. of Law, Ass. prof., Ural State University of Law (Ekaterinburg, Russia).

Taiana A. Plaksina, Dr. of Law, Ass. prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Yuliya V. Samovich, Dr. of Law, Prof., Kazan Federal University (Kazan, Russia).

Lyudmila P. Khaliapina, Dr. of Pedagogic, Prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia).

Tamara G. Chernenko, Dr. of Law, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Tatiana M. Churekova, Dr. of Pedagogic, Prof., Science Editor of the series, Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia).

Tamara V. Shepel, Dr. of Law, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Tatiana F. Yashchuk, Dr. of Law, Prof., Omsk State University (Omsk, Russia).

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Журнал «Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67379

Издается с 2017 года.

Выходит 4 раза в год.

ISSN 2542-1840 (print) ISSN 2541-9145 (online)

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; http://vestnik-hss.kemsu.ru

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94232

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Правила для авторов опубликованы на сайте издания.

Журнал не взимает платы за публикацию, издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

16+

Педагогика

Развитие эмоциональной сферы детей старшего дошкольного возраста в условиях педагогической поддержки
Брель Е. Ю. 95

Особенности психологической готовности студентов педагогических направлений к профессиональной деятельности
Дмитриева И. А., Морозова И. С., Елькина О. Ю. 107

Новые концепции обучения предметным знаниям и необходимость их учета в содержании учебников
Мукамбетова А. С. 117

Визуализация учебной информации как средство активизации познавательной деятельности обучающихся
Рябокоть Е. А., Крецан З. В., Шмакова Л. Е. 126

Философия

Типология отступничества (апостасии) в христианском историко-культурном контексте
Ахматов В. В. 137

Цифровой суверенитет в условиях глобализации: философский и правовой аспекты
Гаврилов Е. О. 146

Юриспруденция

Особенности губернского управления в Сибири в условиях реформы М. М. Сперанского
Гаврилов С. О., Гаврилова А. В., Козлова Н. В. 153

Законодательная база регулирования физкультуры и спорта в Кузбассе (1985–2008 гг.)
Казьмин В. Н., Казьмина М. В., Юзупкина Е. С. 161

Цензы для лиц, оказывающих квалифицированную юридическую помощь
Россиев В. В. 168

«Гонорар успеха»: старая песня на новый лад
Трезубов Е. С., Розе М. А. 177

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

The Journal "Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications. Certificate of registration: PI no. FS 77-67379.

Founded in 2017.

Published 4 times a year.

ISSN 2542-1840 (print) ISSN 2541-9145 (online)

Address of the founder, publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region, Russia, 650000; 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region, Russia, 650000; 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; http://vestnik-hss.kemsu.ru

Subscription indices: 94232 – in the United catalogue "The Press of Russia".

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

Information for Authors published on the website Edition.

Journal fully funded by Kemerovo State University. Articles are available to all without charge, and there are no article processing charges for authors.

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

16+

Pedagogics

Development of the Emotional Sphere of Senior Preschoolers in Conditions of Pedagogical Support

Brel E. Yu. 105

Psychological Readiness for Professional Activity in Students of Pedagogical Departments

Dmitrieva I. A., Morozova I. S., Elkina O. Yu. 115

New Concepts of Teaching Subject Knowledge and the Need for Their Consideration in the Content of Textbooks

Mukambetova A. S. 124

Visualization of Educational Information as a Means of Enhancing the Cognitive Activity in Students

Ryabokony E. A., Kretzan Z. V., Shmakova L. E. 135

Philosophy

Typology of Apostasy in the Christian Historical and Cultural Context

Akhmatov V. V. 144

Digital Sovereignty in the Context of Globalization: Philosophical and Legal Aspects

Gavrilov E. O. 151

Jurisprudence

Provincial Administration in Siberia in the Context of M. M. Speransky's Reform

Gavrilov S. O., Gavrilova A. V., Kozlova N. V. 159

Legal Framework for Regulating Physical Education and Sports in Kuzbass (1985–2008)

Kazmin V. N., Kazmina M. V., Yuzupkina E. S. 166

Qualifications for Legal Advisors

Rossiev V. V. 175

"Success Fee": Old Song, New Tune

Trezubov E. S., Roze M. A. 185

Развитие эмоциональной сферы детей старшего дошкольного возраста в условиях педагогической поддержки

Елена Ю. Брель^{a, @, ID}

^a Московский государственный психолого-педагогический университет, Россия, г. Москва

@ brelelena@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-7737-8058>

Поступила в редакцию 10.07.2020. Принята к печати 31.07.2020.

Аннотация: Предметом исследования являются особенности развития эмоциональной сферы детей старшего дошкольного возраста и их позитивные изменения в условиях педагогической поддержки. Цель – исследование возможностей развития эмоциональной сферы детей старшего дошкольного возраста в условиях педагогической поддержки. Дополнены представления о специфике развития эмоций в дошкольном возрасте, обосновывается необходимость организации педагогической поддержки становления и развития эмоциональной сферы ребенка-дошкольника в условиях дошкольной образовательной организации. Уточнены данные о развитии и структуре эмоциональной сферы в старшем дошкольном возрасте. Определены особенности развития эмоциональной сферы в старшем дошкольном возрасте, проявляющиеся в неравномерности развития идентификации, выражении и регуляции эмоциональных состояний. Описываются формы и методы педагогической поддержки детей старшего дошкольного возраста. Доказано, что педагогическая поддержка, в основе которой лежит комплекс мероприятий, обеспечивающих обогащение опыта взаимодействия ребенка со взрослыми и сверстниками, позволяет развивать эмоциональную сферу ребенка старшего дошкольного возраста в трех направлениях: понимание эмоций, выражение эмоций, регуляция эмоций.

Ключевые слова: понимание эмоций, выражение эмоций, регуляция эмоций, средства психолого-педагогического сопровождения, эмоции

Для цитирования: Брель Е. Ю. Развитие эмоциональной сферы детей старшего дошкольного возраста в условиях педагогической поддержки // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 2. С. 95–106. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-2-95-106>

Введение

Проблема эмоций и эмоционального развития – одна из актуальных и широко обсуждаемых в современной науке и практике. Современное образование ориентировано на создание условий, обеспечивающих формирование гражданина России, отличающегося нравственностью, творческим потенциалом, компетентностью, принимающего судьбу Отечества как свою личную, осознающего ответственность за настоящее и будущее своей страны, принимающего духовные и культурные традиции многонационального народа РФ. Первой ступенью в системе образования является дошкольное образование. В период раннего и дошкольного детства закладывается фундамент развития личности. В соответствии с ФГОС ДО в детском саду должны быть созданы условия для познавательного, речевого, социально-коммуникативного, физического, культурно-эстетического развития ребенка. В современной же практике, особенно с учетом заказа родителей, существует перекоп в сторону интеллектуального развития ребенка, формирования у него общей осведомленности в ущерб личностному, эмоциональному развитию.

Эмоциональное развитие должно быть одним из ключевых аспектов в воспитании ребенка дошкольного возраста. Умение понимать и различать эмоции как свои, так и другого

человека, управлять своим эмоциональным состоянием является необходимым условием успешного общения.

Несмотря на то, что в научной и прикладной литературе существует большое количество материала по вопросам развития эмоциональной сферы дошкольников, эти знания требуют уточнения в связи с изменениями, происходящими в обществе и в образовании. Наряду с этим, важной проблемой является оптимизация эмоционального развития ребенка в условиях ДОО, т. к. в семейном воспитании этому вопросу уделяется незначительное внимание.

С. А. Рубинштейн выделяет следующие существенные характеристики эмоций, отличающие их от других психических процессов и состояний. Во-первых, это выражение состояния субъекта и его отношение к объекту. Эта характеристика указывает на отличие эмоций от восприятия (оно отражает содержание объекта). Во-вторых, им свойственна полярность, т. е. наличие положительного или отрицательного знака: удовольствие – неудовольствие, веселье – грусть. Хотя сам автор отмечает, что полярность не является чем-то постоянным и противопоставленным [1, с. 571].

Чтобы иметь более детальное представление об эмоциях как психологической категории, рассмотрим, как происходило изменение взглядов на понятие. По мнению Ч. Дарвина, эмоции возникли в процессе эволюции как средство, при

помощи которого живые существа определяют биологическую значимость состояний организма и внешних воздействий [2]. Эмоции проявляются в выразительных движениях. Определенному эмоциональному состоянию соответствует определенная физиологическая реакция. Впоследствии эксперимент К. Ландиса показал, что прямой связи между мимикой и переживаемой эмоцией (отвращением) нет, т. е. абсолютная универсальность в выражении лиц при переживании эмоций отсутствует [3].

Положения о связи эмоциональных переживаний и их внешнего выражения просматриваются в теории Джемса-Ланге. Согласно этой периферической теории, возникновение эмоционального переживания обусловлено определенными изменениями в деятельности внутренних органов и двигательной сфере, т. е. эмоция рассматривается как внешнее выражение физиологической реакции на значимое событие. Иного мнения придерживались У. Кэннон и Ф. Бард. Они считали, что эмоциональная и физиологическая реакции на какой-либо раздражитель возникают одновременно. По мнению авторов, эмоции берут начало в подкорковых областях [4]. Результаты эксперимента Ч. С. Шеррингтона показали, что эмоциональное возбуждение является первичным по отношению к физиологическому. Важным аспектом теории Джемса-Ланге, как и Ч. Дарвина, стало то, что по внешним признакам и проявлениям можно судить об эмоциональном состоянии человека. Несостоятельность теории видится в слишком упрощенном понимании эмоций, особенно человеческих [5, с. 236].

Довольно часто эмоции противопоставляются интеллекту. Еще в философии эмоции были отнесены к иррациональному, а интеллект – к рациональному. Тем не менее в трудах отечественных и зарубежных психологов рассматривается взаимосвязь между интеллектом и аффектом.

А. Лэнгле в своей экзистенциально-аналитической теории эмоций констатирует: «Подобно тому, как с помощью мысли происходит восприятие содержания (что это), с помощью каждого чувства происходит восприятие качества (как это для меня)» [6, с. 93].

Е. А. Пырьев в своем исследовании приводит данные о первичности эмоциональной оценки действительности по сравнению с когнитивной. Данные нейрофизиологических исследований показывают, что эмоционально человек реагирует на ситуацию очень быстро, может быть быстрее, чем у него появляется образ этой ситуации [7, с. 235].

Л. С. Выготский, рассуждая о связи аффекта и интеллекта, утверждал, что высшим психическим функциям «в такой же мере присуща иная интеллектуальная, как и иная аффективная природа. Все дело в том, что мышление и аффект представляют собой части единого целого – человеческого сознания» [8, с. 251]. А. Г. Асмолов акцентирует внимание на единстве аффекта и интеллекта при рассмотрении динамических смысловых систем личности [9, с. 86].

В ряде теорий эмоции рассматриваются в связи с другими сферами личности человека. В частности, к таким теориям относится потребностно-информационная теория П. В. Симонова. Эмоция понимается ученым как реакция

на потенциальную возможность или невозможность удовлетворения потребности. Эмоциональное состояние зависит от выраженности самой потребности, информации о средствах ее удовлетворения и, как результат, от оценки вероятности этого удовлетворения [10, с. 48].

А. Н. Леонтьев выделяет аффекты, собственно эмоции и чувства. Автор называет аффектами «сильные и относительно кратковременные эмоциональные переживания, сопровождаемые резко выраженными двигательными и висцеральными проявлениями, содержание и характер которых может, однако, изменяться, в частности, под влиянием воспитания и самовоспитания» [11, с. 168]. Аффекты вызываются как биологическими, так и социальными факторами.

Собственно эмоции отличаются тем, что они более длительны и не столь ярко проявляются в поведении. Их главное отличие от аффектов заключается в длительности и силе протекания. К основной характеристике эмоций А. Н. Леонтьев относит то, что они носят отчетливо выраженный ситуационный характер. Эмоции выражают оценочное личностное отношение к потенциальным или реальным ситуациям, к выполняемой деятельности и к собственному поведению в предлагаемых условиях. Они не только возникают здесь и сейчас как реакция на происходящее, но и способны предвосхищать ситуации и события. Эмоции возникают на основе предыдущего эмоционального опыта. Еще одной особенностью эмоций, по мнению А. Н. Леонтьева, является то, что они способны к обобщению и коммуникации [11, с. 170].

Чувства, в понимании А. Н. Леонтьева, выражают устойчивые эмоциональные отношения, своеобразные эмоциональные константы. Эмоции и чувства могут быть противоположными, и тогда следует говорить об амбивалентности переживаний, сущность которой состоит в том, что не совпадают устойчивое эмоциональное отношение к объекту и эмоциональная реакция на сложившуюся переходящую ситуацию. Чувства имеют разный уровень обобщения: от устойчивого отношения к конкретному объекту до высших социальных чувств.

Таким образом, в теориях П. В. Симонова и А. Н. Леонтьева рассматривается не содержание эмоций, а их сила и направленность. В содержательном аспекте эмоции были рассмотрены К. Изардом. Он предложил дифференциальную теорию эмоций. Согласно этой теории, эмоции проявляются на трех уровнях: нейрофизиологическом, экспрессивном, субъективном. К. Изард, основываясь на этих уровнях, описал ряд эмоций, названных фундаментальными: интерес – возбуждение, радость, удивление, горе – страдание – депрессия, гнев – отвращение – презрение, страх – тревожность, стыд – застенчивость, вина [12, с. 39].

Анализ теоретических концепций позволяет заключить, что эмоции являются неотъемлемой частью жизни человека. Эмоции выполняют важные функции, среди которых можно выделить то, что они определяют важность отношения к чему-либо, направляют, стимулируют, подавляют активность человека. По мнению О. К. Тихомирова и др., эмоции влияют на объединение смысловых образований

в целостности более высокого уровня, тем самым выполняя интегративную функцию [13, с. 229].

В дошкольном возрасте развитие эмоциональной сферы подчинено ряду закономерностей, связанных с ее обогащением и усложнением. Понимание эмоций, их регуляция, умение их выражать развивается в период дошкольного детства. По мнению Ю. А. Лаптевой и И. С. Морозовой, в дошкольном детстве складываются следующие эмоциональные новообразования: способность дифференцировать признаки экспрессии и идентифицировать их значения в контексте определенных эмоциональных состояний; эмпатия; способность к эмоциональному предвосхищению [14].

Г. А. Урунтаева и Ю. А. Афонькина отмечают, что появление у дошкольника новых интересов, мотивов и потребностей способствует его эмоциональному развитию. На этой основе начинают интенсивно развиваться социальные эмоции и нравственные чувства. Исчезает ситуативность возникновения чувств, они становятся более глубокими по смысловому содержанию, появляется эмоциональное предвосхищение потенциально возможной ситуации [15]. Развиваясь, дошкольник начинает предвидеть как интеллектуальные, так и эмоциональные результаты своей деятельности. Происходит процесс освоения ребенком дошкольного возраста высших форм экспрессии. Вышеизложенное позволяет утверждать, что старший дошкольный возраст можно считать сензитивным периодом, в котором происходит формирование основ развития высших эмоций.

Н. В. Соловьевой были установлены особенности вербализации эмоциональных представлений у дошкольников. Понятия употребляются в определенной ситуации, но в таком случае не присутствует выделение существенных признаков эмоциональных состояний. Вместе с тем само по себе понятие включает в себя обобщение тех ситуаций, в которых эти эмоции возникают. В лексиконе дошкольника слова, обозначающие эмоции, еще не образуют сформированную лексико-семантическую систему. В их значении основным компонентом выступает эмоционально-образный, включающий предыдущий опыт переживания эмоций в конкретных ситуациях и знания об эмоциогенной ситуации. Ребенок осознает саму ситуацию, причину, вызвавшую эмоцию, отношение к эмоции, знает об ощущениях, физических признаках выражения эмоции: мимике, пантомимике, интонационной выразительности голоса и пр. [16].

Г. А. Урунтаева связывает развитие эмоциональной сферы с развитием познавательной сферы, в первую очередь с развитием речи и обеспечивающей ее произвольностью психических процессов. Во-первых, использование слов, обозначающих эмоции, говорит об их интеллектуализации, осознании и обобщении. Во-вторых, дошкольники начинают использовать речь для управления своим эмоциональным состоянием. Попытки сдерживания эмоций проявляются уже на четвертом году жизни, когда ребенок пытается сдерживать слезы. Старший дошкольник уже активно использует слова для управления своими эмоциями [17].

О. А. Орехова обосновывает взаимосвязь эмоциональной и когнитивной сфер ребенка дошкольного и школьного

возраста: чем выше уровень развития когнитивной сферы ребенка, тем выше уровень дифференциации элементов эмоциональной сферы [18].

У дошкольников развиваются высшие чувства: нравственные, эстетические, познавательные. Нравственные чувства формируются в процессе взаимодействия с близкими людьми, когда дошкольник выступает в роли субъекта эмоциональных отношений, сопереживая другим людям. В то же время ребенок переживает по поводу санкций со стороны взрослых, эмоционально реагирует на мнения других детей. Нравственная оценка поступков интериоризируется ребенком и становится его нравственным ориентиром. Внешние требования к поведению перерастают в собственные оценки и выражаются в переживании ребенком своего отношения к определенным поступкам или действиям.

Н. В. Капитоненко, исследовав процесс развития эмоциональной сферы в дошкольном возрасте, выделила возрастные нормативы, характеризующиеся активным формированием особых эмоциональных новообразований. К ним исследователь отнесла дифференцированные, закрепленные в речи представления об эмоциональных состояниях человека, систему эмоциональных отношений к разным сторонам жизни, способность к эмоциональной децентрации и механизм эмоционального воображения [19]. Исследователем было установлено, что при нормальном развитии эмоциональной сферы у детей 6–7 лет обнаруживается гетерохронность отдельных его сторон. При сформированности указанных особых эмоциональных новообразований старшие дошкольники отличаются признаками незрелости регуляции деятельности, обусловленной возрастной спецификой эмоционального реагирования. Согласно данным, полученным в исследовании В. В. Николаевой с коллегами, дети часто ошибаются в понимании эмоциональных состояний, например, при идентификации таких эмоций, как спокойствие, презрение, отвращение, интерес, стыд [20].

Гетерохронность и неравномерность развития эмоциональной сферы проявляется и в отношении ее структуры. По мнению Н. В. Капитоненко, структура эмоциональной сферы включает перцептивный, когнитивный, вербальный и рефлексивный компоненты. Каждый из них имеет различные сроки и темпы созревания. Развитие структуры эмоциональной сферы идет по пути интеграции ее компонентов. Так, у детей 4-х лет структура эмоциональной сферы слабо интегрирована, что выражается в изолированности показателей вербального компонента от остальных компонентов. В возрасте 5 лет вербальный компонент начинает интегрироваться в общую структуру, но изолированным остается перцептивный компонент. К 6 годам уровень интегрированности еще более усиливается.

Описанные Н. В. Капитоненко особенности эмоционального развития имеют свою специфику у детей разного пола. У девочек наиболее высокими показателями перцептивного, когнитивного и вербального компонентов, для них свойственно более плавное развитие эмоциональной сферы. У мальчиков компоненты эмоциональной сферы развиваются скачкообразно в период с 5 до 6 лет. Скачкообразное

развитие эмоциональной сферы приводит к тому, что у них в возрасте 5 лет структура приобретает более интегрированный характер, по сравнению с девочками. Примерно к 6 годам половые различия в уровне характеристик эмоционального развития становятся незаметными [19].

О. В. Андреева установила взаимосвязь между типом моторной латеральности (в частности, леворукости) и особенностями психоэмоциональной сферы человека. Дети старшего дошкольного возраста с доминированием правого полушария более чувствительны к негативным эмоциональным воздействиям со стороны окружающих по сравнению со сверстниками, имеющими доминирование левого полушария [21].

Е. А. Савина отмечает, что воображение и эмоции тесно связаны и взаимообусловлены, эмоция требует своего воплощения в образ, соответствующий данному чувству. Испытывая страх, ребенок может рисовать образы последствий угроз, которые несет потенциальная или реальная опасность. С другой стороны, образ, созданный воображением, может порождать эмоцию страха. Дошкольники придумывают монстров, живущих под кроватями, чудовищ, прячущихся в темноте. Темнота провоцирует работу воображения. Она представляет собой нечто неопределенное, неподдающееся контролю, т. к. зрение человека не приспособлено к четкому различению предметов в темноте. Темнота ограничивает передвижение в пространстве и делает человека беспомощным. Активизируется первобытный страх человека – нападение животных. Поэтому дети часто испытывают страх засыпать без света, засыпать в одиночестве [22].

Г. Г. Кравцов и Е. Е. Кравцова несколько в ином контексте описывают значение воображения в дошкольном возрасте. Для дошкольника особая внутренняя позиция является основным и наиболее существенным компонентом воображения. Эта позиция позволяет сделать структурными компонентами воображения и окружающую ребенка предметную среду, и осознанный им собственный прошлый опыт, а кроме того, именно надситуативная внутренняя позиция позволяет ребенку управлять собственным воображением [23, с. 2].

Н. Е. Веракса и А. Н. Веракса [24], О. М. Дьяченко [25], Г. Г. Кравцов и Е. Е. Кравцова [23] считают, что воображение может как выполнять защитную функцию, так и являться катализатором тревожности и страхов.

Мы выделили психологические механизмы преодоления страхов дошкольников. Психологическая помощь ребенку, страдающему страхами, заключается в проживании страха, снижении эмоционального напряжения, вызванного страхом, изменении эмоционального отношения к объекту, вызывающему страх. Также важным механизмом является налаживание взаимоотношений с родителями, т. к. родители зачастую способствуют формированию страхов детей, особенно социальных. В этом отношении наиболее эффективными являются игровая терапия и арт-терапия (изотерапия), которые являются доступными способами опосредованного выражения эмоций в дошкольном возрасте.

Обеспечение оптимальных условий для полноценного эмоционального развития ребенка в дошкольном детстве мы предлагаем рассматривать с позиции применения технологии

педагогической поддержки. О. С. Газман ввел понятие психолого-педагогической поддержки для детей в решении ими индивидуальных проблем, которые связаны с трудностями физического и психического развития и на их фоне жизненным самоопределением, межличностной коммуникацией и, собственно, обучением [26, с. 7]. В. А. Сластенин и И. А. Колесникова предлагают рассматривать педагогическую поддержку как форму педагогической деятельности, ориентированную на развитие индивидуальности [27].

Е. В. Кортаева в качестве примера педагогического взаимодействия приводит процесс создания условий (совместно с ребенком) для сознательного самостоятельного разрешения им ситуации выбора при условии, если ребенок не справляется с ним сам [28, с. 81].

По мнению Н. А. Соколовой, педагогическая поддержка в системе дополнительного образования детей – это не только деятельность педагога, но и создание условий образовательным учреждением для развития индивидуальности, субъектности ребенка на основе его индивидуальных способностей, потребностей, ценностных ориентаций и мотивов [29, с. 44].

О. О. Андронникова и М. А. Евдокимова считают, что психолого-педагогическую поддержку следует рассматривать как комплексное воздействие, организуемое в образовательном пространстве и включающее в себя деятельность, направленную на конструктивное преобразование личности в рамках широкого круга социальных явлений. Суть психолого-педагогической поддержки заключается в интеграции психологической и педагогической помощи, психолого-педагогической поддержки, социальной фасилитации и др. [30, с. 78].

Общей целью педагогической поддержки, как правило, определяется построение особого вида заранее спланированного взаимодействия, направленного на содействие ребенку в самостоятельном поиске оптимальных решений с опорой на уже имеющийся у него опыт.

По мнению Т. В. Гребенщиковой, педагогическая поддержка эмоционально-экспрессивного развития ребенка характеризуется непрерывностью осуществления в дошкольной образовательной организации. Педагогическая поддержка эмоционально-экспрессивного развития дошкольников реализуется как поддержка эмоционального благополучия воспитанников; стимулирование эмоционально-экспрессивного поведения педагога; насыщение предметной среды дошкольного образовательного учреждения эмоционально-развивающими средствами; придание детской деятельности эмоционально-насыщенного, экспрессивного характера; проведение мониторинга эмоционально-экспрессивного развития детей [31].

Н. С. Ежкова считает важным при организации педагогической поддержки эмоционального развития дошкольников учет последовательности в усложнении форм эмоционального реагирования [32].

Н. Л. Кряжева предлагает включать в работу с детьми различные виды деятельности, создавать доброжелательную атмосферу, основанную на взаимопонимании и взаимоподдержке, формировать у детей навыки самоорганизации посредством стимуляции положительных эмоций [33].

Итак, эмоциональное развитие детей дошкольного возраста в ДОО должно выступать как специально организованный процесс, в котором созданы условия для осознания эмоционального состояния, формирования эмоциональной основы для проявления умения сочувствовать, умения адекватно проявлять эмоции, управлять ими в процессе общения, укрепления связей между эмоциями и мотивацией.

По мнению А. Я. Щекиной, знакомство детей с фундаментальными эмоциями осуществляется как в ходе всего учебно-воспитательного процесса, так и на специальных занятиях, где дети переживают эмоциональные состояния, вербализуют свои переживания, знакомятся с опытом сверстников, с литературой, живописью, музыкой [34].

Н. С. Ежковой для развития эмоционального реагирования дошкольников с использованием средств воздействия на сенсорную сферу личности был разработан комплекс эмоционально-сенсорных игр. Целью данных игр является побуждение детей к эмоциональному реагированию посредством воздействия на сенсорные процессы и актуализацию разномодальных ощущений. Они позволяют ребенку почувствовать взаимодействие эмоций с сенсорными стимулами, активизируют моторные механизмы эмоционального отклика, опосредованно приводят в действие эмоциональную сферу в целом. Достоинством данных игр является сравнительно небольшая трудоемкость их подготовки и привлекательность для самих дошкольников [32].

И. В. Иванова рассматривает в качестве технологии педагогической поддержки моделирование субъективного поведения человека на основе определения ребенком видения способа решения возникшей проблемы. Педагог организует встречу ребенка с самим собой. Эта встреча организована как совокупность разных позиций, которые занимает ребенок, пытается реализовать собственные интересы [35, с. 111].

По мнению Е. Н. Шавриновой, содержание педагогической деятельности по поддержке ребенка может рассматриваться как целостная система, направленная на обеспечение внутренних условий собственного развития ребенка, создание благоприятных внешних условий физического и психического развития, а также осуществление совместной деятельности педагога и ребенка [36, с. 495].

Таким образом, педагогическая поддержка развития эмоциональной сферы в старшем дошкольном возрасте должна быть направлена на развитие структуры эмоциональной сферы, совершенствование отдельных ее компонентов, основанное на возрастных особенностях детей. Содержанием педагогической поддержки развития эмоциональной сферы детей старшего дошкольного возраста в условиях дошкольной организации становятся условия этого процесса. Проанализировав мнения различных авторов, можно заключить, что одним из таких условий выступает общение ребенка со взрослыми и сверстниками в процессе игровой деятельности (различных ее видов), художественно-эстетической и практической деятельности.

Методы и материалы

Исследование было проведено на несколько этапов на выборке из 50 старших дошкольников 5–6,5 лет: 22 мальчика и 28 девочек.

1. Организационный этап. Осуществлен подбор методик для исследования эмоциональной сферы детей старшего дошкольного возраста, разработана программа формирующего эксперимента. Для исследования эмоциональной сферы мы использовали методики, отраженные в табл. 1. При подборе методик мы руководствовались критериями: понимание – идентификация (когнитивный компонент), выражение – проявление в деятельности, регуляция – управление. В констатирующем эксперименте проведено исследование эмоциональной сферы старших дошкольников. Выборка разделена на две группы – экспериментальную (25 испытуемых) (ЭГ) и контрольную (25 испытуемых) (КГ).

2. Формирующий эксперимент. Проведены занятия по развитию эмоциональной сферы в ЭГ.

3. Повторный констатирующий эксперимент. Проведена диагностика эмоциональной сферы старших дошкольников после формирующего эксперимента.

4. Аналитический этап. Осуществлен количественный и качественный анализ с использованием методов статистики.

Для проведения математической статистики был выбран *t*-критерий Стьюдента для зависимых выборок. Статистические различия принимались при $p < 0,05$.

Табл. 1. Комплекс методик для исследования эмоциональной сферы детей старшего дошкольного возраста

Tab. 1. A set of methods for the study of the emotional sphere of senior preschoolers

Критерий	Методика	Параметр
Понимание – идентификация	методика «Эмоциональная идентификация» (Е. И. Изотова) [37]; методика изучения понимания эмоциональных состояний людей, изображенных на картинке [38]	умение различать эмоции по лицам, пиктограммам
Выражение – проявление в деятельности	методика «Проективные рассказы» [39]; методика определения эмоционального благополучия ребенка в группе детского сада Г. Любиной, Л. Микулик [40]	эмоциональное самочувствие детей в группе
	методика В. М. Минаевой [41]	умение выражать эмоции мимикой, голосом
Регуляция – управление	анкета «Признаки импульсивности» (Е. К. Лютова, Г. Б. Моница) [42]	степень импульсивности
	шкала оценки внешних признаков эмоционального возбуждения (Ю. Я. Киселев) [43]	особенности эмоционального возбуждения

Результаты

Изучение понимания, идентификации эмоций у старших дошкольников показало, что у 46 % испытуемых определен средний уровень эмоциональной идентификации, у 32 % – высокий и у 22 % – низкий уровень. Исходя из этого, мы заключили, что старшие дошкольники, как правило, не испытывают больших трудностей в эмоциональной идентификации.

Понимание разных эмоций у старших дошкольников сформировано по-разному. Наиболее продуктивно дети идентифицируют эмоции радости (94 %), гнева (88 %). Реже старшие дошкольники различали эмоцию страха (70 %) и грусти (64 %). Из представленных эмоций менее понимаема была эмоция удивления (58 %). Можно заключить, что эмоциональная идентификация у старших дошкольников сформирована, большинство различают разные по модальности эмоции.

Следующий критерий, по которому оценивалось эмоциональное развитие детей старшего дошкольного возраста, – выражение эмоций, проявление в деятельности. У 5 детей было общее количество рассказов с преобладанием отрицательного характера (табл. 2), что составило 10 % от выборки. В среднем же общее количество отрицательных рассказов не превышало 2 (1,96). Эмоциональное отношение к различным ситуациям в детском саду у старших дошкольников положительное.

Эмоциональное благополучие у старших дошкольников имеет положительный вектор у 76 % обследованных и отрицательный – у 24 %.

Методика В. М. Минаевой позволяет изучить сформированность умения вербально и невербально выражать эмоции. Ребенку предлагается продемонстрировать веселого, печального, напуганного, рассерженного, удивленного мальчика (девочку). Каждое эмоциональное состояние называлось по мере выполнения. Выполнение задания оценивалось в 1 балл, не выполнение – 0 баллов. В табл. 3 представлены средние значения показателей, иллюстрирующих сформированность умений выражать эмоции. Проявление эмоциональной мимики и пантомимики при выражении различных эмоций, как и понимание эмоций, сформировано у старших дошкольников по-разному. Наиболее выразительно в мимике и пантомимике старшие дошкольники демонстрируют веселье, менее – грусть и удивление.

Третьим критерием эмоционального развития старших дошкольников выступила регуляция эмоционального состояния. Средний уровень выраженности импульсивности определен у большинства испытуемых (70 %). Низкий уровень встречается у 16 % старших дошкольников. Высокий уровень выявлен у 14 % старших дошкольников.

При оценке внешних признаков эмоционального возбуждения у старших дошкольников мы выявили преобладание адекватности (табл. 4). Менее всего она проявляется в движениях и речи. Возбуждение более всего выражено в поведении, движении. Апатия чаще всего проявляется в речи.

Проведенное исследование эмоционального развития старших дошкольников позволяет заключить следующее:

- у старших дошкольников высокий и средний уровень эмоциональной идентификации, сформировано понимание

эмоций, особенно радости и гнева, проявление эмоций у отдельных испытуемых выражается в повышенной и высокой тревожности, агрессивности, страхах;

- эмоциональное благополучие, эмоциональное отношение к различным ситуациям, в частности в детском саду, у старших дошкольников благоприятное;
- выражение эмоций в мимике и пантомимике сформировано недостаточно (за исключением эмоции радости), в отношении ряда эмоций старшие дошкольники демонстрируют их лучше на примере мультипликационных героев;
- регуляция эмоционального состояния сформирована, но выделяется группа детей с импульсивностью, признаками эмоционального возбуждения.

Таким образом, в структуре эмоционального развития старших дошкольников менее сформирован компонент проявления эмоций. А также среди проблем эмоционального развития на уровне индивидуальных проявлений мы выделили недостаточно сформированные понимание и выражение эмоций печали, удивления.

Цель формирующего эксперимента – развитие эмоциональной сферы детей старшего дошкольного возраста в условиях педагогической поддержки.

В качестве технологии педагогической поддержки был разработан комплекс мероприятий, включающий набор игр и упражнений. Занятия связаны единой темой – путешествие в страну эмоций. Для занятий изготавливается карта страны эмоций. Дети знакомятся с эмоциями: радость, печаль, гнев, страх, спокойствие, интерес, удивление, обида. Для психологической разминки использовались коммуникативные упражнения: «Броуновское движение», «Коллективный счет», «Найди взглядом», «Менялки» и др.

В начале занятий проводилась беседа об эмоциональном состоянии детей, с которым они пришли на занятие. Упражнения и игры подбирались таким образом, чтобы дети учились различать эмоции (как свои, так и другого человека), выражать их вербально, посредством мимики, пантомимики, понимать причины возникновения эмоций, управлять ими на доступном возрасте уровне. Особое место отводилось психогимнастическим этюдам, ролевым играм на выражение различных эмоций. Для снижения эмоционального возбуждения, импульсивности использовались релаксационные упражнения, упражнения, связанные с контролем эмоций («Море волнуется», «Разговор руками», «Ласковые лапки»).

После проведения формирующего эксперимента мы провели повторное исследование эмоционального развития испытуемых нашей выборки (табл. 5).

После формирующего эксперимента в ЭГ увеличилось количество испытуемых с высоким уровнем эмоциональной идентификации, уменьшилось – с низким уровнем. В отношении понимания эмоциональных состояний старшими дошкольниками было установлено, что после формирующего эксперимента в ЭГ улучшилось понимание всех эмоций, но статистически значимые различия были установлены только в отношении эмоции удивления.

Табл. 2. Интерпретация детьми возможных эмоционально окрашенных последствий по методике «Проективные рассказы»
 Tab. 2. Interpretation of emotionally colored consequences according to the method of "Projective stories"

Содержание	Количество отрицательных рассказов
Рассказ 1. [Имя ребенка] должен выступать на празднике. Он выучил стихотворение, надел нарядный костюм. А что случилось потом?	0,38
Рассказ 2. [Имя ребенка] играет со своим другом в группе. Его позвал к себе воспитатель. А что случилось потом?	0,34
Рассказ 3. [Имя ребенка] завтракает. Вот он уже все съел. А что случилось потом?	0,32
Рассказ 4. [Имя ребенка] обедает. Больше ему есть совсем не хочется. А что случилось потом?	0,36
Рассказ 5. [Имя ребенка] испачкал стол красками. А что было потом?	0,56
Всего	1,96

Табл. 3. Средние значения сформированности умения выражать эмоции средствами мимики и пантомимики (методика В. М. Минаевой)

Tab. 3. Mean values of formation of the ability to express emotions by mimicry and pantomime (V. M. Minaeva's method)

Количество точно выполненных заданий	Веселый	Печальный	Напуганный	Рассерженный	Удивленный
На примере себя	0,96	0,54	0,68	0,7	0,5
На примере персонажа	0,94	0,52	0,68	0,78	0,34

Табл. 4. Шкала оценки внешних признаков эмоционального возбуждения (Ю. Я. Киселев), %

Tab. 4. Scale for assessing external signs of emotional arousal (Yu. Ya. Kiselev's method), %

Выраженность признака	Поведение	Мимика, пантомимика	Движения	Статические позы	Речь	Вегетативные сдвиги
Апатия	6	10	10	10	16	8
Адекватность	78	80	72	76	72	84
Возбуждение	16	10	18	14	12	8

Табл. 5. Средние значения показателей в экспериментальной группе на начальном и заключительном этапах эксперимента

Tab. 5. Mean values of indicators in the experimental group at the initial and final stages of the experiment

Параметр	Начальный этап	Заключительный этап	t	p
Уровень эмоциональной идентификации	5,15	6,05	-3,33	0,004
Радость	0,95	1,00	-1,00	0,33
Грусть	0,60	0,75	-1,83	0,08
Страх	0,70	0,75	-1,00	0,33
Гнев	0,90	0,95	-1,00	0,33
Удивление	0,45	0,75	-2,85	0,01
Проективные рассказы				
Рассказ 1	0,35	0,25	1,83	0,08
Рассказ 2	0,30	0,35	-0,57	0,58
Рассказ 3	0,25	0,25	0,00	1,00
Рассказ 4	0,40	0,40	0,00	1,00
Рассказ 5	0,45	0,35	1,45	1,16
Общее по проективным рассказам	1,75	1,55	1,07	0,30
Эмоциональное благополучие	0,15	0,10	1,00	0,33

Параметр	Начальный этап	Заключительный этап	t	p
Проявления эмоциональной мимики и пантомимики (на примере себя)				
Веселый	0,95	1,00	-1,00	0,33
<i>Печальный</i>	0,55	0,75	-2,18	0,04
<i>Напуганный</i>	0,65	0,85	-2,18	0,04
Рассерженный	0,75	0,75	0,00	1,00
<i>Удивленный</i>	0,45	0,70	-2,52	0,02
Проявления эмоциональной мимики и пантомимики (на примере персонажа)				
Веселый	0,95	0,95	0,00	1,00
<i>Печальный</i>	0,60	0,80	-2,18	0,04
Напуганный	0,60	0,75	-1,83	0,08
Рассерженный	0,95	0,95	0,00	1,00
Удивленный	0,35	0,40	-1,00	0,33
<i>Импulsивность</i>	10,75	9,40	4,13	0,001
Оценка внешних признаков эмоционального возбуждения				
Поведение	0,85	0,83	1,00	0,33
<i>Мимика, пантомимика</i>	0,80	0,60	2,18	0,04
Движения	0,75	0,72	1,00	0,33
<i>Статические позы</i>	0,80	0,60	2,18	0,04
Речь	0,76	0,61	1,83	0,08
Вегетативные сдвиги	1,05	1,05	0,00	1,00

Прим.: полужирным курсивом показан уровень значимости различий средних значений показателей при $p \leq 0,05$.

В ЭГ наиболее позитивная динамика установлена в отношении первого рассказа, связанного с публичным выступлением. Количество испытуемых, переживающих негативные эмоции в ситуации общения с воспитателем, возросло (статистически значимые различия не установлены). Переживание эмоций в ситуациях питания не изменилось, в ситуации пачкания красками – уменьшилось (статистически значимые различия не установлены).

Результативность проявлений мимики и пантомимики «на примере себя» у испытуемых ЭГ увеличилась, за исключением состояния *рассерженный*. Между показателями начального и заключительного этапов эксперимента в ЭГ существуют статистически значимые различия по состояниям *печальный*, *напуганный*, *удивленный*. На примере персонажа испытуемые ЭГ выразительнее показали состояния *печальный*, *напуганный*, *удивленный*. Статистические различия установлены для состояния *печальный*.

Между показателями начального и заключительного этапов эксперимента в ЭГ существуют статистически значимые различия в уровне импульсивности. В ЭГ выявлены статистически достоверные отличия (по t-критерию Стьюдента) показателей эмоционального возбуждения. Зафиксировано статистически значимое снижение эмоционального возбуждения, проявляющегося в мимике, пантомимике, статических позах (статистически значимо различается).

При рассмотрении данных, полученных на начальном и заключительном этапах эксперимента в КГ, мы установили, что статистически значимые изменения изучаемых показателей в КГ не зафиксированы (табл. 6). В КГ произошел некоторый рост понимания эмоций, который не является

статически значимым. В отношении эмоции гнева данные испытуемых не изменились. Анализ эмоционального благополучия показал, что в КГ показатель положительного вектора остался на том же уровне. В КГ не установлены статически значимые различия в выражении эмоций на примере себя и на примере персонажа. Уровень импульсивности в КГ остался прежним.

Заключение

По результатам экспериментального исследования можно назвать следующие выводы:

- эмоциональное развитие у старших дошкольников происходит главным образом в отношении понимания эмоций, в частности эмоции печали, проявлений эмоциональной мимики и пантомимики, менее выражена динамика параметров регуляции эмоциональной сферы;
- в условиях педагогической поддержки развитие эмоциональной сферы происходит в трех направлениях: понимание эмоций, выражение эмоций, регуляция эмоций;
- применение технологии педагогической поддержки обеспечило позитивные изменения в уровне понимания эмоций, особенно удивления, обеспечило формирование умения проявлять в мимике и пантомимике состояния печали, страха, удивления, снижение импульсивности и эмоционального возбуждения, проявляемого в мимике, пантомимике, статических позах.

Педагогическая поддержка процесса эмоционального развития старших дошкольников позволяет оптимизировать этот процесс, создать благоприятное течение развития для всех сторон проявления эмоциональной сферы.

Табл. 6. Средние значения показателей в контрольной группе на начальном и заключительном этапах эксперимента
Tab. 6. Mean values of indicators in the control group at the initial and final stages of the experiment

Параметр	Начальный этап	Заключительный этап	t	p
Уровень эмоциональной идентификации	5,16	5,19	-1,00	0,33
Радость	0,95	0,97	-1,00	0,33
Грусть	0,60	0,63	-1,44	0,16
Страх	0,70	0,73	-1,00	0,33
Гнев	0,90	0,90	0,00	1,00
Удивление	0,45	0,42	1,00	0,33
Проективные рассказы				
Рассказ 1	0,35	0,37	-0,57	0,57
Рассказ 2	0,30	0,32	-1,00	0,33
Рассказ 3	0,25	0,27	-1,00	0,33
Рассказ 4	0,40	0,44	-1,44	0,16
Рассказ 5	0,45	0,45	0,00	1,00
Общее по проективным рассказам	1,75	1,80	-0,90	0,37
Эмоциональное благополучие	0,14	0,12	1,00	0,33
Проявления эмоциональной мимики и пантомимики (на примере себя)				
Веселый	0,96	0,96	0,00	1,00
Печальный	0,53	0,55	-1,00	0,33
Напуганный	0,65	0,69	-1,44	0,16
Рассерженный	0,75	0,71	1,44	0,16
Удивленный	0,45	0,47	-1,00	0,33
Проявления эмоциональной мимики и пантомимики (на примере персонажа)				
Веселый	0,93	0,95	-1,00	0,33
Печальный	0,60	0,62	-1,00	0,33
Напуганный	0,60	0,64	-1,44	0,16
Рассерженный	0,96	0,98	-1,00	0,33
Удивленный	0,35	0,37	-1,00	0,33
Импульсивность	10,75	11,70	-0,57	0,57
Оценка внешних признаков эмоционального возбуждения				
Поведение	0,85	0,85	0,00	1,00
Мимика, пантомимика	0,80	0,80	0,00	1,00
Движения	0,76	0,80	-1,44	0,16
Статические позы	0,80	0,84	-1,44	0,16
Речь	0,77	0,77	0,00	1,00
Вегетативные сдвиги	1,05	1,03	1,00	0,33

Литература

1. Рубинштейн С. А. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2015. 705 с.
2. Дарвин Ч., Экман П. О выражении эмоций у человека и животного. СПб.: Питер, 2014. 320 с.
3. Психология эмоций / под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 288 с.
4. Аристова И. А. Общая психология. Мотивация, эмоции, воля. Владивосток: ТИДОТ ДВГУ, 2003. 104 с.
5. Джеймс У. Психология. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2011. 318 с.
6. Лэнгле А. Что движет человеком? Экзистенциально-аналитическая теория эмоций. М.: Генезис, 2009. 235 с.
7. Пырьев Е. А. Эмоции в системе психического отражения и мотивации поведения человека // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 2. С. 232–236.
8. Выготский Л. С. Собрание сочинений. Т. 5. Основы дефектологии. М.: Педагогика, 1983. 368 с.

9. Асмолов А. Г. О предмете психологии личности // Асмолов А. Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. Воронеж: МОДЭК; М.: Институт практической психологии, 1996. С. 73–91.
10. Симонов П. В. Теория отражения и психофизиология эмоций. М.: Наука, 1970. 141 с.
11. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы, эмоции // Психология эмоций / под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 162–171.
12. Изард К. Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2006. 464 с.
13. Тихомиров О. К., Бабаева Ю. Д., Березанская Н. Б., Васильев И. А., Войскуновский А. Е. Развитие деятельностного подхода в психологии мышления // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А. Н. Леонтьева / под ред. А. Е. Войскуновского, А. Н. Ждан, О. К. Тихомирова. М.: Смысл, 1999. С. 191–234.
14. Лаптева Ю. А., Морозова И. С. Развитие эмоциональной сферы ребенка дошкольного возраста // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 51–55. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-3-51-55
15. Урунтаева Г. А., Афонькина Ю. А. Практикум по детской психологии. М.: ВЛАДОС, 1995. 288 с.
16. Соловьева Н. В. Особенности вербализации эмоциональных представлений дошкольниками: дис. ... канд. психол. наук. М., 1999. 126 с.
17. Урунтаева Г. А. Дошкольная психология. 5-е изд., стер. М.: Академия, 2001. 334 с.
18. Орехова О. А. Процессы дифференциации, амбивалентности и инверсии эмоций как особенности развития эмоциональной сферы детей разного возраста и пола // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2007. № 2-2. С. 43–47.
19. Капитаненко Н. В. Эмоциональная регуляция: области изучения, компоненты и функции // Психологическая наука и образование. 2007. № 5. С. 267–274.
20. Николаева В. В., Байкенова А. Е., Шевченко В. Е. Особенности развития эмоциональной сферы детей дошкольного возраста // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2019. № 1. С. 40–45.
21. Андреева О. В. Особенности эмоциональной сферы леворуких детей старшего дошкольного возраста: дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2006. 164 с.
22. Савина Е. А. Введение в психологию. М.: Прометей, 1998. 247 с.
23. Кравцов Г. Г., Кравцова Е. Е. Воображение и творчество: культурно-исторический подход // Психолого-педагогические исследования. 2019. Т. 11. № 1. С. 1–11. DOI: 10.17759/psyedu.2019110101
24. Веракса Н. Е., Веракса А. Н. Развитие ребенка в дошкольном детстве. М.: Мозаика-Синтез, 2006. 70 с.
25. Дьяченко О. М. Развитие воображения дошкольника. М.: Мозаика-Синтез, 2008. 126 с.
26. Адушкина К. В., Лозгачёва О. В. Психолого-педагогическое сопровождение субъектов образования. Екатеринбург: УрГПУ, 2017. 163 с.
27. Педагогическая поддержка ребенка в образовании / под ред. В. А. Сластенина, И. А. Колесниковой. М.: Academia, 2006. 282 с.
28. Коротчаева Е. В. Педагогическое взаимодействие: становление дефиниции // Педагогическое образование. 2007. № 1. С. 73–83.
29. Соколова Н. А. Теоретико-методологические основы социально-педагогической поддержки ребенка в дополнительном образовании. М.: Изд-во МГОУ, 2006. 251 с.
30. Андронникова О. О., Евдокимова М. А. Методические основы организации и проведения программы психолого-педагогической поддержки формирования родительской компетентности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 77–84. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-2-77-84
31. Гребенщикова Т. В. Модель педагогической поддержки эмоционально-экспрессивного развития детей в дошкольной образовательной организации // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2017. № 4. С. 70–76.
32. Ежкова Н. С. Теория и практика эмоционально развивающего воспитания и образования детей дошкольного возраста: дис. ... д-ра пед. наук. Тула, 2009. 367 с.
33. Кряжева Н. Л. Мир детских эмоций. Дети 5–7 лет. Ярославль: Акад. развития, 2000. 158 с.
34. Щекина А. Я. Развитие эмоциональной сферы старших дошкольников в дошкольной образовательной организации // Проблемы педагогики. 2016. № 10. С. 17–19.
35. Иванова И. В. Педагогическая поддержка как современная образовательная практика // Педагогическое образование в России. 2015. № 12. С. 108–112.
36. Шавринова Е. Н. Педагогическая поддержка ребенка в содержании воспитательной деятельности педагога // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 58. С. 491–495.
37. Изотова Е. И., Никифорова Е. В. Эмоциональная сфера ребенка: Теория и практика. М.: Академия, 2004. 283 с.
38. Смирнова Е. О., Холмогорова В. М. Межличностные отношения дошкольников: диагностика, проблемы, коррекция. М.: Владос, 2005. 158 с.
39. Велиева С. В. Диагностика психических состояний детей дошкольного возраста. СПб.: Речь, 2005. 240 с.

40. Диагностика эмоционально-личностного развития дошкольников 3–7 лет / сост. Н. Д. Денисова. Волгоград: Учитель, 2016. 205 с.
41. Минаева В. М. Развитие эмоций дошкольников. Занятия. Игры. М.: АРКТИ, 1999. 48 с.
42. Лютова Е. К., Монина Г. Б. Шпаргалка для родителей: Психокоррекционная работа с гиперактивными, агрессивными, тревожными и аутичными детьми. СПб.: Речь, 2007. 136 с.
43. Практические занятия по психологии / под ред. А. Ц. Пуни. М.: Физкультура и спорт, 1977. 120 с.

original article

Development of the Emotional Sphere of Senior Preschoolers in Conditions of Pedagogical Support

Elena Yu. Brel^{a, @, ID}^a Moscow State Psychological and Pedagogical University, Russia, Moscow

@brelelena@mail.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-7737-8058>

Received 10.07.2020. Accepted 31.07.2020.

Abstract: The research featured some peculiarities of the development of the emotional sphere in senior preschoolers and their positive changes in conditions of pedagogical support. The research objective was to study the possibilities of developing the emotional sphere of older preschool children in conditions of pedagogical support. The article describes the specifics of emotional development at preschool age, such as uneven development of recognition, expression, and regulation of emotional states. The author declares the necessity for organizing pedagogical support for the development of the emotional sphere in a preschool educational organization. The article introduces forms and methods of pedagogical support of senior preschoolers based on activities that improve their interaction experience with adults and peers. Such support makes it possible to develop emotional sphere in three directions: understanding emotions, expressing emotions, and regulating emotions.

Keywords: understanding emotions, expression of emotions, regulation of emotions, means of psychological and pedagogical support, emotions

For citation: Brel E. Yu. Development of the Emotional Sphere of Senior Preschoolers in Conditions of Pedagogical Support. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(2): 95–106. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-2-95-106>

References

1. Rubinstein S. L. *Fundamentals of general psychology*. St. Petersburg: Piter, 2015, 705. (In Russ.)
2. Darwin Ch., Ekman P. *The expression of the emotions in man and animals*. St. Petersburg: Piter, 2014, 320. (In Russ.)
3. *Psychology of emotions*, eds. Vilyunas V. K., Gippenreiter Yu. B. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1984, 288. (In Russ.)
4. Aristova I. L. *General psychology. Motivation, emotions, and will*. Vladivostok: TIDOT DVGU, 2003, 104. (In Russ.)
5. James W. *Psychology*. Moscow: Akademicheskii Proekt; Gaudeamus, 2011, 318. (In Russ.)
6. Längle A. *What motivates a person? Existential-analytical theory of emotions*. Moscow: Genezis, 2009, 235. (In Russ.)
7. Pyryev E. A. Emotions in the system of a psychic reflection and human behavior motivation. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, (2): 232–236. (In Russ.)
8. Vygotsky L. S. *Collected works. Vol. 5. Fundamentals of defectology*. Moscow: Pedagogika, 1983, 368. (In Russ.)
9. Asmolov A. G. On the subject of personality psychology. *Cultural-historical psychology and construction of the worlds*. Voronezh: MODEK; Moscow: Institut prakticheskoi psikhologii, 1996, 73–91. (In Russ.)
10. Simonov P. V. *Theory of reflection and psychophysiology of emotions*. Moscow: Nauka, 1970, 141. (In Russ.)
11. Leontev A. N. Needs, motives, emotions. *Psychology of emotions*, eds. Vilyunas V. K., Gippenreiter Yu. B., 2nd ed. Moscow: Izd-vo MGU, 1993, 162–171. (In Russ.)
12. Izard C. E. *Psychology of emotions*. St. Petersburg: Piter, 2006, 464. (In Russ.)
13. Tikhomirov O. K., Babaeva Yu. D., Berezanskaya N. B., Vasiliev I. A., Voiskunovsky A. E. Development of the activity approach in the psychology of thinking. *Traditions and prospects of the activity approach in psychology: A. N. Leontiev*, ed. Voiskunovsky A. E., Zhdan A. N., Tikhomirov O. K. Moscow: Smysl, 1999, 191–234. (In Russ.)

14. Lapteva Ju. A., Morozova I. S. Emotional development of preschool children. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, 3: 51–55. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-3-51-55
15. Uruntaeva G. A., Afonkina Yu. A. *Workshop on child psychology*. Moscow: VLADOS, 1995, 288. (In Russ.)
16. Solovieva N. V. *Features of the verbalization of emotional representations by preschoolers*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Moscow, 1999, 126. (In Russ.)
17. Uruntaeva G. A. *Preschool psychology*, 5th ed. Moscow: Akademiia, 2001, 334. (In Russ.)
18. Orekhova O. A. The processes of differentiation, ambivalence and inversion emotions as a features of development of emotional sphere at children of different age and sexual. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiiia, politologiiia, sotsiologiiia, psikhologiiia, pravo, mezhdunarodnye otnosheniia*, 2007, (2-2): 43–47. (In Russ.)
19. Kapitonenko N. V. Emotional regulation of behavior: sphere of investigation, components and functions. *Psychological science and education*, 2007, (5): 267–274. (In Russ.)
20. Nikolaeva V. V., Baikenova A. E., Shevchenko V. E. Features of the emotional sphere development of the preschool children. *Actual issues of modern science and society*, 2019, (1): 40–45. (In Russ.)
21. Andreeva O. V. *Features of the emotional sphere of left-handed children of senior preschool age*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Ekaterinburg, 2006, 164. (In Russ.)
22. Savina E. A. *Introduction to psychology*. Moscow: Prometei, 1998, 247. (In Russ.)
23. Kravtsov G. G., Kravtsova E. E. Imagination and creativity: cultural-historical approach. *Psychological-Educational Studies*, 2019, 11(1): 1–11. (In Russ.) DOI: 10.17759/psyedu.2019110101
24. Veraksa N. E., Veraksa A. N. *Child development in preschool childhood*. Moscow: Mozaika-Sintez, 2006, 70. (In Russ.)
25. Diachenko O. M. *Development of the preschooler's imagination*. Moscow: Mozaika-Sintez, 2008, 126. (In Russ.)
26. Adushkina K. V., Lozgacheva O. V. *Psychological and pedagogical support of subjects of education*. Ekaterinburg: UrGPU, 2017, 163. (In Russ.)
27. *Pedagogical support of a child in education*, eds. Slastenin V. A., Kolesnikova I. A. Moscow: Academia, 2006, 282. (In Russ.)
28. Korotaeva E. V. Pedagogical interaction: the formation of the definition. *Pedagogical education in Russia*, 2007, (1): 73–83. (In Russ.)
29. Sokolova N. A. *Theoretical and methodological foundations of social and pedagogical support of a child in additional education*. Moscow: Izd-vo MGOU, 2006, 251. (In Russ.)
30. Andronnikova O. O., Evdokimova M. A. Methodical bases of organizing and conducting the program of psychological and pedagogical support for parental competence formation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, (2): 77–84. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2018-2-77-84
31. Grebenshchikova T. V. Model of pedagogical support of emotional and expressive development of children in preschool educational organizations. *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*, 2017, (4): 70–76. (In Russ.)
32. Ezhkova N. S. *Theory and practice of emotionally developing upbringing and education of preschool children*. Dr. Ped. Sci. Diss. Tula, 2009, 367. (In Russ.)
33. Kriazheva N. L. *The world of children's emotions. Children 5–7 years old*. Yaroslavl: Akad. razvitiia, 2000, 158. (In Russ.)
34. Shchekina A. Ya. Development of the emotional sphere of senior preschoolers in a preschool educational organization. *Problemy pedagogiki*, 2016, (10): 17–19. (In Russ.)
35. Ivanova I. V. Pedagogical support as a modern educational practice. *Pedagogical education in Russia*, 2015, (12): 108–112. (In Russ.)
36. Shavrinova E. N. Pedagogical support of a child in the content of educational activity. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 2008, (58): 491–495. (In Russ.)
37. Izotova E. I., Nikiforova E. V. *Emotional sphere of the child: Theory and practice*. Moscow: Akademiia, 2004, 283. (In Russ.)
38. Smirnova E. O., Kholmogorova V. M. *Interpersonal relations of preschoolers: diagnostics, problems, correction*. Moscow: Vldos, 2005, 158. (In Russ.)
39. Velieva S. V. *Diagnostics of mental states of preschool children*. St. Petersburg: Rech, 2005, 240. (In Russ.)
40. *Diagnosis of emotional and personal development of 3–7 year-old preschoolers*, comp. Denisova N. D. Volgograd: Uchitel, 2016, 205. (In Russ.)
41. Minaeva V. M. *Development of emotions in preschoolers. Lessons. Games*. Moscow: ARKTI, 1999, 48. (In Russ.)
42. Liutova E. K., Monina G. B. *Cheat sheet for parents: Psychocorrectional work with hyperactive, aggressive, anxious, and autistic children*. St. Petersburg: Rech, 2007, 136. (In Russ.)
43. *Practical lessons in psychology*, ed. Puni A. Ts. Moscow: Fizkultura i sport, 1977, 120. (In Russ.)

Особенности психологической готовности студентов педагогических направлений к профессиональной деятельности

Ирина А. Дмитриева^a; Ирина С. Морозова^{b,@}; Ольга Ю. Елькина^c

^a Кемеровский педагогический колледж, Россия, г. Кемерово

^b Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

^c Новокузнецкий филиал (институт) Кемеровского государственного университета, Россия, г. Новокузнецк

@ ishmorozova@yandex.ru

Поступила в редакцию 08.06.2020. Принята к печати 30.06.2020.

Аннотация: Необходимость выявления особенностей психологической готовности к профессиональной деятельности студентов педагогических направлений обусловлена потребностью в обеспечении общества высококвалифицированными специалистами, которые смогут отвечать требованиям современной социально-экономической обстановки в стране. Предметом являются особенности психологической готовности выпускников педагогических направлений учреждений профессионального и высшего образования к профессиональной деятельности. Цель – выявить особенности психологической готовности студентов педагогических направлений к профессиональной деятельности, обучающихся в учреждениях профессионального и высшего образования. Раскрывается понятие *готовности*, уделяется внимание различным типологиям готовности. Установлены сущность и взаимосвязь понятий *психологическая готовность* и *готовность к профессиональной деятельности*. Выявлены и описаны особенности психологической готовности студентов к профессиональной деятельности, рассмотрены содержательные характеристики профессиональной готовности студентов к будущей профессиональной деятельности и определены возможности их формирования в условиях учреждений профессионального и высшего образования. Обосновывается необходимость разработки и апробации методов исследования психологической готовности студентов к профессиональной деятельности. Внедрение результатов способствует повышению профессиональной компетентности студентов. Прикладной аспект исследуемой проблемы выражен в разработке и апробации программы формирования психологической готовности к профессиональной деятельности в условиях учреждений профессионального и высшего образования.

Ключевые слова: профессиональное образование, высшее образование, будущие педагоги, факторы формирования готовности, профессиональная подготовка

Для цитирования: Дмитриева И. А., Морозова И. С., Елькина О. Ю. Особенности психологической готовности студентов педагогических направлений к профессиональной деятельности // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 2. С. 107–116. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-2-107-116>

Введение

Актуальность исследования определяется возрастанием потребности в высококвалифицированных специалистах, а в связи с этим и необходимостью в изучении особенностей психологической готовности студентов – будущих педагогов – к профессиональной деятельности на заключительном этапе обучения в колледже и вузе. На сегодняшний день остро стоит проблема конкурентоспособности специалистов на рынке труда. В условиях быстро меняющихся социальных, экономических, политических задач профессиональная компетентность будущих специалистов является ключевой. Мы видим, что профессиональная деятельность специалиста усложняется, с каждым днем предъявляются все новые требования к работнику. Поэтому формируются и принципиально новые требования к деятельности высших учебных заведений.

Проблема формирования готовности студентов к будущей профессиональной деятельности является одной из значимых в современном обществе. Выпускникам вузов и колледжей необходимо еще немало времени для того, чтобы освоиться на конкретном рабочем месте. Немаловажным является наличие у молодого специалиста готовности к профессиональной деятельности [1].

Внутренняя готовность в словаре по педагогике определяется как «высокий уровень развития познавательных, мотивационных, волевых и эмоциональных процессов личности, коллектива, который обеспечивает успех предстоящей деятельности. Это адекватная установка, мотивация и мобилизация психических ресурсов для предстоящей деятельности»¹.

В зависимости от специфики структуры профессиональной деятельности готовность к труду рассматривается

¹ Современный словарь по педагогике / сост. Е. С. Рапацевич. Мн.: Современное слово, 2001. С. 64.

учеными по-разному. Я. А. Коломинский предлагал рассматривать феномен готовности в качестве определенного результата развития личности [2]. А. В. Лежнина определяет готовность как совокупность формируемых установок, позволяющих специалисту выполнять определенный набор трудовых функций [3]. О. Б. Дмитриева под психологической готовностью к профессиональной деятельности понимает совокупность знаний, умений и навыков, которые позволят выпускнику выполнять свою профессиональную деятельность на уровне современных требований науки и техники [4]. Феномен готовности в широком смысле представляет собой условие успешного исполнения профессиональной деятельности, которая совершенствуется и формируется самим человеком, а также системой мероприятий, которые проводит государство [5].

Понятие *психологическая готовность к профессиональной деятельности* связано с понятием *психологическая готовность к действию и труду*. С. А. Рубинштейн писал, что любая деятельность человека исходит от него как личности и как субъекта этой деятельности. Он считал, что при единстве деятельности, ее исходных мотивов и конечных целей сама деятельность становится мотивами и целями личности. Мы придерживаемся точки зрения С. А. Рубинштейна, который подчеркивает, что, изучая психологическую сторону деятельности, мы изучаем психологическую сторону личности в процессе деятельности [6].

На основании теоретического анализа мы считаем возможным констатировать наличие дифференциации понятий психологической готовности к любому труду в целом и психологической готовности к определенному виду труда, т. е. к определенной профессиональной деятельности [7]. Изучение сущностных параметров психологической готовности к профессиональной деятельности может быть обосновано с позиций функционального, личностного и личностно-деятельностного подходов [8; 9]. Т. Б. Крюкова понимает психологическую готовность как состояние, которое способствует достижению значительных результатов (функциональный подход) [9]. В личностном подходе готовность определяется как свойство или характеристика, присущая конкретной личности. Сторонники личностно-деятельностного подхода понимают ее как синтез интерпретаций изучаемых феноменов с позиций свойств и процессов. Следует согласиться с позицией Т. Б. Крюковой, согласно которой готовность к деятельности в рамках функционального подхода определяется как некое состояние психики, обеспечивающее более высокий уровень достижений в определенной деятельности [10].

В. Ф. Жукова подчеркивает, что психологическая готовность к деятельности обеспечивает человеку возможность эффективно и качественно осуществлять свои профессиональные обязанности, используя при этом уже имеющиеся знания, умения и навыки и активизируя личностные качества [11]. В связи с этим проблема психологической готовности к различным видам деятельности становится актуальной в отечественной психологии начиная со второй половины XX в. Несмотря на многочисленные исследования

в данной области, на сегодняшний день нет ни однозначной трактовки понятия *психологическая готовность к деятельности*, ни единственно принятого определения.

Одним из первых ученых, который определил готовность к деятельности как психическое состояние личности, был Н. Д. Левитов. Он понимал готовность к деятельности как промежуточное положение между психическими процессами и свойствами личности. Эти процессы обеспечивают общий функциональный уровень, необходимый для результативной профессиональной деятельности [12].

Е. П. Ильин определяет психологическую готовность через функциональное состояние, которое выражается в длительном сохранении работоспособности, устойчивости оптимального состояния, наибольшей скорости вратываемости и восстановления сил, большей стабильности максимальных функций, адекватности реакций на внешние воздействия, слаженности в работе всех частей системы, ритмичности и синхронности [13].

Л. А. Кандыбович и М. И. Дьяченко понимают готовность к деятельности как «целенаправленное выражение личности, которое объединяет ее убеждения, взгляды, отношения, мотивы, чувства, волевые и интеллектуальные качества, знания, навыки, умения, установки, настроенность на определенное поведение» [5, с. 3], и свидетельствуют о психологической готовности как о сложном целенаправленном проявлении личности.

Р. Д. Санжаева в диссертационном исследовании определяет механизмы формирования готовности через деятельностную концепцию [14]. Она рассматривает психологическую готовность в контексте сложного динамического образования, которое обеспечивает взаимодействие двух основных его характеристик: эмоционального, психического состояния и психологической характеристики личности. Они, в свою очередь, проявляются в сбалансированности одного с другим. Совокупность эмоционального начала, убеждений и поведенческих актов в виде навыков, когнитивных образований, устойчивых реакций является выражением сформированности психологической готовности человека к определенной деятельности.

А. А. Деркач и Д. А. Водопьянов, будучи сторонниками личностного подхода, рассматривают психологическую готовность к профессиональной деятельности в качестве интегрального личностного образования, имеющего содержательное наполнение [15].

Интересной считаем позицию А. К. Марковой, которая интерпретировала готовность как психическое состояние «предстарта», когда имеет место быть осознание собственных целей, возможных способов их достижения и анализ условий осуществления [16]. Именно наличие этих трех параметров позволит будущему выпускнику овладеть необходимыми компетенциями и адаптироваться к условиям профессиональной деятельности.

Рассматривая психологическую готовность с точки зрения личностно-деятельностного подхода, А. О. Муругова и И. С. Морозова предлагают считать психологическую готовность к выбору частным случаем психологической

готовности к деятельности и подчеркивают ее сложный многокомпонентный характер, определяющий факт принятия решения на основании анализа субъективно оцениваемой ситуации. Сформированность готовности является необходимой предпосылкой осуществления деятельности на всех ее этапах [17].

Рассуждая о готовности старшеклассников к выбору будущей профессиональной деятельности, З. В. Крецан и Е. В. Морозов описывают существенные характеристики готовности в части описания компонентов, определяющих специфику анализа возможных вариантов реагирования и принятия решения с учетом возможностей осмысления жизненного опыта [18].

Анализ вышеуказанных точек зрения позволяет говорить о готовности к профессиональной деятельности как о многомерном системном образовании, имеющем сложную структуру. Нам близка точка зрения В. А. Сластенина и Л. С. Подымовой, которые писали, что одна из базовых характеристик личности человека – это его готовность к профессиональной деятельности. Готовность – целостное образование, в центре которого выступает практическая готовность человека к деятельности [19].

Мы считаем, что рассматривать готовность студентов к будущей профессиональной деятельности необходимо как комплексное явление, включающее в себя осознание человеком смысла профессии, себя в данной профессии, овладение профессиональными знаниями, умениями и навыками, формирование важных качеств в профессиональной сфере деятельности.

Современное профессиональное образование выполняет важнейшую роль в становлении личности учащегося, оказывает существенное воздействие на его жизнедеятельность и профессиональные ориентиры. В настоящее время в общей и педагогической психологии особое внимание уделяется проблеме вузовской подготовки студента к профессиональной деятельности, его психологической готовности к ней, формированию профессионально-личностных качеств и компетенций.

Психологическая готовность студентов к профессиональной деятельности является ключевой составляющей на пути к успешному выполнению обязанностей, эффективному использованию своих знаний, умений и навыков, а также к личным качествам, опыту, сохранению самоконтроля и перестройки деятельности при появлении непредвиденных ситуаций. Психологическая готовность является психическим состоянием, которое определяется как мобилизация ресурсов специалиста на оперативное или долгосрочное выполнение определенной деятельности [20].

Исходя из того, что профессиональная деятельность представляет собой социально значимую деятельность, выполнение которой требует специальных знаний, умений и навыков, мы считаем необходимым учитывать содержательные характеристики психологической готовности личности выпускника к профессиональной деятельности.

В процессе обучения в колледже и вузе формирование психологической готовности к деятельности будущего

педагога зависит от образования профессионально направленных отношений, свойств личности, мотивов, условий профессиональной подготовки. Формирование психологической готовности к профессиональной деятельности происходит при соблюдении следующих условий:

- активизация стремления студента освоить необходимые профессиональные компетенции;
- обогащение опыта взаимодействия преподавателя с обучаемым;
- формирование представлений студента о себе как о субъекте профессиональной деятельности;
- развитие способности к саморегуляции в процессе профессионального общения и поведения.

Таким образом, формирование психологической готовности к деятельности в процессе профессиональной подготовки связано с образованием профессионально направленных отношений, мотивов, свойств личности, с оценкой условий профессиональной подготовки, с формированием профессиональных компетенций (практический опыт, знания, умения), овладением способами действий в различных ситуациях жизни и деятельности, а также с приобретением опыта практической деятельности.

Факторы, влияющие на формирование психологической готовности к профессиональной деятельности

В аспекте обучения будущего специалиста готовность к профессиональной деятельности определяется нами как интегративное личностное и социально-психологическое образование, которое обеспечивается благодаря быстрой адаптации к условиям и требованиям выбранной профессиональной деятельности, эффективность этой деятельности и профессиональное саморазвитие. По нашему мнению, совокупность факторов, воздействующих на процесс формирования психологической готовности студента к профессиональной деятельности, следует учитывать на всех этапах получения педагогического образования.

Е. А. Кокшенева предлагает рассматривать понятие *фактор* как причину, движущую силу какого-либо изменения, явления [21]. Нами понятие *фактор* определяется как причина, которая отражает характер процесса.

По мнению А. Н. Леонтьева, все факторы целесообразно разделить на две группы: объективные (экономические, политические и культурные особенности общества) и субъективные (мотивационно-потребительская сфера человека, его ценности, личностные качества, способности) [22].

Р. А. Порфирьева полагает, что развитие личности студента происходит в результате его взаимодействия с обществом, когда на него влияют макрофакторы (государство и общество), мезофакторы (этнокультурные условия, т. е. среда, в которой живет и развивается человек) и микрофакторы (институты социализации, такие как семья, детские учреждения и пр.) [23].

Т. М. Чурекова [24] все факторы, которые влияют на процессы самоопределения молодежи, предлагает разделить на общие, региональные и психологические. К общим факторам отнесены социально-экономические

условия жизни населения, духовная культура общества, средства массовой информации и т. д., к региональным – демографические и экономические особенности развития региона. Психологические же факторы подразделяются на: а) зависящие от возрастных особенностей молодежи; б) влияющие на развитие и формирование ценностных ориентаций; в) зависящие непосредственно от личности человека (способности, интересы, психофизиологические качества, уровень общеобразовательной подготовки) [24].

Нам близка позиция Е. А. Кокшениной, которая выделила три группы факторов [21]:

1. Социально-экономические:

- состояние рынка труда в регионе, все, что влияет на возможность трудоустройства человека;
- престиж образования и востребованность профессии в обществе и в конкретном регионе;
- востребованность специалистов в регионе;
- социальное положение и уровень образования родителей;
- материальная возможность семьи оплачивать образование.

2. Психологические:

- мотивы, влияющие на выбор профессии;
- желание и стремление личности добиться успеха в своей деятельности;
- целенаправленность поведения личности, возникающая под воздействием устойчивой системы осознанных ценностных ориентаций;
- эмоции, влияющие на формирование психологической готовности студентов к будущей профессиональной деятельности;
- воля, с помощью которой будущий специалист сможет овладевать знаниями, умениями и навыками, необходимыми в будущей профессиональной деятельности;
- личностные качества, которые влияют на овладение профессиональной деятельностью будущего специалиста.

3. Организационно-педагогические:

- организация воспитательно-образовательного процесса;
- уровень преподавания;
- тип взаимоотношений преподавателей и студентов.

Говоря о социально-экономических факторах, мы можем заключить, что одной из главных причин поступления молодого человека в высшее или профессиональное учебное заведение является престиж высшего образования в целом, а также интерес абитуриента к конкретной профессии. При изучении исследований образовательных планов выпускников школ мы видим, что получение высшего образования является нормой для большинства молодых людей. Подавляющее большинство школьников и их родителей видят необходимость в высшем образовании.

По нашему мнению, к числу доминирующих факторов формирования психологической готовности будущего специалиста к профессиональной деятельности относятся организационно-педагогические. Они характеризуются

реальными условиями, в которые попадает студент в процессе обучения в высшем учебном заведении.

В рамках психолого-педагогического образования мы выделили три группы условий: педагогические, психологические и организационно-методические. Педагогические условия М. Е. Дуранов с соавторами определяют как среду, обстоятельства, где реализуются педагогические факторы [25]. Н. М. Яковлева понимает под данной категорией совокупность мер в учебно-воспитательном процессе, которые обеспечивают достижение студентами высшего уровня деятельности [26]. С. В. Боровская под педагогическими условиями подразумевает комплекс взаимосвязанных мер учебного процесса. Они способствуют переходу студентов на более высокий уровень профессиональной деятельности [27]. Вслед за С. В. Боровской и Н. М. Яковлевой мы рассматриваем педагогические условия как один из компонентов педагогической системы, отражающей совокупность образовательной и пространственной среды, воздействующую на личностный и процессуальный аспекты данной системы и обеспечивающую ее функционирование и развитие.

Педагогические условия включают в себя методологические и теоретические основы педагогического исследования, которые отражаются в виде требований. Условия должны способствовать активизации учебно-познавательной деятельности студентов, учитывать их индивидуальные особенности (самостоятельность выполнения, отношение к работе и т. д.). Необходимо, чтобы условия обеспечивали формирование специальных компетенций у студентов.

К психологическим условиям формирования психологической готовности студентов к профессиональной деятельности в условиях психолого-педагогического образования мы относим:

- мотивацию студента к учебной деятельности, его интерес, любознательность, приобретение знаний, овладение профессией, установку на учебную деятельность;
- произвольность познавательных процессов: мышления, памяти, восприятия, воображения; внимание, речь и высокий уровень их развития;
- наличие необходимых волевых качеств: настойчивости, целеустремленности, сознательности, ответственности и дисциплинированности;
- умение взаимодействовать с другими людьми в ходе учебной деятельности;
- сформированность обобщенных умственных действий (анализ, синтез, классификация и т. д.).

Организационно-методические условия включают в себя:

- действия преподавания – использование разных средств (компьютер, видеотехника), методов (экскурсия, беседа), форм (лекция, семинар, работа в микрогруппах) передачи знаний, умений и навыков;
- действия учения – разнообразие источников (пособия, монографии), средств обучения (Интернет), приемов запоминания и т. д.;
- гибкость обучения – чередование различных средств, приемов, методов, форм обучения с учетом осуществления

индивидуального подхода и педагогических инноваций (нетрадиционные формы обучения);

- использование современных технических средств обучения;
- оптимальный подбор учебного материала (соотношение доступности и достаточного уровня сложности).

Обучение формирует у студентов готовность к профессиональной деятельности, научное мировоззрение, систему современных профессиональных знаний, способствует развитию творческих способностей [28]. Формирование психологической готовности студентов к профессиональной деятельности на различных этапах обучения в учреждениях профессионального и высшего образования является непрерывным и сложным процессом.

Психологическая готовность к профессиональной деятельности студентов, формируясь в процессе обучения в вузе, претерпевает позитивные качественные и количественные изменения. Она наращается и отражается в поступательной динамике перехода от одного уровня к другому, определяется внутренним балансом между ее компонентами и обеспечивает продуктивное решение учебных и профессиональных задач разной сложности и содержания.

Методы и материалы

Нами было проведено исследование готовности к профессиональной деятельности студентов-выпускников педагогических направлений подготовки, обучающихся в Кемеровском педагогическом колледже и Кемеровском государственном университете (КемГУ). В анкетировании приняли участие 405 выпускников, планирующих получить диплом о профессиональном и высшем образовании летом 2020 г.: 333 человека – выпускники вуза, 72 – выпускники колледжа. В формирующем эксперименте принимали участие 22 студента направления Дошкольное образование КемГУ.

Сбор данных осуществлялся с применением методов анкетирования. Анкета включала 10 вопросов с несколькими вариантами ответа. Для определения содержательных характеристик психологической готовности к профессиональной деятельности нами использовались методики «Профессиональная готовность» А. П. Чернявской [29], тест смысловых ориентаций Д. А. Леонтьева [30], методика «Готовность к саморазвитию» Т. А. Ратановой и Н. Ф. Шляхты [31], методика «Шкала эмоционального отклика» А. А. Меграбяна и Н. С. Эпштейна [32], тест-опросник «Уровень субъективного контроля» Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной, А. М. Эткинда [33], опросник «Стиль саморегуляции в поведении» В. И. Моросановой [34].

Результаты

Рассмотрим вопросы, содержание которых соотносится с проблематикой готовности к профессиональной деятельности студентов-выпускников педагогических направлений подготовки. Таковых в анкете 5.

Вопрос 1: Укажите наиболее приоритетную причину выбора профессии педагога, воспитателя. Осуществляя выбор приоритетной причины, 41,48 % респондентов

заявляют, что с детства мечтали быть педагогами, 30,62 % опрошенных считают, что для них значение имели условия труда (наличие длительного отпуска, социальные гарантии и льготы), 14,07 % студентов отмечают престиж профессии педагога в обществе, 13,83 % респондентов констатируют, что выбрали профессию по остаточному принципу (больше нигде не получилось поступить).

Вопрос 2: Что в профессии педагога Вы считаете самым главным? Из всей выборки 36,05 % респондентов ответили, что для них главной является возможность самореализации. Вторым по степени приоритетности оказался ответ, что эта профессия дает возможность помогать воспитывать и обучать подрастающее поколение (30,86 %). 23,21 % опрошенных видят возможность обеспечивать условия для развития личности. Меньше всего выпускников (9,88 %) считают, что в рамках профессии педагога реализуется возможность творчески выполнять свою работу.

Вопрос 3: Какие чувства могут проявиться у Вас в период адаптации? Тревожность и неуверенность в своих силах отмечают 55,56 % опрошенных. 36,3 % респондентов, участвующих в опросе, констатируют неуверенность в уровне своей профессиональной подготовки. Малая часть студентов указали на раздражительность, вспыльчивость, несдержанность (4,94 %); пессимизм, чувство собственной неполноценности (3,21 %).

Вопрос 4: Как Вы оцениваете различные стороны своей профессиональной подготовки? Более половины опрошенных (55,31 %) отметили, что уровень их профессиональной подготовки соответствует требованиям образовательных стандартов. 26,67 % выпускников отмечают наличие высокого уровня подготовки, что на их взгляд обеспечит успешность профессиональной деятельности. С определенной долей критики к уровню своей подготовки относятся 15,8 % респондентов, отмечая несоответствие теоретической и практической составляющей. О том, что уровень подготовки не соответствует требованиям, заявили 2,22 % студентов.

Вопрос 5: Какие факторы влияют на Ваше отношение к работе? Большинство респондентов (46,67 %) к числу значимых факторов относят возможность работать с детьми и высокое разнообразие деятельности. Данное утверждение свидетельствует о выраженной потребности вступать в процесс коммуникации и стремлении выпускников активно взаимодействовать со всеми субъектами образовательного процесса. Хорошую заработную плату и условия труда к числу факторов относят 25,43 % опрошенных. О наличии возможности самосовершенствоваться заявляют 15,06 % респондентов. И только 12,84 % выпускников выбирают в качестве доминирующего фактора признание и уважение со стороны коллектива. Тот факт, что данный фактор не пользуется популярностью у выпускников, мы считаем возможным интерпретировать как проявление некоторого беспокойства относительно внешних оценок будущей профессиональной педагогической деятельности.

Анализируя полученные данные, мы разделили выборку по критерию статуса образовательной организации, в которой обучаются респонденты (табл. 1).

Табл. 1. Выраженность позиции респондентов с учетом статуса образовательной организации

Tab. 1. Position of the respondents according to the status of the educational organization

Вопрос	Вариант ответа	Выпускники вуза		Выпускники колледжа	
		№	%	№	%
1. Укажите наиболее приоритетную причину выбора профессии педагога, воспитателя	Престиж профессии в обществе	42	12,61	15	20,83
	Условия труда (наличие длительного отпуска, социальные гарантии и льготы)	107	32,13	17	23,61
	По остаточному принципу (больше нигде не получилось поступить)	48	14,41	8	11,11
	С детства мечтал быть педагогом	136	40,84	32	44,44
2. Что в профессии педагога Вы считаете самым главным?	Возможность помогать воспитывать и обучать подрастающее поколение	90	27,03	35	48,61
	Возможность обеспечивать условия для развития личности	85	25,53	9	12,50
	Возможность творчески выполнять свою работу	33	9,91	7	9,72
	Возможность самореализации	125	37,54	21	29,17
3. Какие чувства могут проявиться у Вас в период адаптации?	Тревожность, неуверенность в своих силах	190	57,06	35	48,61
	Раздражительность, вспыльчивость, несдержанность	17	5,11	3	4,17
	Пессимизм, чувство собственной неполноценности	11	3,30	2	2,78
	Неуверенность в уровне своей профессиональной подготовки	115	34,53	32	44,44
4. Как Вы оцениваете различные стороны своей профессиональной подготовки?	Уровень подготовки высокий и обеспечит успешность моей профессиональной деятельности	88	26,43	20	27,78
	Уровень подготовки соответствует требованиям образовательных стандартов	181	54,35	43	59,72
	Уровень подготовки частично соответствует требованиям	56	16,82	8	11,11
	Уровень подготовки не соответствует требованиям	8	2,40	1	1,39
5. Какие факторы влияют на Ваше отношение к работе?	Признание Вашей работы, уважение со стороны членов коллектива	42	12,61	10	13,89
	Возможность работать с детьми, разнообразие деятельности	153	45,95	36	50,00
	Хорошая заработная плата и условия труда	90	27,03	13	18,06
	Возможность самосовершенствоваться	48	14,41	13	18,06

Отвечая на вопросы анкеты о факторах выбора профессии, респонденты приблизительно в равных долях выбрали ответ «С детства мечтал быть педагогом» (40,84 % выпускников вуза и 44,44 % выпускников колледжа). Существенно различаются их позиции относительно материальных и моральных оснований выбора. Студенты вуза считают, что для них более важное значение имеют условия труда (32,13 % выпускников вуза и 23,61 % выпускников колледжа). Выпускники педагогического колледжа чаще отмечают значимость престижа профессии педагога в обществе (12,61 % выпускников вуза и 20,83 % выпускников колледжа).

Определяя возможности, реализуемые педагогами в профессиональной деятельности, выпускники педагогического колледжа практически в два раза чаще, чем студенты вуза, выбирают возможность помогать воспитывать и обучать подрастающее поколение (27,03 % выпускников вуза и 48,61 % выпускников колледжа). При этом выпускники вуза в два раза чаще выбирают возможность обеспечивать условия для развития личности (25,53 % выпускников вуза и 12,50 % выпускников колледжа).

Относительно чувств, которые могут появиться в период адаптации к условиям реализации профессиональной деятельности, выпускники продемонстрировали практически согласованные позиции. Процентное соотношение выборов ответов существенно не различается. Это свидетельствует о том, что переживания выпускников относительно собственных чувств различных образовательных организаций не имеют существенных различий.

Сопоставление позиций выпускников вуза и колледжа по вопросу о самооценке уровня собственной профессиональной подготовки позволяет констатировать отсутствие существенных различий. На уровне тенденции можно отметить более критичное отношение к уровню профессиональной подготовки у студентов вуза. Вариант ответа «уровень подготовки частично соответствует требованиям» выбирают 16,82 % выпускников вуза и 11,11 % выпускников колледжа.

Рассматривая результаты выбора респондентами факторов, которые влияют на отношение к работе, мы считаем необходимым обратить внимание на то, что студенты вуза более ориентированы на обеспечение материальных условий

деятельности. Ответ «Хорошая заработная плата и условия труда» имеет значение для 27,03 % выпускников вуза и 18,06 % выпускников колледжа. В свою очередь, выпускники колледжа склонны выбирать ответ «Возможность работать с детьми, высокое разнообразие деятельности» (45,95 % выпускников вуза и 50,00 % выпускников колледжа).

Таким образом, мы констатируем наличие разнообразия факторов, влияющих на формирование психологической готовности студентов к профессиональной деятельности в условиях образовательных организаций. На протяжении всего процесса обучения студенты сталкиваются с рядом факторов, которые воздействуют на формирование их психологической готовности к профессиональной деятельности.

С целью выявления возможностей развития содержательных характеристик психологической готовности к деятельности студентов Института образования КемГУ средствами формирующего воздействия нами была реализована специально разработанная программа. В процессе групповых занятий применялись принципы добровольного участия, конфиденциальности, обратной связи. Обучающие задачи программы решались на каждом занятии, т. к. для получения личного результата необходимо формирование навыков и опыта взаимодействия при выполнении работы в группе. Занятия были направлены на повышение уровня учебно-познавательной компетентности студентов, формирования представления о их будущей профессии и самооценки, овладения социально и личностно приемлемыми нормами реагирования при столкновении с жизненными и профессиональными трудностями. После выполнения каждого упражнения, в конце тренинговых занятий и между занятиями проходило обсуждение проделанного, что способствовало развитию навыков рефлексии.

Для анализа результатов был использован t-критерий Стьюдента (p) для зависимых выборок по используемым методикам для сравнения средних значений, поиска различий и прослеживания динамики развития (табл. 2).

Анализ результатов, представленных в табл. 2, позволяет утверждать, что у студентов направления Дошкольное образование за время исследования произошли статистически значимые изменения в представленных показателях. Мы можем предположить, что это связано с тем, что студенты после воздействия поняли, что для достижения успеха в будущей трудовой деятельности необходимы профессиональные знания, способность планировать и принимать решения, ставить цели и достигать результаты. Студенты стали более уверенными в области достижения целей и при взаимодействии с окружающими. Полученные данные показывают, что содержательные характеристики психологической готовности к профессиональной деятельности развиваются в специально организованных условиях.

Заключение

Психологическая готовность к профессиональной деятельности большинством авторов рассматривается как одна из составляющих общей готовности человека к действию и определяется психологическими факторами: личностными

Табл. 2. Динамика содержательных характеристик психологической готовности по t-критерию Стьюдента для зависимых выборок

Tab. 2. Dynamics of the substantial characteristics of psychological readiness by t-Student criterion for dependent samples

Показатель	Среднее значение в группе		p
	Начальный этап	Заключительный этап	
Приобретение знаний	5,76	8,20	0,04
Овладение профессией	2,36	5,27	0,01
Интернальность в области достижений	5,71	9,14	0,03
Интернальность в межличностных отношениях	5,78	8,04	0,04
Принятие решений	13,50	15,18	0,04
Планирование	14,50	18,73	0,02
Цель	27,92	33,10	0,04
Результат	22,21	29,73	0,03

особенностями (тип темперамента, черты характера и др.), знаниями, умениями и навыками, уровнем подготовленности, общей информированностью о событиях и их последствиях и др. К особенностям формирования психологической готовности к профессиональной деятельности в студенческом возрасте мы можем отнести стремление к обретению смысла жизни и формированию жизненных целей и планов, к приобретению новых знаний, умений и навыков, способность к развитию индивидуальной саморегуляции, готовность к деятельности и др. Мы отмечаем, что разработка программ развития содержательных характеристик психологической готовности к профессиональной деятельности требует апробации в реальных условиях с учетом возрастно-психологических и индивидуально-личностных особенностей сопровождаемых.

Посредством специально организованного воздействия проведено экспериментальное исследование возможностей формирования психологической готовности к профессиональной деятельности студентов в специально организованных условиях. Выявлена динамика содержательных характеристик психологической готовности к профессиональной деятельности на различных этапах обучения студентов в вузе. Полученные данные свидетельствуют, что формирование психологической готовности к профессиональной деятельности может быть осуществлено в условиях формирующего воздействия не зависимо от статуса образовательной организации.

Литература

1. Ганичева И. А., Мирук А. В. Развитие психологической готовности студентов к будущей профессиональной деятельности // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 3-2. С. 235–241.
2. Коломинский Я. Л. Исследование закономерностей онтогенеза личности в белорусской социально-психологической традиции // Современное дошкольное образование. Теория и практика. 2013. № 9. С. 40–45.
3. Лежнина Л. В. Готовность психолога образования к профессиональной деятельности: этапы, механизмы, технологии формирования: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2010. 473 с.
4. Дмитриева О. Б. Формирование психологической готовности молодых специалистов к профессиональной деятельности: дис. ... канд. психол. наук. М., 1997. 188 с.
5. Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А. Психологические проблемы готовности к деятельности. Мн.: Изд-во БГУ, 1976. 175 с.
6. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. 720 с.
7. Морозова И. С., Воронова Е. В. Психологическая готовность студентов направления «Специальное дефектологическое образование» к профессиональной деятельности на различных этапах обучения в вузе // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Психология. 2015. Т. 13. С. 36–44.
8. Плешакова О. В. Теоретические аспекты психологической готовности к профессиональной деятельности социальных работников // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. Общественные науки. 2006. № 6. С. 141–145.
9. Крюкова Т. Б. Современные подходы к исследованию проблемы психологической готовности к деятельности в электроэнергетической сфере // Вестник ИГЭУ. 2011. № 1. С. 155–160.
10. Крюкова Т. Б. Психологическая готовность будущих инженеров (на материале электроэнергетической отрасли) // Психология и психотехника. 2011. № 2. С. 82–91.
11. Жукова В. Ф. Психолого-педагогический анализ категории «психологическая готовность» // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 320. № 6. С. 117–121.
12. Левитов Н. Д. О психических состояниях человека. М.: Просвещение, 1964. 344 с.
13. Ильин Е. П. Дифференциальная психология профессиональной деятельности. СПб.: Питер, 2008. 428 с.
14. Санжаева Р. Д. Психологические механизмы формирования готовности человека к деятельности: дис. ... д-ра психол. наук. Новосибирск, 1997. 354 с.
15. Деркач А. А., Водопьянов Д. А. Теоретические основы психологической готовности студентов – будущих психологов к профессиональной деятельности // Акмеология. 2017. № 2. С. 7–13.
16. Маркова А. К. Психология профессионализма. М.: Междунар. гуманитар. фонд «Знание», 1996. 308 с.
17. Муругова А. О., Морозова И. С. Возрастная изменчивость способов преодоления негативных ситуаций в период ранней юности // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Психология. 2018. Т. 23. С. 88–96.
18. Крещан З. В., Морозов Е. В. К проблеме формирования готовности старшеклассников к выбору будущей профессиональной деятельности // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. №. 3. С. 231–239. DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-3-231-239
19. Слостенин В. А., Подымова Л. С. Педагогика: инновационная деятельность. М.: Магистр, 1997. 223 с.
20. Попов Л. М., Пучкова И. М. Теоретико-экспериментальное обоснование модели психологической готовности студентов к профессиональной деятельности // Образование и саморазвитие. 2015. № 1. С. 53–58.
21. Кокшенева Е. А. Формирование готовности студентов вуза к будущей профессиональной деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Кемерово, 2010. 23 с.
22. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. В 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 1. 391 с.
23. Порфирьева Р. А. Гуманизация образования как фактор преобразования общества (на примере средней школы РФ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1992. 17 с.
24. Чурекова Т. М. Миссия университета в решении региональных проблем // Университетское управление: практика и анализ. 2004. № 2. С. 50–53.
25. Дуранов М. Е., Жернов В. И., Лешер О. В. Педагогика воспитания и развития личности учащихся. Магнитогорск: МГПИ, 1996. 315 с.
26. Яковлева Н. М. Теория и практика подготовки будущего учителя к творческому решению воспитательных задач: дис. ... д-ра пед. наук. Челябинск, 1992. 403 с.
27. Боровская С. В. Педагогические условия повышения эффективности профессионально-творческой самообразовательной деятельности будущего учителя: дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 1999. 174 с.
28. Субботина Л. Ю. Формирование профессиональной готовности студентов к самостоятельной деятельности // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 2. № 4. С. 295–298.
29. Реан А. А. Практическая психодиагностика личности. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. 221 с.
30. Леонтьев Д. А. Тест смысло-жизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с.
31. Ратанова Т. А., Шляхта Н. Ф. Психодиагностические методы изучения личности. М.: МПСИ, 1998. 263 с.

32. Немов Р. С. Психология. Кн. 3: Психодиагностика: введение в научное психологическое исследование с элементами математической статистики. 4-е изд. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. 640 с.
33. Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии / под ред. А. А. Крылова, С. А. Маничева. 2-е изд., доп. и перераб. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Питер, 2000. 559 с.
34. Моросанова В. И. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ). М.: Когито-Центр, 2004. 41 с.

original article

Psychological Readiness for Professional Activity in Students of Pedagogical Departments

Irina A. Dmitrieva^a; Irina S. Morozova^{b@}; Olga Yu. Elkina^c

^a Kemerovo Pedagogical College, Russia, Kemerovo

^b Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

^c Kemerovo State University (Novokuznetsk branch), Russia, Novokuznetsk

@ishmorozova@yandex.ru

Received 08.06.2020. Accepted 30.06.2020.

Abstract: Our society needs highly qualified specialists able to meet the requirements of the modern socio-economic situation in the country, hence the need to identify the features of psychological readiness for professional activity in students of pedagogy. The present research features the peculiarities of psychological readiness for professional duties displayed by graduates of institutions of professional and higher education. The article focuses on the concept of "readiness for professional activity", its typologies and components. The authors revealed the essence and relationship of the concepts of "psychological readiness" and "readiness for professional activity". The research provided key features of students' psychological readiness for professional activity and the possibilities of their formation in the conditions of professional and higher education institutions. The article substantiates the need to develop and test methods for research of students' psychological readiness for professional activity. The authors developed and tested a program for the formation of psychological readiness for professional activity in university and college students. Its implementation can significantly improve the professional competence of future specialists in pedagogy.

Keywords: professional education, higher education, future teachers, factors of readiness formation, professional training

For citation: Dmitrieva I. A., Morozova I. S., Elkina O. Yu. Psychological Readiness for Professional Activity in Students of Pedagogical Departments. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(2): 107–116. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-2-107-116>

References

1. Ganicheva I. A., Miruk A. V. The development of psychological readiness of students to future professional activity. *Sovremennye issledovaniia sotsialnykh problem*, 2016, (3-2): 235–241. (In Russ.)
2. Kolominsky Ya. L. Study of patterns of ontogeny of the individual in the Belarusian socio-psychological tradition. *Sovremennoe doskol'noe obrazovanie. Teoriya i praktika*, 2013, (9): 40–45. (In Russ.)
3. Lezhnina L. V. *Preparedness of the educational psychologist for professional activities: stages, mechanisms, and formation technologies*. Dr. Psychol. Sci. Diss. Moscow, 2010, 473. (In Russ.)
4. Dmitrieva O. B. *Formation of the psychological readiness of young specialists for professional activities*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Moscow, 1997, 188. (In Russ.)
5. Diachenko M. I., Kandybovich L. A. *Psychological problems of readiness for activity*. Minsk: Izd-vo BGU, 1976, 175. (In Russ.)
6. Rubinshtein S. L. *Fundamentals of general psychology*. St. Petersburg: Piter, 2002, 720. (In Russ.)
7. Morozova I. S., Voronova E. V. Psychological readiness of Defectologic education students for their professional activities at different stages of their study at a university. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Psichologiya*, 2015, 13: 36–44. (In Russ.)
8. Pleshakova O. V. Theoretical aspects of psychological readiness for the professional activities of social workers. *Izvestiia PGPU im. V. G. Belinskogo. Obshchestvennye nauki*, 2006, (6): 141–145. (In Russ.)
9. Kryukova T. B. Modern approaches to research of psychological readiness problem for activity in electric power engineering sphere. *Vestnik IGEU*, 2011, (1): 155–160. (In Russ.)

10. Kryukova T. B. Psychological readiness of future engineers (based on the material of the electric power industry). *Psikhologiya i psikhotehnika*, 2011, (2): 82–91. (In Russ.)
11. Zhukova V. F. Psychological and pedagogical analysis of the category "psychological readiness". *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2012, 320(6): 117–121. (In Russ.)
12. Levitov N. D. *On the mental states of man*. Moscow: Prosveshchenie, 1964, 344. (In Russ.)
13. Ilin E. P. *Differential psychology of professional activity*. St. Petersburg: Piter, 2008, 428. (In Russ.)
14. Sanzhayeva R. D. *Psychological mechanisms of the formation of human readiness for activity*. Dr. Psychol. Sci. Diss. Novosibirsk, 1997, 354. (In Russ.)
15. Derkach A. A., Vodopianov D. A. Theoretical basics of psychological readiness of students – future psychologists for professional activity. *Akmeology*, 2017, (2): 7–13. (In Russ.)
16. Markova A. K. *Psychology of professionalism*. Moscow: Mezhdunar. gumanitar. fond "Znanie", 1996, 308. (In Russ.)
17. Murugova A. O., Morozova I. S. Age-dependent variation of coping with negative situations during adolescence. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Psikhologiya*, 2018, 23: 88–96. (In Russ.)
18. Kretsan V. V., Morozov E. V. Formation of career choice readiness in senior pupils. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, 3(3): 231–239. (In Russ.) DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-3-231-239
19. Slastenin V. A., Podymova L. S. *Pedagogy: innovative activity*. Moscow: Magistr, 1997, 223. (In Russ.)
20. Popov L. M., Puchkova I. M. Theoretical and experimental substantiation of the model of psychological readiness of students for professional activities. *Obrazovanie i samorazvitie*, 2015, (1): 53–58. (In Russ.)
21. Koksheneva E. A. *Formation of readiness of university students for future professional activities*. Cand. Ped. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 2010, 23. (In Russ.)
22. Leontev A. N. *Selected psychological works*. Moscow: Pedagogika, 1983, vol. 1, 391. (In Russ.)
23. Porfireva R. A. *Humanization of education as a factor in the transformation of society (the case of secondary schools of the Russian Federation)*. Cand. Philos. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1992, 17. (In Russ.)
24. Churekova T. M. The mission of the university in solving regional problems. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, 2004, (2): 50–53. (In Russ.)
25. Duranov M. E., Zhernov V. I., Leshner O. V. *Pedagogy of education and personality development of students*. Magnitogorsk: MGPI, 1996, 315. (In Russ.)
26. Iakovleva N. M. *Theory and practice of preparing the future teacher for the creative solution of educational problems*. Dr. Ped. Sci. Diss. Chelyabinsk, 1992, 403. (In Russ.)
27. Borovskaia S. V. *Pedagogical conditions for increasing the effectiveness of professionally creative self-educational activities of a future teacher*. Cand. Ped. Sci. Diss. Chelyabinsk, 1999, 174. (In Russ.)
28. Subbotina L. Ju. Formation of students' professional readiness to independent activity. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*, 2011, 2(4): 295–298. (In Russ.)
29. Rean A. A. *Practical psychodiagnostics of personality*. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2001, 221. (In Russ.)
30. Leontiev D. A. *Test of meaning-life orientations (LSS)*, 2nd ed. Moscow: Smysl, 2000, 18. (In Russ.)
31. Ratanova T. A., Shliakhta N. F. *Psychodiagnostic methods for the study of personality*. Moscow: MPPI, 1998, 263. (In Russ.)
32. Nemov R. S. *Psychology. Book 3: Psychodiagnostics: an introduction to scientific psychological research with elements of mathematical statistics*, 4th ed. Moscow: Gumanit. izd. tsentr VLADOS, 2001, 640. (In Russ.)
33. *Workshop on general, experimental and applied psychology*, eds. Krylov A. A., Manichev S. A., 2nd ed. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta; Piter, 2000, 559. (In Russ.)
34. Morosanova V. I. *Questionnaire "The style of self-regulation of behavior" (SMTA)*. Moscow: Kogito-Tsentr, 2004, 41. (In Russ.)

Новые концепции обучения предметным знаниям и необходимость их учета в содержании учебников

Айгуль С. Мукамбетова^{а, @}

^а Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева, Кыргызская Республика, г. Бишкек

[@] nazik131090@gmail.com

Поступила в редакцию 08.04.2020. Принята к печати 12.05.2020.

Аннотация: Целью данной статьи является описание новых социальных требований, поставленных перед преподавателями и учителями в образовании обучающихся предметным знаниям. Представлена правовая основа изменений в системе образования Кыргызской Республики и описаны новые требования, предъявляемые к системе образования страны. Объект исследования – современная ситуация в школах и вузах республики, предмет – процесс формирования новых технологий обучения с учетом создания учебной литературы в Кыргызстане. В систему образования Кыргызской Республики вошли две большие концепции. Одна из них – обновление содержания предметных знаний, соответствующих требуемым компетенциям. Во второй концепции на главное место ставится индивидуализация предметного знания, которая направлена на удовлетворение интересов каждой личности. Эти концепции важны в рамках принятого в 2011 г. Закона Кыргызской Республики «Об эпохе "Манас"». Анализ ситуации в системе образования Кыргызстана определяет научную новизну статьи. Ранее содержание образования основывалось на уровне требований к молодому поколению и определялось Правительством Кыргызской Республики, где тематические планы обучения предоставлялись всем учебным заведениям в готовом виде и выполнялись согласно единым правилам для всей молодежи страны. Предметное обучение обязывает учителя и преподавателя изменять материалы для освоения, учитывая социальные и интеллектуальные интересы личности. В статье поставлены приоритетные задачи, которые создают необходимые условия для познания личности обучающихся. Для того чтобы достичь поставленной цели, в Кыргызской Республике выделены средства из государственного бюджета. Требуется рациональное использование кредитной технологии в обучении, которую только начинают вводить в процесс педагогической деятельности. Задачи, поставленные перед образовательными учреждениями, обязывают разработать такие технологии, чтобы выделенные на каждый предмет средства обеспечивали потребности обучаемых страны для получения качественного образования. Образовательное сообщество должно учесть ряд апробированных в России технологий обучения, к практическому применению которых относится создание новой учебной литературы. Среди них: технология развития критического мышления; технология развивающего обучения; здоровьесберегающие технологии; технология проблемного обучения; игровые технологии; технология мастерских; кейс-технология; технология интегрированного обучения при сохранении классно-урочной системы. Обновление учебной литературы в связи с введением ключевых требований к освоению необходимых знаний – область ответственности преподавателей. Раскрытие этих технологий в аспекте предметных знаний поможет учителям и преподавателям однозначно понимать проблемы, стоящие перед системой образования, которые появились из-за новых потребностей общества, и правильно их решать.

Ключевые слова: национальная система образования, кредитная технология, индивидуализация предметного обучения, личность, профессиональное образование

Для цитирования: Мукамбетова А. С. Новые концепции обучения предметным знаниям и необходимость их учета в содержании учебников // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 2. С. 117–125. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-2-117-125>

Введение

Кыргызская Республика вышла на новый путь в области модернизации образования, и одним из приоритетных направлений государственной политики страны выступает обновление предметного содержания. Для решения поставленных перед образовательным сообществом задач необходимо создание теоретической концепции построения новых учебников. Чтобы учесть национальную специфику учебных изданий, необходимо пересмотреть формат учебников, содержание учебных текстов, вопросы и задания к каждой теме.

Конец XX в. принес изменения не только в экономику, но и в систему образования на постсоветском пространстве. Педагогическая общественность в разных странах, прежде всего в России, активно решает вопросы концепции инновационных учебных изданий и создания учебников по новому государственному образовательному стандарту.

В России проводятся научные конференции, посвященные этой теме [1–4], издаются монографии [5–8], защищаются диссертации по темам создания и апробации учебников нового типа [9; 10], работают научные коллективы, темами исследования которых являются концепции

нового образования¹. Правительство РФ утверждает разработанные этими научными коллективами концепции². Школьные учителя и методисты пишут методические рекомендации и учебно-методические пособия [11–17]. Научная общественность активно обсуждает процесс создания учебников нового типа в публикациях [18–24]. Наконец, создаются сами учебники нового типа, учитывающие реалии современности [25]. Этот процесс коснулся и других стран – как в Европе, так и в Америке³. На базе вузов разных государств апробируются первые результаты в этом направлении.

Новые концепции развития системы образования Кыргызской Республики

В Кыргызской Республики (КР) был принят закон «Об образовании» № 92 30 апреля 2003 г.⁴ В этом законе утверждаются принципы государственной политики в области образования, осуществления образовательного процесса, деятельности образовательных организаций, получения образования в КР. Этот закон служит правовой базой их реализации. КР ищет свои пути в образовательном пространстве. Учитывая опыт разных стран в этом вопросе, власти Республики обращают внимание и на те традиции, которые свойственны народу Кыргызстана.

Опыт действия системы образования в КР по этому закону показал, что не все пункты в нем соответствуют новым реалиям. С приходом нового президента страны 2 мая 2019 г. были внесены изменения в Закон «Об образовании» КР. В рамках этих изменений, в частности, ст. 21, 22, 24, 25, 32 были дополнены уточнениями: в них вписана строка «в соответствии с национальной системой квалификаций»⁵. Национальная система квалификаций становится инструментом для согласования спроса на требуемые с позиций рынка труда квалификации работников и предложения квалификаций со стороны системы образования страны.

Сейчас национальная система образования Кыргызстана находится в тяжелом состоянии. Все понимают, что образовательная среда государства требует коренного обновления. Несмотря на провозглашаемое бесплатное образование, наблюдается постепенное увеличение платных учреждений и организаций, которые превращают образовательный процесс в источник дохода. Такое явление показывает, что есть альтернативные варианты, которые противостоят системе бесплатного обучения прошлого века.

Современное общество основано на экономических отношениях. Возникло выражение *образовательный рынок*,

означающее ситуацию, когда интеллектуальное развитие становится предметом образовательных услуг [26]. И это подтверждает тот факт, что образование в настоящее время становится товаром, стоимость которого определяется по рыночной цене [27]. А цена образовательных услуг на рынке труда зависит от спроса на них.

На наших глазах наступило обновление эпохи, которое состоит в объединении противоречий: мы находимся на стыке двух эпох, где старая система образования отживает свой срок, отмирает и уступает свое место новым тенденциям. В каждом государстве создаются условия для развития интеллектуальных возможностей, сопутствующие или противоречащие процессу глобализации [28; 29]. Каждое государство в мире, ориентируясь на такие тенденции, ускоренным темпом вливается в социальную сферу общечеловеческой системы образования, стремясь не отставать от других государств по всем другим отраслям. Каждая страна использует свои силы, чтобы защитить национальные интересы от процесса глобализации, которая в скрытой форме начинает захватывать и вовлекать в себя практически все государства.

Особенно важную роль играет импорт образования наравне с другими товарами и услугами, возникающими на рынке труда. Для Кыргызстана, который только начинает свое развитие в этом направлении, такая ситуация имеет большое значение. Если рассмотреть ситуацию в республиканском масштабе, то сейчас мы берем готовые формы положений, разработанных развитыми странами. Отмечен ряд случаев, когда для урегулирования таких вопросов финансируются работы на грантовые деньги тех же развитых стран. За пределами таких ситуаций не остается и национальное образование Кыргызстана.

За счет средств грантов ведется подготовка к переходу среднего образования на двенадцатилетнее обучение. Высшие учебные заведения (бакалавриат и магистратура) полностью перешли на двухуровневое профессиональное образование. Бесспорно, что в условиях ускоренного проникновения образовательных технологий люди считают правильным, что нужно пойти по тому пути, которым прошли другие. Но готовые концепции в местных условиях не адаптированы, это еще больше усугубило и без того тяжелое состояние системы образования Кыргызстана. Другими словами, переход на **кредитную технологию** обучения, которая в развитых странах превратилась в товар на образовательных торгах, в педагогическом сообществе вызвала ряд рассогласований и непонимание, и проблемы

¹ Об утверждении Концепции профильного обучения на старшей ступени общего образования. Приказ Минобрнауки РФ № 2783 от 18.07.2002 // Официальные документы в образовании. 2002. № 27. С. 12–34.

² Концепция преподавания русского языка и литературы в общеобразовательных организациях РФ. Утв. распоряжением Правительства РФ № 637-р от 09.04.2016.

³ Education for Sustainable Development Goals: learning objectives. Regional Technical Workshop for Eastern Africa (July 4–7, 2017, Nairobi, Kenya). 77 p. Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0024/002474/247444e.pdf> (дата обращения: 03.04.2020); Horrigan J. B. Lifelong learning and technology // Pew Research Center. 22.03.2016. Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/internet/2016/03/22/lifelong-learning-and-technology/> (дата обращения: 03.04.2020).

⁴ Об образовании. Закон КР № 92 от 30.04.2003. Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1216> (дата обращения: 08.04.2020).

⁵ О внесении изменений в Закон КР «Об образовании». Закон КР № 71 от 14.06.2019. Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111918> (дата обращения: 08.04.2020).

внутри страны заметны для всех. Сейчас кредитные технологии по всем преподаваемым предметам, эффективно используемые во всем мире, позволяют внедрить их наравне с овладением всеми обучаемыми преподаваемых знаний. Предлагаемые учебные материалы предназначены для систем образования в отдельных странах.

Принятое направление государственного стандарта в средних и высших учебных заведениях страны тоже указывает на предпочтение данного требования Болонского соглашения. Однако результаты проведенных практических работ показывают, что ожидаемых результатов нет, как нет и освоенных знаний после изучения предметов. Мы видим, что возникла острая необходимость вновь пересмотреть содержание предметов, которые вошли в государственный образовательный стандарт, и их наполнение.

Эта необходимость объясняется фактом принятия в системе образования **двух концепций**. Первая концепция связана с изменением содержания (что должно быть в современном образовании), а вторая – с технологией образования, с реализацией принципа индивидуализации (данный принцип был всегда в педагогике, в основе его реализации лежит знание психологии личности, ее возрастных особенностей). Раньше содержание образования основывалось на уровне требований к молодому поколению и определялось Правительством Республики. Все тематические планы обучения были разработаны и утверждены Министерством образования; они использовались всеми учебными заведениями как единый образовательный стандарт. Индивидуализация предметного обучения обязывает каждого учителя школы и преподавателя вуза изменять содержание для освоения обучаемыми, учитывая социальные и интеллектуальные интересы личности.

Учебный процесс направлен на развитие личности, и требования образования по отношению к обучаемым в средних и высших учебных заведениях должны быть отличны, а также необходимо учитывать местность, где обучается и проживает обучаемый (в городской или сельской школе, в провинциальном вузе или столице). В таких условиях, бесспорно, основная нагрузка ложится на плечи учителя или преподавателя.

Становится ясно, что какой бы предмет ни преподавался, трудно ожидать от деятельности каждого учителя и преподавателя одинакового доведения полного объема знаний до учащихся на уровне указанных компетенций, который требует государственный образовательный стандарт. Но для целевого использования на каждый предмет кредитных часов, которые были распределены в учебном процессе, кроме материалов, предложенных как рекомендуемые к исполнению, каждый творчески настроенный преподаватель в образовательной деятельности на базе своего предмета должен применять те умения и навыки, которые обучаемые должны знать и использовать в личных жизненных обстоятельствах.

Сейчас из числа проблем, стоящих перед учебным процессом, данная проблема остается самой актуальной. В статье мы пытаемся обобщить сведения о проблемах внутри

страны, касающихся преподавания предметов с учетом прикладного характера. В среднем образовании Республики сохраняется традиция, сформированная в образовательном процессе Советского Союза. В школе существует система запоминания знаний. Сама система построена в соответствии с внутренними общественно-политическими интересами страны. Это определяет сохранившийся ресурс школьной системы. Хотя и в ней появляются новшества: учитываются новые направления, концепции в мировой учебной практике. С другой стороны, для сохранения своего суверенитета КР критически смотрит на все чужие ценности, которые приходят извне, из других государств и регионов мира. Такое столкновение интересов сказалось на качестве образования, которое отрицательно влияет на развитие национального самосознания, как показала ситуация в системе образования после объявления независимости страны.

Не заметны результаты применения инновационных технологий в учебной деятельности, отмечен ряд проблем, связанных с утверждением готовой формы нового образовательного стандарта. На необходимость принятия к сведению и учета интересов нового поколения указывает педагогический опыт, который был апробирован в стране за период независимости КР.

Учет интересов молодого поколения стал благоприятным условием для принятия в систему кыргызского образования этого новшества в качестве философского подхода, который был рекомендован развитыми странами. Такая сложившаяся ситуация в национальном образовании показала невозможность решения возникающих проблем на уровне деятельности отдельных учителей и преподавателей в образовательном процессе. Анализ выполненных работ, принятые замечания, некоторые достигнутые успехи позволяют говорить о накопленном опыте, который необходимо обобщить, довести до общественности и двигаться дальше. Разумеется, необходимо проведение всестороннего анализа накопленных практических работ в системе образования в КР. Действительно, учитывая настоящее положение, нам ясно, что мы не сможем разработать такую концепцию учебной деятельности, которая противостояла бы образовательным концепциям, распространенным в развитых странах. В этом направлении стало привычным обращение к опыту России. Не следует торопиться применять привычные для разных стран технологии. Для нас важно поставить приоритетные задачи, которые помогут создать необходимые условия для усвоения знаний и развития личности обучающихся в нашей стране.

Если взять ситуацию индивидуальных интересов конкретного человека, то сейчас в Кыргызстане в плане общественно-политической ситуации в образовательной системе государства становится все сложнее и сложнее вписываться в стремительно изменяющиеся условия. Национальное образование внутри страны не может полностью удовлетворить социальные потребности граждан в образовательных услугах. Эта ситуация может способствовать стремлению молодежи получить образование за рубежом. Несмотря

на существующие недостатки, мы должны отметить, что национальное образование постепенно начинает учитывать интеллектуальные потребности молодежи и национальную систему квалификаций. Другими словами, система национального образования должна определять развитие такого направления в новых образовательных технологиях, как **концепция обучения, направленная на личность**.

В настоящее время ученые, беря во внимание данную проблему, рассматривают ее как объект исследования, однако открытым остается вопрос о технологии обучения, направленной на развитие личности. Обучаемые имеют равный возраст, учатся в одном классе или одной группе, но они отличаются в плане социальной реализации. Эти особые признаки определяют критерии, показывающие, что интерес обучаемого в знаниях определяется прагматическим фактором использования их в жизни.

Мы должны принять к сведению, что общеобразовательные стандарты прошлого века уже не подходят к нынешней системе, которая основывается на концепции обучения, направленной на личность. Поэтому не случайно, что обучаемые в общеобразовательных учреждениях получают необходимые знания на дополнительных курсах и факультативах. Даже если образование доступно для них в средних и высших учебных заведениях, предполагающее определенный уровень знаний, то это еще не означает, что объем этих знаний может удовлетворить все интересы конкретного обучаемого. Потребности детей, которые находятся в одном классе в среднеобразовательных учреждениях, отличаются, как сами дети отличаются друг от друга: у них разные пути реализации в обществе. Движение в жизнь ребенка начинается со школы. И при разработке новой концепции образовательных технологий нужно начинать именно со школьного образования.

Чтобы внедрить в практику учебный процесс, нацеленный на реализацию общественных и интеллектуальных интересов каждого ученика, мы должны разработать учебно-методический комплекс, регулирующий социальные и интеллектуальные потребности учащихся на нескольких уровнях.

На данном этапе в образовательном сообществе нет единого мнения по поводу содержания и предметного наполнения такого учебно-методического комплекса. Каждый родитель желает, чтобы его ребенок в своем развитии мог получить те знания, которые необходимы ему в дальнейшей жизни. Знание – это не только цель, а прежде всего средство развития личности (памяти, мышления, восприятия, воображения), а профильная ориентация на будущую специальность – необходимое условие качественного образования в стране.

Целью нынешнего образования, предлагаемого молодому поколению, является не только освоение информации по тем или иным предметам, но и создание стимула к использованию в дальнейшем этих знаний в жизни. Ограничение преподавателя рамками своего предмета без учета межпредметных связей и внеурочной деятельности в образовательных учреждениях приводит как к ухудшению воспитательной

работы, так и к невозможности определить способности и наклонности подрастающего поколения. Процесс обучения включает не только передачу специальных знаний, но и воспитание обучаемых.

Несмотря на то, что с каждым годом наблюдаются сложности в наполнении государственного бюджета, в КР сохраняется политика бесплатного образования для подрастающего поколения. Чтобы достичь нужной цели в правильном использовании финансовых средств, выделенных со стороны государства, следует тщательно и детально разработать **кредитную технологию** в системе образования, которая только начинает вводиться в стране. Сам факт кредитной технологии соответствует интересам рационального использования выделенных средств на получение качественного образования каждым обучающимся.

Нужно дифференцировать содержание предметов, определяющих средний уровень обучаемого, который обеспечивается бюджетными средствами, выделяемыми государством, от того предметного образования, которое обучаемый может получить вне рамок обязательного образования для своего интеллектуального развития. И все же по возможности государство должно оплатить соответствующее образование, которое удовлетворяет общественным и интеллектуальным потребностям каждого обучаемого.

Если общеобразовательные учреждения ограничиваются только рамками обеспечения информационной базы по всем направлениям, то нужно задуматься о том, где и когда можно будет подготовить профессиональных специалистов, которые могли бы развивать страну. Если все образовательные направления, которые обеспечиваются государством, свою образовательную миссию ограничивают только средним уровнем, то есть страх, что мы можем потерять специалистов, которые могли бы конкурировать на мировом уровне. Также становится ясно, что деньги, выделенные государством в сфере просвещения, могут использоваться необоснованно.

Возникла потребность пересмотреть систему бесплатного образования, существующую в Кыргызстане. Чтобы достичь нужной цели при выделении из бюджета средств на образование молодежи, необходимо рациональное использование **кредитной технологии** в обучении, которую только начинают вводить в процесс организации образования. Кроме того, система образования республики обратилась к национальной культуре. 28 июня 2011 г. в КР был принят Закон № 59 «Об эпосе "Манас"». В Законе определяются его цели: «определение мер и специальных положений по сохранению, развитию, популяризации, защите и охране трилогии эпоса "Манас" в соответствии с законодательством КР; регламентацию прав и обязанностей государственных органов, физических и юридических лиц перед обществом в сфере охраны и использования трилогии эпоса "Манас"; закрепление правового статуса трилогии эпоса "Манас"; принятие мер идейно-воспитательного и историко-культурного характера для широкой пропаганды трилогии эпоса "Манас"»⁶.

⁶ Об эпосе «Манас». Закон КР № 59 от 28.06.2011. Режим доступа: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=45393 (дата обращения: 26.04.2020).

Технологии обучения

Поставленные Правительством Республики цели образования определяют творческий подход в каждом образовательном учреждении страны. Это обязывает разработать такие, которые способствовали бы обеспечению индивидуальных потребностей обучаемых и соответствовали бы выделенным средствам на каждый предмет.

Учитывая в том числе и опыт России, в КР рассматривается несколько технологий в школьном и вузовском образовании. Технология развития критического мышления была разработана американскими педагогами Чарльзом Темплом, Джинни Силом и Куртисом Мередитом в конце XX в. Эта технология появилась в результате синтеза идей и концепций предшественников – ученых из разных стран. Основу технологии составляют: диалогическая концепция культур М. М. Бахтина – В. Библера, работы по психологии Л. С. Выготского, Ж. Пиаже, педагогика сотрудничества, разработанная Ш. Амонашвили. Основная цель этой технологии – научить ученика самостоятельно работать с учебным материалом и другими источниками информации. В результате применения этой технологии у обучаемого формируется свободное, независимое, оценочное и аналитическое мышление. В первую очередь, эта технология рекомендуется на занятиях по гуманитарным дисциплинам, например в дисциплине Манасоведение.

Технология развивающего обучения опирается на труды Иоганна Генриха Песталоцци, Адольфа Дистервега, К. Д. Ушинского, которые были дополнены Л. С. Выготским: в его концепции знания определяются не как конечная цель обучения, а как среда развития учащихся. Эта концепция поддерживается психологической теорией деятельности А. Н. Леонтьева и П. Я. Гальперина. Она помогает формировать из обучаемого самостоятельно взаимодействующего с окружающей средой субъекта. Для этого определены этапы его развития: целеполагание, планирование и организация действий, реализация целей, анализ результатов деятельности. Технология направлена на креативно-ориентированное обучение [27].

Здоровьесберегающие технологии представляют собой не наносящие вреда здоровью обучаемых несколько программ, приемов, методов организации учебно-воспитательного процесса. Термин здоровьесберегающие технологии предложил Н. К. Смирнов. Эта технология объединяет в себе несколько видов деятельности педагогов: медико-профилактические; физкультурно-оздоровительные; технологии обеспечения социально-психологического благополучия ребенка; здоровьесбережение и здоровьесобогащение педагогов; здоровьесберегающие образовательные технологии в образовательных учреждениях; технологии валеологического просвещения родителей.

Технология прагматично-проблемного обучения была разработана американским философом, психологом и педагогом Джоном Дьюи. Создание педагогом проблемной ситуации на учебном занятии и активная самостоятельная деятельность обучаемых по ее разрешению составляют суть этой технологии.

В результате ее применения происходит творческое овладение профессиональными знаниями, навыками, умениями и развитие когнитивных способностей. Цель данной технологии – развитие и усвоение способов самостоятельной деятельности, умения подходить к проблеме творчески.

Игровые технологии предполагают совокупность средств и приемов педагогической игры. Под педагогической игрой понимается особый вид деятельности, в которой четко поставлена цель обучения и соответствующие ей педагогические результаты, учебно-познавательная направленность. К использованию рекомендуются проблемно-игровые игротренинги, игротерапия, коммуникативные игры, арт-терапия, сказко- или мифотерапия, технологии музыкального воздействия. Гуманитарный цикл дисциплин может активно обращаться к героическому эпосу «Манас» в ее реализации.

Технология мастерских была предложена объединением французских педагогов, именуемых «Французская группа нового воспитания» (А. Бассис, А. Валлон, П. Ланжевен, Ж. Пиаже). Ее еще называют технологией педагогических мастерских (по-французски букв. ателье). Педагогические мастерские бывают нескольких типов: проектные мастерские, мастерские конструирования, мастерские письма, мастерские сотрудничества, мастерские отношений, мастерские ценностных ориентаций и др. В Законе «Об эпосе "Манас"» в ст. 1 п. 2 говорится: «Трилогия эпоса "Манас" является жемчужиной мировой культуры, уникальным эпическим наследием кыргызского народа, утверждающим идеи толерантности всех этносов и межкультурного согласия, охватывающим историю, философию, мировоззрение и духовную культуру кыргызов, воспевающим патриотизм, дружбу, свободу духа и сыгравшим созидательную роль в становлении и укреплении кыргызской государственности»⁷. С этих позиций мастерская ценностных ориентаций может смело обращаться к национальному эпосу.

Кейс-технология (*case study*) состоит в осмыслении, критическом анализе и решении задач или случаев (*cases*). Кейс – это описание практической ситуации, которая содержит в себе требующую разрешения проблему. Разработчиками метода являются американские преподаватели – Dr. Copeland, J. A. Erskine, M. R. Leenders, L. A. Mauffette-Leenders, R. Merry. Существуют две школы *Case-Study* – американская (Гарвардская) и европейская (Манчестерская). Цель Гарвардской школы – поиск единственно верного решения, Манчестерская школа предполагает многовариантность решения проблемы. Источниками кейсов могут быть художественная и публицистическая литература. Для Кыргызстана источником кейсов может стать местный эпический материал: Манас, Семетей, Сейтек, рекомендуемый Правительством страны к внедрению в учебный процесс в рамках Манасоведения.

Технология интегрированного обучения основана на формировании межпредметных связей, помогающих объединить получаемые знания в целостную картину мира (лат. *integration* восстановление, восполнение).

⁷ Там же.

Эта технология внедряется на уроках, а также рекомендуется к применению во внеурочной деятельности (это могут быть межпредметные проекты, театральные постановки, школьные / студенческие спектакли). Технология интегрированного обучения чрезвычайно важна для обеспечения действия Закона «Об эпосе "Манас"» в системе образования страны, т. к. основными целями данной технологии являются воспитание культуры ценностной ориентации обучающихся и развитие их интеллектуальных способностей, среди которых – синтез, обобщение, сопоставление и установление межпредметных и универсальных связей.

Безусловно, образовательная общественность КР не должна отказываться от традиционных технологий, используемых в классно-урочной системе. Эта система показала себя с лучшей стороны, ее сохранение обеспечивает освоение необходимых знаний.

Совокупность указанных технологий направлена на удовлетворение интересов способных обучающихся при получении образования выше пределов среднего уровня. Хотя принятый термин подразумевает общее образование, тем не менее учебный процесс, в котором на первое место ставят признание ребенка как личности, требует разработки методического сопровождения, где раскрыты пути решения качественной реализации и контроль индивидуального отношения для полного обеспечения потребностей в получении образования обучающихся, у которых проявляются способности и есть талант.

Индивидуальный подход к личности молодого человека сопровождается определением его способностей, психологических свойств и уровня интеллекта, а учебная литература должна этому соответствовать несколькими уровнями разработанных заданий. Если мы сейчас в качестве нормы всех обучающихся будем соизмерять со средним уровнем, рекомендуемым со стороны государства, то кредитная технология, направленная на рациональное использование государственного финансирования, не сможет достичь своей цели.

Литература

1. Илюшин А. С., Азбель А. А. Эмоциональное монологическое высказывание (Storytelling) как ресурс подготовки школьников к сочинению // Сочинение на современном этапе развития системы образования в Российской Федерации (Теория и практика преподавания русского языка и литературы в школе): сб. мат-лов науч.-практ. конф. (Москва, 6–9 апреля 2015 г.) М.: РОПРЯЛ, 2015. С. 113–118.
2. Илюшин А. С., Азбель А. А. Влияние позитивной образовательной среды школы на качество образовательной траектории студентов // XVII апрельская Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. (Москва, 19–22 апреля 2016 г.) Режим доступа: <https://www.hse.ru/org/persons/61512286#sci> (дата обращения: 04.04.2020).
3. Пугач В. Е. Система творческих заданий в учебном пособии нового типа // Развитие творческих способностей учителя и учащихся в процессе языкового и литературного образования: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Челябинск: ЧИППКРО, 2015. С. 141–148.
4. Проблемы школьного учебника. XX век. Итоги / сост., авт. вступ. ст. Д. Д. Зуев. М.: Просвещение, 2004. 384 с.
5. Беспалько В. П. Учебник. Теория создания и применения. М.: НИИ школьных технологий, 2006. 192 с.
6. Бордовская Н. В. Гуманитарные технологии в вузовской образовательной практике: теория и методология проектирования. СПб.: Книжный дом, 2007. 407 с.

Заключение

Мы не можем игнорировать те тенденции, которые наблюдаются в образовательном процессе в развитых странах. Для решения описанной проблемы в Кыргызстане необходимо учитывать научные и практические материалы, используемые в системе образования в развитых странах, в первую очередь на постсоветском пространстве, которые определяются несколькими уровнями в соответствии с многоступенчатой системой обучения. Внутренний рынок страны может сопротивляться экономической конкуренции только с помощью новой системы образования. Нужна правильная оценка тех компетенций, которые конкурируют, способствуют правильному распределению содержания предметных дисциплин на несколько ступеней в средних и высших учебных заведениях.

Чтобы все преподаватели могли одинаково решать проблемы образования, которые появились вследствие изменений в государстве, а также с учетом общественно-политических потребностей наших граждан, необходимо показать правильное направление в обновлении учебной литературы с учетом введения важных критериев образовательных технологий, необходимых при передаче знаний обучаемым. К внедрению рекомендуются следующие технологии в системе образования: технология развития критического мышления, технология развивающего обучения, здоровьесберегающие технологии, технология проблемного обучения, игровые технологии, технология мастерских, кейс-технология, технология интегрированного обучения, традиционные технологии (классно-урочная система). К настоящему моменту в КР сложились все объективные предпосылки для введения многоступенчатой системы образования. Она может предложить обществу адекватную форму обучения. Эта система необходима для функционирования рынка дополнительных образовательных услуг с обязательным участием государства как регулятора этого сектора. Только государство способно стимулировать активность такого сектора и существенно снизить стоимость образовательных услуг для подрастающего поколения. Формирование системы ценностей ориентируется на ту духовную основу, которая передана нам от наших предков.

7. Гельфман Э. Г., Холодная М. А. Психодидактика школьного учебника: интеллектуальное воспитание учащихся. СПб.: Питер, 2006. 384 с.
8. Петрищева Г. С. Школьный учебник как средство развития компетентностей. Бийск: БГПУ им. В. М. Шукшина, 2008. 116 с.
9. Журавлева О. Н. Дидактическая концепция гуманитаризации содержания современного школьного учебника: дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2013. 388 с.
10. Мартемьянова Т. Ю. Логико-дидактический подход к конструированию школьного учебника: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2004. 157 с.
11. Долинина Т. А., Алексеева М. А. Потенциал уроков литературы в духовно-нравственном развитии личности. Екатеринбург: ГАОУ ДПО СО «ИРО», 2017. 58 с.
12. Кочергина П. А., Илюшин Л. С. Дидактический потенциал мобильных приложений в формировании лексической компетенции подростков // На путях к новой школе. 2015. № 1. С. 72–76.
13. Машарова Т. В., Крестинина И. А., Салтыкова М. А. Теоретические и практические аспекты развития инклюзивного образования. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2015. 204 с.
14. Машарова Т. В., Зыкина И. В., Крестинина И. А., Салтыкова М. А., Смирнова С. А., Пивоваров А. А., Скурихина Ю. А., Малова Т. В., Щеклеина С. Н. Современный урок в условиях федерального государственного образовательного стандарта. Киров: Типография «Старая Вятка», 2015. 108 с.
15. Цыбулько И. П., Бузина Е. В., Васильевых И. П., Гостева Ю. Н., Иванов С. Л. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2015 года по русскому языку. М.: ФИПИ, 2015. 30 с.
16. Современный урок литературы. «Читаем. Думаем. Спорим» / сост. Н. А. Тупицына, Т. К. Косолапова. Киров, 2016.
17. Галактионов Т. Г., Гринева М. И., Данилова Г. В., Илюшин Л. С., Казакова Е. И., Пугач В. Е. Школьный энциклопедический словарь «Русский язык». Опыт построения открытой педагогической системы. СПб.: Лик, 2015. 160 с.
18. Бродская К. М. Методология, теория, техника гуманитарного проектирования носителей содержания образования // Образование и общество. 2011. № 1. С. 17–21.
19. Волков А. Е., Кузьминов Я. И., Реморенко И. М., Рудник Б. Л., Фрумин И. Д., Якобсон Л. И. Российское образование – 2020: модель образования для инновационной экономики: материал для обсуждения // Вопросы образования. 2008. № 1. С. 32–64.
20. Лебедев О. Е. Конец системы обязательного образования? // Вопросы образования. 2017. № 1. С. 230–259. DOI: 10.17323/1814-9545-2017-1-230-259
21. Писарева С. А. Исследование соответствия школьных учебников запросам современного общества // Современная учебная книга: мат-лы науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 24–25 апреля 2006 г.) СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. С. 4–18.
22. Пугач В. Е. О содержании школьного литературного образования // Педагогика. 2016. № 2. С. 40–47.
23. Давыдова О. В. Современный учебник для вузов: компетентностный подход // Вестник университета. 2013. № 15. С. 166–174.
24. Панов В. И. Одаренные дети: выявление – обучение – развитие // Педагогика. 2001. № 4. С. 30–44.
25. Коршунов И. А., Гапонова О. С., Пешкова В. М. Век живи – век учись. Непрерывное образование в России. М.: Изд. Дом ВШЭ, 2019. 310 с.
26. Görlitz K., Tamm M. The returns to voucher-financed training on wages, employment and job tasks // Economics of Education Review. 2016. Vol. 52. P. 51–62. DOI: 10.1016/j.econedurev.2016.01.004
27. Larrotta C. Immigrants to the United States and Adult Education Services // New Directions for Adult and Continuing Education. 2017. № 155. P. 61–69. DOI: 10.1002/ace.20241
28. Hardy W., Keister R., Lewandowski P. Educational upgrading, structural change and the task composition of jobs in Europe // Economics of Transition. 2018. Vol. 26. № 2. P. 201–231. DOI: 10.1111/ecot.12145
29. Ивахнюк И. В. Предложения к миграционной стратегии России до 2035 г. М.: Российский совет по международным делам, 2017. 82 с.

New Concepts of Teaching Subject Knowledge and the Need for Their Consideration in the Content of Textbooks

Aigul S. Mukambetova^{a, @}

^a Arabaev Kyrgyz State University, Kyrgyz Republic, Bishkek

@ nazik131090@gmail.com

Received 08.04.2020. Accepted 12.05.2020.

Abstract: The research featured the new social requirements for subject teachers, as well as the legal basis for the changes that have occurred in the education system of the Republic of Kyrgyzstan. The study focused on the current situation in Kyrgyz schools and universities, the development of new teaching technologies, and the new educational literature. The education system of Kyrgyzstan includes two large concepts. One of them is updating the content of subject knowledge corresponding to the required competencies. The second concept is the individualization of subject knowledge. These concepts are important in the framework of the Law of the Republic of Kyrgyzstan "On the Manas Epic" adopted in 2011. Previously, the content of education was based on the level of requirements for the young generation and was determined by the Government of the Kyrgyz Republic that developed curricula for all educational institutions. However, subject teachers have to change their materials, taking into account the social and intellectual interests of the individual. The article introduces priority tasks that create the necessary conditions for the development of learners' personality. This goal was financed by the state budget in the Republic of Kyrgyzstan. The author believes that the new credit technology is to be adopted with caution, and that the Kyrgyz educational system can use some educational technologies tested in Russia, e.g. critical thinking development; developmental education; health saving technologies; problem learning; gaming; workshop technology; case method; integrated learning in class, etc. Subject teachers are responsible for updating the educational literature in connection with the new requirements.

Keywords: national education system, credit technology, individualization of subject teaching, personality, professional education

For citation: Mukambetova A. S. New Concepts of Teaching Subject Knowledge and the Need for Their Consideration in the Content of Textbooks. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(2): 117–125. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-2-117-125>

References

1. Ilyushin L. S., Azbel A. A. Emotional monological statement (Storytelling) as a resource for preparing students for composition. *Composition at the present stage of development of the educational system in the Russian Federation (Theory and Practice of Teaching the Russian Language and Literature at School)*: Proc. Sci.-Prac. Conf., Moscow, April 6–9, 2015. Moscow: ROPRIaL, 2015, 113–118. (In Russ.)
2. Ilyushin L. S., Azbel A. A. The effect of the positive educational environment of the school on the quality of the educational trajectory of students. *XVII April Intern. Sci. Conf. on the problems of economic and social development*, Moscow, April 19–22, 2016. Available at: <https://www.hse.ru/org/persons/61512286#sci> (accessed 04.04.2020). (In Russ.)
3. Pugach V. E. The system of creative tasks in a new type of teaching aid. *Development of the creative abilities of teachers and students in the process of language and literary education*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. Chelyabinsk: ChIPPKRO, 2015, 141–148. (In Russ.)
4. *Problems of the school textbook. XX century. Results*, comp. Zuev D. D. Moscow: Prosveshchenie, 2004, 384. (In Russ.)
5. Bepalko V. P. *Textbook. Theory of creation and application*. Moscow: NII shkolykh tekhnologii, 2006, 192. (In Russ.)
6. Bordovskaya N. V. *Humanitarian technologies in university educational practice: theory and design methodology*. St. Petersburg: Knizhnyi dom, 2007, 407. (In Russ.)
7. Gelfman E. G., Kholodnaya M. A. *Psychodidactics of a school textbook: intellectual education of students*. St. Petersburg: Piter, 2006, 384. (In Russ.)
8. Petrishcheva G. S. *A school textbook as a means of developing competencies*. Biysk: BGPU im. V. M. Shukshina, 2008, 116. (In Russ.)
9. Zhuravleva O. N. *The didactic concept of the humanization of the content of a modern school textbook*. Dr. Ped. Sci. Diss. St. Petersburg, 2013, 388. (In Russ.)
10. Martemianova T. Y. *The logical and didactic approach to the design of a school textbook*. Cand. Ped. Sci. Diss. St. Petersburg, 2004, 157. (In Russ.)
11. Dolinina T. A., Alekseeva M. A. *The potential of literature lessons in the spiritual and moral development of the individual*. Ekaterinburg: GAOU DPO SO "IRO", 2017, 58. (In Russ.)

12. Kochergina P. A., Ilushin L. S. Didactic potential of mobile applications in forming of adolescents' lexical competence. *Na putiakh k novoi shkole*, 2015, (1): 72–76. (In Russ.)
13. Masharova T. V., Krestinina I. A., Saltykova M. A. *Theoretical and practical aspects of the development of inclusive education*. Kirov: Raduga-PRESS, 2015, 204. (In Russ.)
14. Masharova T. V., Zykina I. V., Krestinina I. A., Saltykova M. A., Smirnova S. A., Pivovarov A. A., Skurikhina Yu. A., Malova T. V., Shchekleina S. N. *Modern lesson in the terms of Federal State Educational Standard*. Kirov: Tipografiya "Staraiya Viatka", 2015, 108. (In Russ.)
15. Tsybulko I. P., Buzina E. V., Vasiliev I. P., Gosteva Iu. N., Ivanov S. L. *Methodological recommendations for teachers, prepared on the basis of the analysis of typical mistakes of participants in the Unified State Examination of 2015 in the Russian language*. Moscow: FIPI, 2015, 30. (In Russ.)
16. *A modern lesson in literature. "We read. We think. We argue"*, comps. Tupitsyna O. N., Kosolapova T. K. Kirov, 2016. (In Russ.)
17. Galaktionova T. G., Grineva M. I., Danilova G. V., Ilyushin L. S., Kazakova E. I., Pugach V. E. *School encyclopedic dictionary "Russian language". The experience of building an open pedagogical system*. St. Petersburg: Lik, 2015, 160. (In Russ.)
18. Brodskaya K. M. Methodology, theory, technology of humanitarian design of educational media carriers. *Obrazovanie i obshchestvo*, 2011, (1): 17–21. (In Russ.)
19. Volkov A. E., Kuzminov Yu. I., Remorenko I. M., Rudnik B. L., Frumin I. D., Jacobson L. I. Russian education – 2020: a model of education for an innovative economy: discussion material. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, 2008, (1): 32–64. (In Russ.)
20. Lebedev O. E. The end of compulsory education? *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, 2017, (1): 230–259. (In Russ.) DOI: 10.17323/1814-9545-2017-1-230-259
21. Pisareva S. A. A study of the conformity of school textbooks with the demands of modern society. *Modern textbook: Proc. Sci.-Prac. Conf.*, St. Petersburg, April 24–25, 2006. St. Petersburg: RGPU im. A. I. Gertsena, 2006, 4–18. (In Russ.)
22. Pugach V. E. About the content of school literary education. *Pedagogika*, 2016, (2): 40–47. (In Russ.)
23. Davydova O. V. A modern textbook for universities: a competency-based approach. *Vestnik universiteta*, 2013, (15): 166–174. (In Russ.)
24. Panov V. I. Gifted children: identification – training – development. *Pedagogika*, 2001, (4): 30–44. (In Russ.)
25. Korshunov I. A., Gaponova O. S., Peshkova V. M. *Live and learn. Continuing education in Russia*. Moscow: Izd. Dom VShE, 2019, 310. (In Russ.)
26. Görlitz K., Tamm M. The returns to voucher-financed training on wages, employment and job tasks. *Economics of Education Review*, 2016, 52: 51–62. DOI: 10.1016/j.econedurev.2016.01.004
27. Larrotta C. Immigrants to the United States and Adult Education Services. *New Directions for Adult and Continuing Education*, 2017, (155): 61–69. DOI: 10.1002/ace.20241
28. Hardy W., Keister R., Lewandowski P. Educational upgrading, structural change and the task composition of jobs in Europe. *Economics of Transition*, 2018, 26(2): 201–231. DOI: 10.1111/ecot.12145
29. Ivakhnyuk I. V. *Proposals for Russia's migration strategy through 2035*. Moscow: Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam, 2017, 82. (In Russ.)

Визуализация учебной информации как средство активизации познавательной деятельности обучающихся

Елена А. Рябоконе^a; Зоя В. Крецан^b; Людмила Е. Шмакова^c

^a Военная академия связи им. Маршала Советского Союза С. М. Буденного, Россия, г. Санкт-Петербург

^b Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

^c Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, Россия, г. Кемерово

@ z.kretsan@gmail.com

Поступила в редакцию 17.07.2020. Принята к печати 10.08.2020.

Аннотация: Рассматриваются приемы визуализации информации, направленные на наиболее рациональное и эффективное развитие психических познавательных процессов в структуре познавательной деятельности обучающихся. Предмет исследования – средства визуализации учебной информации, обеспечивающие активизацию познавательной деятельности обучающихся. Цель – выявить, теоретически обосновать и экспериментально проверить возможности использования средств визуализации учебной информации, обеспечивающих активизацию познавательной деятельности обучающихся. Дополнены представления о специфике познавательной деятельности как совокупности познавательных актов, к числу которых отнесены объяснение, понимание и рефлексия. Обоснована необходимость оптимизации процесса взаимодействия участников образовательных отношений. Описаны особенности организации информационного подхода к обучению. Дана характеристика этапов работы с учебной информацией: поиск и восприятие нового материала, обработка, применение на практике. Рассмотрены возможности применения технологий визуализации интеллект-карт и денотатного графа при организации процесса обучения. Предложено обоснование возможности использования средств визуализации в организации учебного процесса. Доказано, что применение технологий визуализации обеспечивает позитивные изменения в параметрах познавательной деятельности обучающихся, стимулирует развитие познавательной мотивации.

Ключевые слова: информатизация образования, информационный подход к обучению, обучающая система, этапы работы с информацией, мыслительные операции, мыслительная деятельность, графические схемы, интеллект-карта, денотатный граф

Для цитирования: Рябоконе Е. А., Крецан З. В., Шмакова Л. Е. Визуализация учебной информации как средство активизации познавательной деятельности обучающихся // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 2. С. 126–136. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-2-126-136>

Введение

Современные образовательные стандарты ориентируют педагогов на активизацию познавательной деятельности обучающихся, повышение мотивации к изучению той или иной темы, предмета. Повышение продуктивности познавательной деятельности рассматривается как ключевая задача организации процесса обучения. Ответ на вопрос, как добиться наивысшей продуктивности в запоминании, воспроизведении, применении знаний, волнует и учителей, и родителей. Мы считаем важным подчеркнуть, что процесс познания человеком окружающей действительности происходит чувственной и логической стороной. Чувственная форма познания осуществляется в ощущениях и представлениях, логическая форма реализуется в понятиях, суждениях и умозаключениях.

С. Л. Рубинштейн определял мышление как «движение мысли, раскрывающее связь, которая ведет от отдельного к общему и от общего к отдельному... Адекватное познание бытия... дает лишь мышление, которое отражает бытие... в закономерностях его, движимого внутренними противоречиями развития, – диалектическое мышление» [1, с. 341].

Используя точку зрения И. С. Морозовой, мы определяем мыслительную (познавательную) деятельность как процесс обобщенного и опосредованного отражения человеком окружающей действительности с учетом специфики связей и отношений. При этом следует учитывать комплексный характер получаемого продукта, который включает как опыт предшествующих поколений, так и собственный индивидуальный опыт субъекта познания [2, с. 12].

В. Я. Ляудис предлагает рассматривать познавательную деятельность в качестве совокупности актов, раскрывающихся как метапознавательные процедуры, соотносимые друг с другом, взаимодополнительные, взаимообуславливающие содержательное продвижение в научном познании реальности [3]. К их числу автор относит объяснение, понимание и рефлексию [4, с. 9]. Объяснение рассматривается как процесс знакомства с характеристиками нового знания, раскрытия сущности объекта познания. Понимание выступает следующим актом познавательной деятельности и предполагает осознание субъектом не только нового содержания знаний, но и процесс встраивания нового в структуру уже известного, в результате которого

образуется новое отношение к действительности, к собственной деятельности. Рефлексия определяется как регулятивный механизм самоотражения познавательной деятельности. Все три универсальных познавательных акта, взаимодополняя друг друга, обеспечивают коммуникативный характер познавательной деятельности в целом [5, с. 29].

Важное значение в данном контексте приобретает организация процесса взаимодействия всех участников образовательных отношений. Следует согласиться с мнением О. В. Колокольцевой, которая отмечает факт постоянного усложнения отношений между участниками образовательного процесса [6].

В условиях интенсификации, применения новых информационных технологий, развития дистанционных форм обучения возникает потребность организации более удобного информационного взаимодействия всех участников. Чтобы ответить на эти вызовы, требуется поменять подход к пониманию образовательного взаимодействия. Переход к информационному подходу позволяет понять, как именно организовано это взаимодействие.

По мнению В. М. Казакевич, существует широкий спектр применения понятий, методов и теоретических закономерностей преобразования информации к процессу обучения людей [7]. Информация определяется как совокупность сведений об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемая человеком непосредственно или опосредованно.

Н. И. Пак подчеркивает, что информационный подход облегчает формализацию понятийного аппарата, упорядочивает информационную картину мира, дополняет дидактику информационными процессами обучения, а методы дидактики обогащает новыми вариантами использования [8, с. 97]. С точки зрения А. А. Милутиной информационный подход обеспечивает эффективное использование в педагогической системе информационного поля, способствует повышению управляемости педагогической системы, результативности ее организации. Данный подход обеспечивает доступ обучающегося к информации, вовлечение в феномен коллективного разума [9, с. 145]. На этапе осознания, осмысления информации учениками важна организация образовательной деятельности, способствующая развитию их мышления. Поэтому образовательный процесс все больше связан с деятельностным подходом в приобретении обучающимися новых знаний.

Знания в современном мире играют важную роль, их количество стремительно растет, педагогу важно научить учеников самостоятельно приобретать новые знания, используя все многообразие информационных ресурсов. Это диктует необходимость формирования у них умений работы с информацией.

Этапы работы с информацией

Рассмотрим, какие этапы работы с информацией существуют и как научить ученика действовать более эффективно на каждом из них. Основные этапы работы с информацией: поиск и сбор данных → обработка → использование →

хранение. Анализируя перечисленные этапы работы с информацией, нам следует научить ученика действовать более эффективно на каждом из них. Для каждого из этих этапов существуют свои приемы, позволяющие облегчить работу с информацией.

На первом этапе (поиск и сбор данных) важно определить источники получения информации. Очень важно знать, где искать. Поисковый этап является ответственным, ведь от качества его выполнения будет зависеть качество работы на других этапах. Поиск информации представляет собой процесс, результатом которого являются тексты (файлы), удовлетворяющие условиям поиска: тема, факты, данные. Следует согласиться с мнением М. В. Дмитриевой, которая подчеркивает, что при организации поиска следует определить, какого рода информацию мы хотим найти (объект поиска) и как в дальнейшем ее использовать (цель поиска) [10, с. 7].

Для успешного информационного поиска необходимы самые разные знания и навыки: умение формировать запрос, работать с новыми информационно-коммуникативными технологиями, читать язык символов и пентаграмм, просто хорошо читать, способность критически оценивать прочитанное. Мы согласны с точкой зрения И. Н. Розенберга, который констатирует, что современные технологии информационного поиска являются комплексными технологиями, включающими информационное и когнитивное моделирование, а также применение информационных единиц [11, с. 47].

Чем старше становится обучающийся, тем больше информации ему требуется находить самостоятельно (отыскать произведение классика и прочитать его, подготовить реферат или доклад и др.). При этом следует учитывать, что, по мнению А. В. Грековой, информационный запрос представляет собой словесное выражение определенной информационной потребности, которая далеко не всегда бывает правильно осознана и точно сформулирована человеком, испытывающим такую потребность [12, с. 99].

Эффективно справиться с этой задачей помогут следующие действия.

1. Определение темы. Необходимо выделить основную тему, а затем разбить ее на тематические блоки для облегчения поиска сведений.

2. Подбор информационных источников, к числу которых можно отнести информационные интернет-порталы, учебники и книги, СМИ, мультимедийные источники, людей-экспертов в данном вопросе.

3. Учет надежности источников. Для сбора данных лучше всего пользоваться официальными сайтами, печатными изданиями, выпусками новостей на главных телевизионных каналах. Прочие сведения рекомендуется брать из специализированных книг и с информационных порталов. При этом следует обращать внимание на авторов, даты публикации и надежность источников (например, для сайтов справедливо утверждение: чем выше положение в поисковой выдаче, тем выше надежность).

На этапе обработки информации происходит сопоставление нового с уже известным, осмысление информации.

Следует согласиться с точкой зрения Т. В. Борзовой и Л. А. Мосуновой, которые утверждают, что важнейшим путем развития смыслового понимания информации является обучение ее экстраполяции на новые ситуации, основанной на личностном отношении к содержанию [13, с. 18]. На этом этапе происходит систематизация информации, далее следует обобщение в общих суждениях и кодификация этих суждений в определенных терминах и понятиях.

Выделим следующие направления работы с информацией: работа с текстовой информацией, работа с видео- и аудиоинформацией. Перейдем к рассмотрению особенностей организации работы с текстовой информацией. Обработка и анализ текста – наиболее часто встречающийся вид работы. По мнению В. В. Диковицкого и М. Г. Шишаева [14, с. 29], текст является одной из основных форм обмена информацией в обществе. Эффективно работать с этой информацией поможет выполнение следующих действий.

1. Составление плана предполагает формулировку названий основных частей прочитанного. Например, план биографии некоторой исторической личности может выглядеть так: детские годы, обучение в гимназии, пребывание при дворе, первые творческие успехи, путешествие по Европе и т. п. При работе с математической информацией это может быть составление алгоритма решения задачи, выделение последовательности математических действий и др.

2. Написание конспекта рекомендуется делать параллельно с прочтением источника – основную идею можно выделять по абзацам, главам, тематическим блокам и т. д. в зависимости от того, насколько полно и детально нужно отразить информацию. По мнению Е. А. Энгель, в теории информационного поиска и реферирования самые важные содержательные термины – существительные [15, с. 64].

3. Написание тезисов обогащает опыт обучающегося выражать суть прочитанного или услышанного. Школьникам они могут понадобиться в том случае, когда необходимо сказать, в чем состоит смысл текста, ответить на поставленные вопросы по нему.

4. Структурирование необходимо использовать при обработке большого текста. Например, составляя конспект параграфа учебника, выделять главные темы и подтемы шрифтом и цветом, делать списки, подчеркивания, проставлять знаки восклицания на полях в наиболее значимых местах и пр.

5. Визуализация используется для облегчения восприятия текстовой информации. Сведения, представленные в таком виде, лучше понимаются и запоминаются.

Высокая результативность усвоения проявляется при работе с видео- и аудиоинформацией. По мнению Е. В. Оспенниковой и А. А. Оспенникова, в виртуальной среде обучения задействованы такие специфические формы предъявления информации, как анимация, элементы виртуальной реальности (тренажеры, конструкторы, симуляторы) [16, с. 76]. Эффективной работе с этой информацией будет способствовать применение следующих приемов.

1. Конспектирование используется параллельно с просмотром / прослушиванием, при необходимости запись конспекта может останавливаться.

2. Написание тезисов обеспечивает процесс систематизации информации. Они помогают лучше понять и запомнить прослушанный / просмотренный материал. По тезисам ученик сможет легко воспроизвести усвоенную информацию, однако она не будет очень детализированной. Поэтому в случаях, когда необходимо полное погружение в информацию, рекомендуется конспектирование.

3. Последовательное воспроизведение используется при просмотре мастер-классов и видеоуроков. Ребенок просматривает часть записи, отображающую выполнение какого-то действия, и сразу же воспроизводит ее. Если специфика деятельности позволяет это (например, оригами), то можно выполнять ее параллельно с просмотром.

Этап использования данных заключается в практическом использовании результатов обработки (например, выполнение домашнего задания, ответ у доски, принятие решения и др.). Качество выполнения этапа напрямую зависит от качества выполнения предыдущих: если информация правильно подобрана и хорошо усвоена, то проблем с ее применением на практике не возникает.

Проверить это можно с помощью пересказа. При этом следует обращать внимание на полноту информации и ее последовательность. Нам близка точка зрения В. В. Волкова, который предлагает выделять следующие аспекты изложения. В аспекте работы с чужим текстом необходимо учиться воспринимать, понимать и передавать чужую речь, ценить своеобразие чужой речи, воспитывать трепетно-бережное отношение к чужой мысли и чужому слову. В аспекте формирования навыков анализа и конструирования текстов «на заказ» необходимо учить различать главное и второстепенное, находить опорные (ключевые) слова и синтаксические конструкции, составлять план и строить текст по определенному плану. И наконец, в аспекте конструирования своего текста на базе чужого автор предлагает обогащать словарный запас, используя различные синтаксические конструкции [17, с. 147].

На этапе хранения информации мы определяем виды и способы хранения информации (например, записи в тетради или на диске), чтобы ее можно было быстро найти при необходимости. Существуют различные способы сохранения информации. При этом необходимо определиться с направленностью запоминания. Если речь идет об опоре на мнемические процессы, запоминаемую информацию следует структурировать и осмыслить. Если речь идет о сохранении информации справочного характера, ее следует сохранять с помощью дополнительных средств (запись на носитель или составление конспекта прочитанного текста). Использование мнемотехник (цепочки, символизации) обеспечит вариативность сохранения информации и ее быстрое воспроизведение.

Таким образом, формирование навыков работы с информацией включает в себя обучение поиску и локализации, фиксированию, сравнению и обобщению информации, умению выделять главное, оформлять свою мысль по типу рассуждения, устанавливать причинно-следственные связи, презентации полученных результатов, подведению итогов. Обучение информационным навыкам целесообразно проводить постепенно – от первого до последнего класса.

Визуализация информации

Следует согласиться с мнением О. В. Песковой, которая считает, что визуализация информации представляет собой междисциплинарную область, которая опирается на знание предметной сферы визуализируемых данных и процессов, понимание основ визуального восприятия человеком информации и владение математическими методами анализа данных [18]. А. А. Вербицкий понимает процесс визуализации как «свертывание мыслительных содержаний в наглядный образ; будучи воспринятым, образ может быть развернут и служить опорой адекватных мыслительных и практических действий» [19, с. 27]. Опираясь на данную интерпретацию, Л. В. Черкасова подчеркивает, что визуализация учебной информации позволяет решить целый ряд педагогических задач, к числу которых автор относит обеспечение интенсификации обучения, активизации учебной и познавательной деятельности, формирование и развитие критического и визуального мышления, зрительного восприятия, образного представления знаний и учебных действий, передачи знаний и распознавания образов, повышения визуальной грамотности и визуальной культуры обучающегося [20, с. 134].

Сегодня визуализация особенно важна, т. к. люди теряются в обилии окружающей информации и на ее восприятие тратится слишком много времени. Информация, представленная в визуальных формах, привлекает внимание, быстрее воспринимается, проще идентифицируется, легче запоминается. Определяя преимущества применения визуализации в обучении, А. Ф. Пухов констатирует, что понимание алгоритмов улучшается, если их объяснение сопровождается наглядными изображениями или демонстрациями [21, с. 60]. Визуализация в процессе обучения помогает учащимся правильно организовывать и анализировать информацию.

Эффективность приема техники визуализации зависит от уровня владения учителем и учениками данными средствами. Существует множество способов визуализации. Для каждого типа данных нужно подобрать свой способ визуализации – в каком именно представлении информация будет донесена понятнее и быстрее. Применяя разные способы визуализации к информации, ученик лучше осознает и запоминает ее.

Рассмотрим графические схемы, позволяющие представить структуру данных и взаимосвязи между элементами; иерархию данных, в которой элементы являются родительскими или дочерними по отношению друг к другу; взаимосвязи данных в виде соединенных линиями узлов либо сверху вниз, либо из центра композиции. Схемы могут быть использованы в качестве отдельно применяемого методического приема для анализа какой-либо ситуации либо выступать стратегией целого урока.

Применение рассматриваемых далее графических схем активизирует деятельность учащихся, способствует повышению познавательной мотивации, формирует обстановку сотрудничества и воспитывает в детях чувство собственного достоинства, дарит им ощущение творческой свободы (рис. 1). Активно схемы применяются в рамках технологии развития критического мышления.

Рис. 1. Назначение графических схем
Fig. 1. Purpose of graphic schemes

Методы и материалы

Исследование параметров познавательной деятельности было проведено в школах г. Кемерово и г. Санкт-Петербург. Всего в исследовании принимали участие 96 школьников в возрасте 13–14 лет. Для сбора данных мы использовали ГИТ (групповой интеллектуальный тест) [22]. Перевод и адаптация теста «Групповой интеллектуальный тест» на выборке российских школьников осуществлены М. К. Акимовой, Б. М. Борисовой, В. Т. Козловой и Г. П. Логиновой. Для изучения познавательной мотивации мы использовали методику диагностики мотивации учения и эмоционального отношения к учению в средних и старших классах школы (Спилберга-Андреевой) [23].

Оценка результата выполняется путем сложения баллов по шкале познавательной активности и мотивации достижения с последующим вычитанием из этой суммы баллов по шкалам тревожности и гнева. Результат может находиться в диапазоне от –60 до +60 баллов. Исходя из итогового балла, определяется несколько уровней мотивации учения и эмоционального отношения к учению. Дополнительно может использоваться качественный показатель по отдельным шкалам методики. Для этого данные испытуемого по шкале сравниваются с нормативными значениями.

Активизация познавательной деятельности обучающихся была осуществлена в рамках специального организованного воздействия с помощью средств визуализации. При организации процесса обучения с использованием технологий визуализации мы использовали интеллектуальные карты (рис. 2) и денотатный граф.

Рис. 2. Достоинства интеллектуальной карты
Fig. 2. Advantages of a mind map

Интеллект-карта

По мнению Е. Н. Дроновой, ментальные карты (карты мышления, интеллект-карты, карты ума, ассоциативные карты, карты разума, карты памяти) представляют собой результат отображения на бумаге эффективного способа находить решения проблемы, а также возможность представить и наглядно выразить свои внутренние процессы обработки информации [24, с. 119].

Интеллект-карта представляет собой удобный инструмент для отображения процесса мышления и структурирования информации в визуальной форме (с помощью схемы), позволяющий представить идеи, концепции, информацию в виде карты, состоящей из ключевых и вторичных тем. Л. М. Бронникова и Е. И. Майер предлагают понимать под ментальной картой графическое представление информации, отражающее связи между понятиями, частями и элементами рассматриваемой области (смысловые, причинно-следственные, ассоциативные и т. д.). [25, с. 31]. В процессе создания интеллект-карты учителю важно использовать ассоциации.

По мнению Д. Р. Хакимова, ментальные карты – это удобная и эффективная техника визуализации мышления и альтернативной записи, наглядно отражающая ассоциативные связи в мозге человека [26, с. 5]. Преимущества использования интеллект-карты базируются на учете закономерностей протекания психических познавательных процессов. Во-первых, наглядность как характеристика карты заключается в том, что ее можно окинуть одним взглядом; вся проблема с ее многочисленными сторонами и гранями оказывается прямо перед вами. Во-вторых, привлекательность – яркая, красочная, чтобы рассматривать ее было не только интересно, но и приятно. В-третьих, эффект запечатления, который возникает благодаря работе обоих полушарий мозга, использованию образов и цвета.

При создании карты ума можно использовать то, что есть под рукой: доску, лист бумаги, графический редактор планшета или компьютера, цветные карандаши, ручки, фломастеры, наклейки, стоп-сигналы. Необходимо нарисовать центральный круг и поместить в него изучаемое понятие (вписать или нарисовать тему, слово, личность, объект, систему, явление). От центрального круга нарисовать расходящиеся лучи (или ветки) разного цвета, длиннее, короче, толще, тоньше. На них написать слова-ассоциации, вызванные родительским понятием. Можно и нужно рисовать картинки, использовать наклейки. Далее – нарисовать ветви второго порядка, на которых поместить ассоциации, принадлежащие ветвям первого уровня. Смысловые блоки (ветви, образующие деревья) рекомендуется обводить в круги, рамочки разного цвета.

Не имея опыта создания интеллект-карты, ученики под руководством учителя учатся выбирать ключевые моменты (например, основные изучаемые на уроке понятия), расставлять приоритеты между ветвями (выделять главное и второстепенное), определять основные задачи и действия (слушать, обсуждать, аргументировать, воспроизводить). Постепенно приобретая опыт, ученики выполняют эти

операции индивидуально или работая в микрогруппах, учитель организует и направляет деятельность обучающихся.

Применение интеллект-карт при организации образовательной деятельности способствует повышению продуктивности всех видов памяти обучающихся; развивает системное мышление, аналитические способности, креативность учеников; способствует формированию коммуникативной компетентности в процессе групповой деятельности; формирует навыки самостоятельной организации познавательного процесса; способствует формированию познавательной мотивации в процессе обучения.

Таким образом, применение интеллект-карт в учебном процессе обеспечивает обучающимся возможность научиться работать с большим объемом информации, структурировать и систематизировать явления и объекты, более свободно выражать свои мысли, мыслить неординарно, подходить к решению проблем творчески.

Денотатный граф

Рассмотрим специфику применения денотатного графа. При определении используются следующие формулировки. По мнению Т. В. Крюковой, под денотатным графом следует понимать наглядное изображение, иллюстрирующее содержание текста; включающее аргументы-цитаты, с помощью которых автор определяет свое отношение к содержанию; набор языковых средств; авторскую позицию относительно ответа на проблемный вопрос [27, с. 182].

Согласно точке зрения Н. П. Пешковой, денотатный граф используется как практический инструмент экспликации внутренних психолингвистических характеристик различных типов текста, принадлежащих структуре его содержания [28, с. 170]. С помощью денотатного графа из текста вычлняются существенные признаки ключевого понятия, что может быть использовано как алгоритм осмысления информации, предлагаемый обучающемуся. А. С. Смирнова определяет граф как схему-дерево, которая определенным образом описывает понятие, раскрывая его аспекты [29, с. 63]. Денотатный граф можно использовать на любом уроке, на всех его этапах с любым материалом: познание нового, контроль и т. д. При изучении темы сначала вычлняется основное понятие (слово или словосочетание), чаще всего оно совпадает с темой. Его записывают в верхний большой прямоугольник (рис. 3).

Затем к понятию подбираются глаголы (страдательные причастия в позиции сказуемого). Они вносятся в прямоугольники, расходящиеся веером или, точнее, ветвями от ствола-понятия. Дробление ключевого слова по мере построения графа на слова-веточки.

На третьем уровне от глаголов строятся веточки, и к каждому глаголу записывается несколько имен, обычно существительных, при необходимости – именных словосочетаний. При необходимости можно сделать и продолжение – от этих имен тоже отвести глаголы-прутики, а от них снова имена (рис. 4). Возможно чередование имени и глагола в графе (именем может быть одно существительное или группа существительных в сочетании с другими именными частями

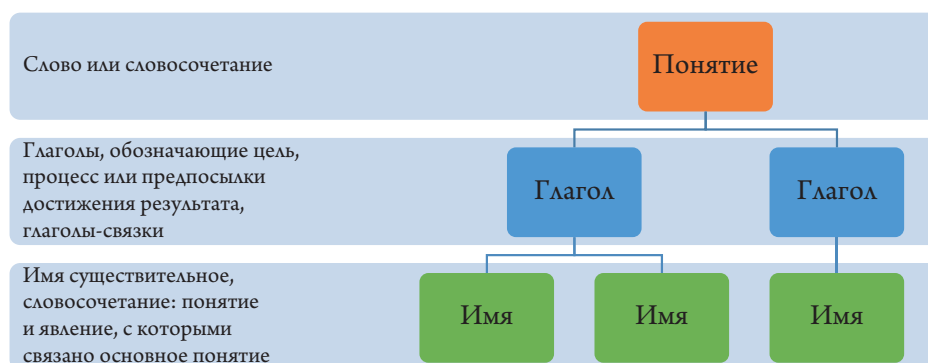

Рис. 3. Схема создания денотатного графа
Fig. 3. Scheme of a denotational graph

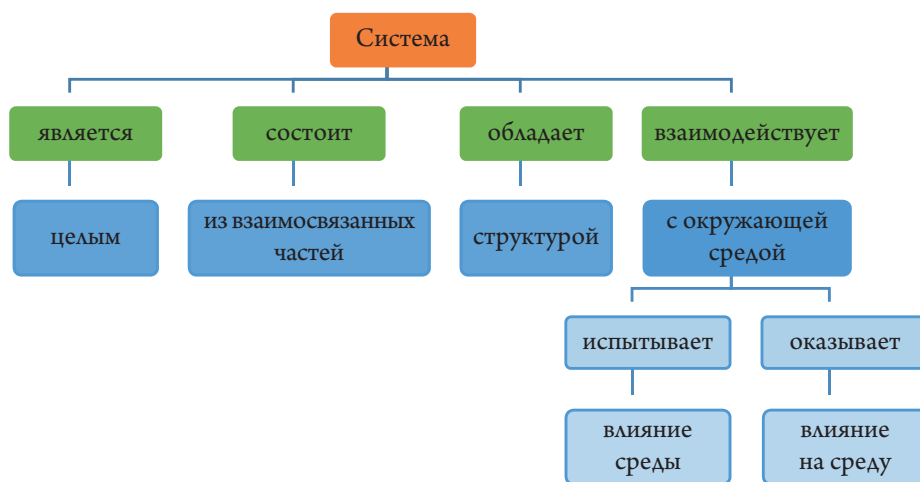

Рис. 4. Пример денотатного графа
Fig. 4. Example of a denotational graph

речи; глагол выражает динамику мысли, движение от понятия к его существенному признаку).

Применение денотатных графов при организации образовательной деятельности развивает интеллектуальные способности ученика: способность к анализу и синтезу, к вычленению главного и т. п.; помогает разложить материал «по полочкам», осознать его; позволяет усвоить связь между различными понятиями, суть их отношений.

Таким образом, денотатный граф можно эффективно использовать на уроках в тех ситуациях, когда необходимо провести анализ нового понятия, определить содержательные характеристики. Использование денотатных графов дает ученикам возможность научиться работать с материалами большого объема: анализировать и структурировать информацию.

Результаты

Уровневые характеристики параметров познавательной деятельности обучающихся отражены в табл. 1.

По результатам первого субтеста «Инструкции» можно сделать вывод, что низкий уровень выполнения инструкций продемонстрировали более половины испытуемых (56,25%). Высокий уровень выполнения данного задания не выявлен.

По субтесту «Арифметика», определяющему умение выполнять вычислительные действия, можно констатировать, что низкий уровень выполнения вычислительных действий продемонстрировали более половины испытуемых (64,6%). Высокий уровень выполнения данного задания не выявлен.

По субтесту «Предложения», где было необходимо вписать недостающее слово, не нарушая смысл предложения, большинство показали средний уровень выполнения данного задания (56,25%). 13,55% испытуемых справились с заданиями субтеста на высоком уровне.

По результатам субтеста «Различия», с помощью которого у подростков можно выявить умения сопоставлять понятия и находить в них общее или различное значение, можно констатировать приблизительно равное распределение выборки по всем уровням.

Субтест «Числовые ряды» представляет возможным выявить у подростков способность увидеть закономерность в ряде чисел и умение достраивать этот ряд по данному принципу. Больше половины испытуемых (51,1%) продемонстрировали средний уровень овладения данным умением.

По результатам субтеста «Аналогии», определяющего умение находить связь между словами по какому-либо признаку, процессу или явлению, мы можем сделать вывод, что на общей выборке представлены все уровни выраженности данного умения: низкий (29,2%), средний (50%) и высокий (20,8%).

По субтесту «Символы», где рассматривалась способность точно и быстро сопоставлять предложенные символы с соответствующими им цифрами, получены более высокие результаты. Так, 27,1% испытуемых справились с заданием в полном объеме, на среднем уровне справились с заданием больше половины испытуемых (60,4%).

Табл. 1. Уровневые характеристики параметров познавательной деятельности

Tab. 1. Level characteristics of the parameters of cognitive activity

Параметр	Уровневые характеристики								
	Низкий уровень			Средний уровень			Высокий уровень		
	Среднее по группе	Количество человек	%	Среднее по группе	Количество человек	%	Среднее по группе	Количество человек	%
Инструкции	5	54	56,25	9,85	42	43,75	–	–	–
Арифметика	5,5	62	64,6	8,6	34	35,4	–	–	–
Предложения	5,73	29	30,2	9,62	54	56,25	14	13	13,55
Различия	5,67	23	23,9	20	40	41,7	29,4	33	34,4
Числовые ряды	6,22	47	48,9	9,88	49	51,1	–	–	–
Аналогии	10,86	28	29,2	18,65	48	50	34	20	20,8
Символы	12	12	12,5	20,74	58	60,4	28,17	26	27,1
Общий показатель	58,5	35	36,4	92,8	49	51,1	111,75	12	12,5

Проведя анализ результатов диагностики мотивации учения и эмоционального отношения к учению, мы получили данные, представленные в табл. 2.

Результаты показывают, что выявлено 6,25 % испытуемых, мотивация которых имеет высший уровень продуктивности и характеризуется наличием познавательного мотива учения и положительным эмоциональным отношением к учебной деятельности. Продуктивной позитивной мотивацией обладают 29,2 % учеников. У 35,4 % обучающихся был выявлен средний уровень мотивации со слабо выраженными познавательными мотивами. Еще 16,65 % респондентов показывают сниженную мотивацию. 12,5 % обучающихся в своих ответах продемонстрировали негативное отношение как к учебному процессу, так и к процессу познания.

Исходя из полученных результатов, мы считаем возможным констатировать наличие у респондентов сниженного уровня мотивации учения, в том числе и мотивации познавательной деятельности.

Для решения задачи экспериментальной проверки возможностей использования средств визуализации учебной информации, обеспечивающих активизацию познавательной деятельности обучающихся, мы разбили выборку испытуемых на контрольную (КГ) и экспериментальную группы (ЭГ), сопоставимые по репрезентативным характеристикам. Статистически значимых различий в показателях КГ и ЭГ выявлено не было. Проведенный анализ позволяет утверждать, что КГ и ЭГ сопоставимы по уровню параметров познавательной деятельности.

Для выявления статистически значимых различий между показателями изучаемых параметров на начальном и заключительном этапах эксперимента мы использовали t-критерий Стьюдента для зависимых выборок. Данный критерий направлен на оценку различий величин средних значений двух выборок, которые распределены по нормальному закону. На заключительном этапе эксперимента проводилось повторное психодиагностическое исследование КГ и ЭГ с целью определения эффективности технологий визуализации.

Полученные результаты позволяют констатировать позитивные изменения в изучаемых показателях (табл. 3).

Табл. 2. Уровневые характеристики мотивации учения и эмоционального отношения к учению по методике Спилберга-Андреевой

Tab. 2. Level characteristics of learning motivation and emotional attitude to learning according to the Spielberg-Andreeva method

Уровень	Сумма баллов	Количество человек	%
I	45–60	6	6,25
II	29–44	28	29,2
III	13–28	34	35,4
IV	(–2)–12	16	16,65
V	(–60)–(–3)	12	12,5

Общий показатель продуктивности познавательной деятельности возрос статистически значимо. Позитивные изменения зафиксированы в показателях, иллюстрирующих умения определять сходства и различия понятий ($t=-2,83$, $p<0,05$), умения находить закономерности в числовых рядах ($t=-2,04$, $p<0,05$), а также умения устанавливать аналогии ($t=-2,96$, $p<0,05$). В результате применения технологий визуализации возросли умения исполнять инструкции ($t=-2,28$, $p<0,05$), решать арифметические задачи ($t=-2,22$, $p<0,05$), дополнять предложения ($t=-2,64$, $p<0,05$) и связывать символические и цифровые обозначения ($t=-2,22$, $p<0,05$). По итогам работы мотивация в группе испытуемых может характеризоваться продуктивностью, позитивным отношением к учению и соответствием социальному нормативу ($t=-2,08$, $p<0,05$).

При рассмотрении данных, полученных на начальном и заключительном этапах эксперимента в КГ, мы установили, что статистически значимые изменения изучаемых показателей в КГ не зафиксированы (табл. 4). Статистический анализ позволил установить, что в КГ различия данных констатирующего и повторного срезов не являются статистически значимыми. В КГ позитивно изменился уровень сформированности умения исполнять инструкции, при этом изменения не являются статистически значимыми.

Анализ полученных данных позволяет утверждать отсутствие статистически значимых изменений в показателях сформированности умения определять сходства и различия понятий, умения находить закономерности в числовых рядах, а также умения устанавливать аналогии. В КГ не установлены статистически значимые различия в уровне сформированности умения решать арифметические задачи, дополнять предложения и связывать символические и цифровые обозначения.

Заключение

По результатам экспериментального изучения возможности использования средств визуализации, обеспечивающих активизацию познавательной деятельности обучающихся, мы можем сделать следующие выводы:

- познавательная деятельность обучающихся представляет собой феномен, характеризующийся процессуальностью и интегрированностью компонентов. Продуктивность познавательной деятельности определяется уровнем развития познавательных процессов, сформированностью умений выполнять простые и сложные операции и наличием определенной мотивации;

- активизация познавательной деятельности осуществляется в условиях применения информационного подхода, обеспечивающего упорядочивание и систематизацию представлений обучающегося об окружающей действительности;
- применение средств визуализации при организации образовательного процесса способствует повышению умения определять сходства и различия понятий, находить закономерности в числовых рядах, устанавливать аналогии, исполнять инструкции, решать арифметические задачи, дополнять предложения и связывать символические и цифровые обозначения.

Таким образом, визуализация в обучении позволяет обеспечить интенсификацию процесса обучения, активизировать учебную и познавательную деятельность, способствует формированию и развитию зрительного восприятия, образного представления значений предметов окружающей действительности, повысить визуальную грамотность и визуальную культуру. Методически грамотный подход к визуализации обеспечивает и поддерживает переход обучающегося на более высокий уровень познавательной деятельности, стимулирует развитие креативного мышления.

Табл. 3. Средние значения показателей в экспериментальной группе на начальном и заключительном этапах эксперимента
Tab. 3. Average values of indicators in the experimental group at the initial and final stages of the experiment

Параметр	Начальный этап	Заключительный этап	t	p
Характеристики познавательной деятельности				
Инструкции	9,85	11,25	-2,28	0,03
Арифметика	8,6	10,9	-2,22	0,04
Предложения	9,62	11,85	-2,64	0,02
Различия	20	23,65	-2,83	0,01
Числовые ряды	9,88	11,75	-2,04	0,05
Аналогии	18,65	24,90	-2,96	0,005
Символы	20,74	22,25	-2,22	0,04
Общий показатель	92,8	98,4	-2,34	0,02
Показатели мотивации				
Мотивация учения и эмоционального отношения к учению	12,33 (4 уровень)	18,64 (3 уровень)	-2,08	0,05

Табл. 4. Средние значения показателей в контрольной группе на начальном и заключительном этапах эксперимента
Tab. 4. Average values of indicators in the control group at the initial and final stages of the experiment

Параметр	Начальный этап	Заключительный этап	t	p
Характеристики познавательной деятельности				
Инструкции	9,75	10,02	-0,83	0,42
Арифметика	8,7	10,9	-1,65	0,12
Предложения	9,62	10,85	-1,53	0,14
Различия	20	21,65	-0,26	0,79
Числовые ряды	9,92	10,75	-0,83	0,42
Аналогии	18,60	18,90	-0,09	0,93
Символы	20,74	20,95	-1,15	0,27
Общий показатель	92,8	94,4	-1,53	0,15
Показатели мотивации				
Мотивация учения и эмоционального отношения к учению	12,28 (4 уровень)	12,84 (4 уровень)	-0,35	0,73

Литература

1. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2015. 705 с.
2. Морозова И. С. Мотивация как фактор оптимизации мыслительного процесса: дис. ... канд. психол. наук. Новосибирск, 1999. 135 с.
3. Ляудис В. Я. Методика преподавания психологии. 2-е изд. М.: Психология, 1999. 85 с.
4. Ляудис В. Я. Психология инновационного обучения в диалоге с культурно-исторической психологией Л. С. Выготского // Известия академии педагогических и социальных наук. 1996. № 1. С. 6–11.
5. Морозова И. С. Познавательная деятельность личности. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. 214 с.
6. Колокольцева О. В. Особенности управленческого процесса и мотивация участников образовательных отношений // Базис. 2019. № 1. С. 69–73.
7. Казакевич В. М. Обучение как информационно-коммуникационный процесс // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Т. 1. № 3. С. 151–164. DOI: 10.24411/2224-0772-2019-10024
8. Пак Н. И. О концепции информационного подхода в обучении // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2011. № 1. С. 91–97.
9. Милютина А. А. Информационный подход в области формирования медиакомпетенции младших школьников на уроках русского языка // Западно-сибирский педагогический вестник. 2014. № 1. С. 142–149.
10. Дмитриева М. В. О поиске информации в сети Интернет // Компьютерные инструменты в образовании. 1999. № 6. С. 7–18.
11. Розенберг И. Н. Комплексность информационного поиска // Образовательные ресурсы и технологии. 2017. № 1. С. 41–49. DOI: 10.21777/2312-5500-2017-1-41-49
12. Грекова Л. В. Информационный поиск в информатике и библиотековедении // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2013. № 1. С. 95–100.
13. Борзова Т. В., Мосунова А. А. Условия развития смыслового понимания информации в процессе обучения // Science for Education Today. 2020. Т. 10. № 1. С. 7–24. DOI: 10.15293/2658-6762.2001.01
14. Диковицкий В. В., Шишаев М. Г. Обработка текстов естественного языка в моделях поисковых систем // Труды Кольского научного центра РАН. 2010. № 3. С. 29–34.
15. Энгель Е. А. Использование интеллектуальных алгоритмов для обработки текстовой информации // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М. Ф. Решетнева. 2010. № 2. С. 62–68.
16. Оспенникова Е. В., Оспенников А. А. Формирование у учащихся общих подходов к работе с учебной информацией по физике, представленной в виртуальной предметной среде // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Информационные компьютерные технологии в образовании. 2009. № 5. С. 76–107.
17. Волков В. В. Пересказ как способ освоения содержательности текста // Культура. Духовность. Общество. 2015. № 16. С. 145–150.
18. Пескова О. В. О визуализации информации // Вестник Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана. 2012. № 1. Режим доступа: <http://engjournal.ru/catalog/it/hidden/24.html> (дата обращения: 15.07.2020).
19. Вербицкий А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М.: Высш. шк., 1991. 207 с.
20. Черкасова Л. В. Технология визуализации учебного материала как способ формирования у школьников информационной компетентности // Вестник СурГУ. 2019. № 1. С. 132–141. DOI: 10.26105/SSPU.2019.45.14.014
21. Пухов А. Ф. Эффективное использование визуализации в процессе обучения // Компьютерные инструменты в образовании. 2006. № 6. С. 56–62.
22. Борисова Е. М., Логинова Г. П. Диагностика умственного развития на основе качественного анализа теста // Вопросы психологии. 1986. № 2. С. 149–155.
23. Прихожан А. М. Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст. 2-е изд. СПб.: Питер, 2007. 192 с.
24. Дронова Е. Н. Ментальные карты в учебном процессе: роль и основы разработки // Проблемы современного образования. 2017. № 2. С. 118–124.
25. Бронникова Л. М., Майер Е. И. Методические аспекты использования ментальных карт в образовательном процессе // Педагогическое образование на Алтае. 2017. № 1. С. 30–33.
26. Хакимов Д. Р. Применение в учебном процессе ментальных карт // Образовательные ресурсы и технологии. 2016. № 1. С. 3–8.
27. Крюкова Т. В. Использование денотатного графа при контент-анализе текста // International Scientific Review. 2016. № 3. С. 181–186.
28. Пешкова Н. П. Проект «Психолингвистика текста. Текст и его смысл: региональные исследования в русле школы А. И. Новикова» // Вопросы психолингвистики. 2018. № 36. С. 168–181.
29. Смирнова А. С. Графическое представление информации // Международный научно-исследовательский журнал. 2012. № 6-2. С. 61–64.

Visualization of Educational Information as a Means of Enhancing the Cognitive Activity in Students

Elena A. Ryabokon^a; Zoya V. Kretzan^{b,@}; Lyudmila E. Shmakova^c

^a Marshal Budyonny Military Academy of Communications, Russia, St. Petersburg

^b Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

^c Kuzbass Regional Institute for Advanced Studies and Retraining for Educators, Russia, Kemerovo

@ z.kretsan@gmail.com

Received 17.07.2020. Accepted 10.08.2020.

Abstract: The article deals with information visualization techniques aimed at effective development of cognitive processes as parts of students' cognitive activity. The research featured the means of visualization of educational information that encourage the cognitive activity in students. The research objective was to identify, justify, and test the possibilities of using visualization tools for educational information. The cognitive activity is represented as a set of cognitive acts, namely explanation, understanding, and reflection. The authors believe that the process of interaction between participants in educational relations needs to be improved. The article focuses on the organization of the informational approach to training. It describes the stages of work with educational information: search for new material, its perception, processing, and application. The visualization technologies include mind maps and denotational graphs. Visualization technologies provide positive changes in students' cognitive activity and develop cognitive motivation.

Keywords: informatization of education, informational approach to learning, training system, stages of working with information, mental operations, mental activity, graphical diagrams, mind maps, denotational graph

For citation: Ryabokon E. A., Kretzan Z. V., Shmakova L. E. Visualization of Educational Information as a Means of Enhancing the Cognitive Activity in Students. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 2020, 4(2): 126–136. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-2-126-136>

References

1. Rubinstein S. L. *Fundamentals of general psychology*. St. Petersburg: Piter, 2015, 705. (In Russ.)
2. Morozova I. S. *Motivation as a factor in optimizing the thought process*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Novosibirsk, 1999, 135. (In Russ.)
3. Lyaudis V. Ya. *Methods of teaching psychology*, 2nd ed. Moscow: Psykhologiya, 1999, 85. (In Russ.)
4. Lyaudis V. Ya. Psychology of innovative teaching in dialogue with cultural-historical psychology L. S. Vygotsky. *Izvestiia akademii pedagogicheskikh i sotsialnykh nauk*, 1996, (1): 6–11 (In Russ.)
5. Morozova I. S. *Cognitive activity of personality*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2002, 214. (In Russ.)
6. Kolokoltseva O. V. Features of administrative process and motivation of participants of the educational relations. *Basis*, 2019, (1): 69–73. (In Russ.)
7. Kazakevich V. M. Paradigm of innovation learning methodologies based on the theory of information processes. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*, 2019, 1(3): 151–164. (In Russ.) DOI: 10.24411/2224-0772-2019-10024
8. Pak N. I. About the concept of information approach in training. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'yeva*, 2011, (1): 91–97. (In Russ.)
9. Milyutina A. A. Information approach in the field of formation of media competence of junior schoolchildren in Russian language lessons. *Zapadno-sibirskii pedagogicheskii vestnik*, 2014, (1): 142–149. (In Russ.)
10. Dmitrieva M. V. Information search on the Internet. *Kompiuternye instrumenty v obrazovanii*, 1999, (6): 7–18. (In Russ.)
11. Rosenberg I. N. Complex information retrieval. *Educational resources and technologies*, 2017, (1): 41–49. (In Russ.) DOI: 10.21777/2312-5500-2017-1-41-49
12. Grekova L. V. Information search in computer science and library science. *Scientific statements of Belgorod State University. Series: Economy. Computer science*, 2013, (1): 95–100. (In Russ.)
13. Borzova T. V., Mosunova L. A. The conditions for fostering meaningful understanding of information in learning. *Science for Education Today*, 2020, 10(1): 7–24. (In Russ.) DOI: 10.15293/2658-6762.2001.01
14. Dikovitsky V. V., Shishaev M. G. Processing of human language texts in search systems models. *Trudy Kolskogo nauchnogo tsentra RAN*, 2010, (3): 29–34. (In Russ.)
15. Engel E. A. Using intelligent algorithms for the text information processing. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta im. akademika M. F. Reshetneva*, 2010, (2): 62–68. (In Russ.)

16. Ospennikova E. V., Ospennikov A. A. Formation of students' general approaches to work with educational information on physics presented in a virtual subject environment. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Informatsionnye kompiuternye tekhnologii v obrazovanii*, 2009, (5): 76–107. (In Russ.)
17. Volkov V. V. Retelling as a way of mastering the content of the text. *Kultura. Dukhovnost. Obshchestvo*, 2015, (16): 145–150. (In Russ.)
18. Peskova O. V. About information visualization. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. N. E. Baubana*, 2012, (1). Available at: <http://engjournal.ru/catalog/it/hidden/24.html> (accessed 15.07.2020). (In Russ.)
19. Verbitsky A. A. *Active higher education: contextual approach*. Moscow: Vyssh. shk., 1991, 207. (In Russ.)
20. Cherkasova L. V. Technology of visualization of the training material as the way of formation of information competence among school students. *Bulletin of SurGPU*, 2019, (1): 132–141. (In Russ.) DOI: 10.26105/SSPU.2019.45.14.014
21. Pukhov A. F. Effective use of visualization in the learning process. *Kompiuternye instrumenty v obrazovanii*, 2006, (6): 56–62. (In Russ.)
22. Borisova E. M., Loginova G. P. Diagnostics of mental development based on a qualitative analysis of the test. *Voprosy psikhologii*, 1986, (2): 149–155. (In Russ.)
23. Prikhozhan A. M. *Psychology of anxiety: preschool and school age*, 2nd ed. St. Petersburg: Piter, 2007, 192. (In Russ.)
24. Dronova E. N. Mental card in the learning process: the role and basis of development. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, 2017, (2): 118–124. (In Russ.)
25. Bronnikova L. M., Maier E. I. Methodical aspects of the use of mental maps in the educational process. *Pedagogicheskoe obrazovanie na Altae*, 2017, (1): 30–33. (In Russ.)
26. Khakimov D. R. Use in educational process mental map. *Educational resources and technologies*, 2016, (1): 3–8. (In Russ.)
27. Kryukova T. V. Using of denotat count in the content analysis of the text. *International Scientific Review*, 2016, (3): 181–186. (In Russ.)
28. Peshkova N. P. The project "Text psycholinguistics. Text and its sense: regional investigations the Novikov school". *Voprosy psikholingvistiki*, 2018, (36): 168–181. (In Russ.)
29. Smirnova A. S. Graphic presentation of information. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*, 2012, (6-2): 61–64. (In Russ.)

Типология отступничества (апостасии) в христианском историко-культурном контексте

Всеволод В. Ахматов^{a, @}

^a Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Россия, г. Томск

[@] maryatirsa@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.04.2020. Принята к печати 17.05.2020.

Аннотация: Феномен апостасии в процессе исследования раскрывается как имеющий ряд статусных особенностей и актуальных аспектов – культурно-исторических, церковноправовых, эсхатологических, духовно-нравственных, что отражает актуальность данной работы. Исследуемая в контексте религиозно-философского дискурса эсхатологическая проблематика способствует более углубленному анализу причин общественных, социальных конфликтов, явлений насилия, поскольку обращает наше внимание на духовно-нравственный феномен апостасийности. Для этого возможно использовать сравнительно-сопоставительный типологический метод исследования. В статье предложен вариант типологии вероотступничества, обусловленной раннехристианским культурно-историческим контекстом на основании концепции христианской антропологии. Сделан перечень оснований, лежащих в фундаменте феномена отступничества, как классификация его форм и направлений. Осуществлена попытка найти ключ к основанию для выделения определенных апостасийных типов. Выделены сущностные направления апостасии, ее эталонные типы. Названы основные критерии, определяющие исследование и ряд его онтологических предпосылок. Обозначено особое значение рассмотрения явления отступничества в культурно-историческом контексте. Цель – показать важность и актуальность духовно-нравственной проблематики, вопросов выбора добра и зла для углубления современного философского дискурса в направлении профилактики межрелигиозных и социальных конфликтов, явлений насилия и экстремизма.

Ключевые слова: богоотступничество, вероотступничество, Каин, добро, зло, духовность, грех, свобода, грехопадение, раннехристианская культурно-историческая традиция, эсхатология

Для цитирования: Ахматов В. В. Типология отступничества (апостасии) в христианском историко-культурном контексте // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 2. С. 137–145. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-2-137-145>

Введение

Проблема вероотступничества (апостасии) и человека-отступника (апостасийного человека), исследуемая в контексте раннехристианской культурной традиции, имманентна учению раннехристианской ортодоксальной церкви. Она затрагивается многими раннехристианскими философами и богословами, даже если они не сосредотачиваются именно на апостасии как таковой. Представляется возможным обратиться к исследованию генезиса апостасийной проблематики внутри раннехристианской культурной традиции, исходя из того, что сердцевиной концепции является видение крупных раннехристианских авторов (таких как апостолы Петр и Павел, Иоанн Богослов, Игнатий Антиохийский, Поликарп Смирнский, Климент Александрийский, Иустин Философ, Иринеи Лионский, Ипполит Римский, Ориген), где апостасия и апостасийный человек, т. е. отступник, рассматриваются как явления, противостоящие раннехристианской ортодоксии и препятствующие выполнению главной задачи христианства – сотериологического единства «во Христе» [1].

Теоретические основы. Апостасийная феноменология, развивающаяся в контексте антропологической и эсхатологической проблематики, отталкивается от первоначальной

иудео-христианской концепции происхождения зла и грехопадения первых людей.

Православная патристика всесторонне раскрывает Ветхозаветное и Новозаветное учение о происхождении зла, греха и свободы (Афанасий Александрийский, Василий Великий, Григорий Назианин, Григорий Нисский и др.) [2]. Исходя из библейских оснований происхождения зла и развивая Новозаветную парадигму, восточно-христианская антропология уже на самых ранних этапах своего развития рассматривает человека как существо духовно поврежденное, подверженное греху, болезням и смерти вследствие своего злого самоутверждения. Раскрытию этой темы посвящены работы таких мыслителей, как В. И. Несмелов [3], В. Н. Лосский [4], митр. Макарий (Оксиюк) [5], прот. В. В. Зеньковский [6].

Конкретно на явление апостасии как эсхатологический феномен духовно-нравственного христианского религиозного сознания, утрату человеческой идентичности и признак глубокого кризиса христианской цивилизации обращали внимание И. Кант [7], А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, А. Макинтайр, А. Швейцер [8], Ж. Бодрийяр, а также католические религиозные философы – М. де Унамуно [9], А. Бадью, Ж. Маритен, И. Ратцингер, Р. Барт и др.

Нравственно-этическая и эсхатологическая сторона характеристик вероотступничества как апостасийности человека и мира становится важной темой в русской религиозной философии конца XIX–XX в. у В. С. Соловьева [10; 11], Н. А. Бердяева [12], Е. Н. Трубецкого [13], Н. О. Лосского [14], С. Л. Франка [15], П. А. Флоренского [16], С. Н. Булгакова [17], Л. П. Карсавина [18] и др. Для русской религиозно-философской мысли (В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, Л. И. Шестов, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский и др.) важен момент не только становления онтологии зла и греха как основы апостасийности, свободный момент начала ее развития, ее сущность, но и конечная (эсхатологическая) ее судьба [19]. В эсхатологическом (личностно-универсальном) контексте были осуществлены важные для современного понимания проблемы и подходы в русской религиозно-философской мысли (Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, В. В. Розанов [20], И. А. Ильин, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, С. Л. Франк, Л. И. Шестов).

Методы исследования. Если анализ духовно-нравственного и церковно-правового содержания понятия апостасии может раскрыть его экзистенцию, наметить сами пути его преодоления, показать его эсхатологические проекции, то культурно-исторический анализ призван показать внешние обстоятельства, конкретный культурно-исторический контекст, в котором существовал данный феномен, и выявить внутренние особенности (этические характеристики), механизмы либо способствующие, либо тормозящие (сдерживающие) его развитие (тип, вид, квалификация, примеры (персоны)). Для этого возможно использовать сравнительно-сопоставительный типологический метод исследования.

Критерии и основания выделения типов апостасийного человека

Каждый из апостасийных типов является эталоном, обладающим наиболее характерными свойствами апостасийности, они ярко показывают суть явления, его основные особенности. Для того чтобы найти ключ к основанию для выделения определенных апостасийных типов, можно постараться ответить на следующие вопросы:

- 1) какой структурный элемент человека оказался особенно уязвимым для возникновения и развития апостасийности (телесный, душевный, духовный);
- 2) от чего отступает апостасийный человек (от Бога, Христа, церкви, внутренних императивных моральных установок, нравственных норм человеческих сообществ, законных и правовых норм, правил человеческого общежития, построенных на взаимоуважении и терпимости). Здесь возникает необходимость построения теории принципов и оснований, на которых возможна типологизация отступничества;
- 3) каков временной принцип развития или торможения апостасии. Например, период обостренных эсхатологических ожиданий, охлаждения веры, гонения, вспышки религиозности или штиль религиозного сознания и т. д.;
- 4) если предположить, что всякое проявление веры и религиозности сознания или их отвержение имеет отношение к пассионарности (термин Л. Н. Гумилева), то возможно

выделить пассионарные и субпассионарные типы апостасийности.

Основные критерии, определяющие наше исследование:

- 1) телесные страсти (например, страсть к деньгам, наживе, половым наслаждениям, алчность, жадность, ревность, наслаждения, связанные со стремлением убивать, недолимым желанием лишать жизни и мучить, карать, мстить, жажда крови, каннибализм);
- 2) душевные переживания, такие как страх, ужас, отчаяние, малодушие;
- 3) природная, врожденная склонность, наследственность;
- 4) сумасшествие и психические болезни (психопатия, паранойя, раздвоение личности, депрессивные и маниакальные состояния и др.);
- 5) жажда запретного, тайного знания (герметизм, оккультизм, теософия), служение злу, восхищение злом (сатанизм, черная магия, колдовство), богохульство, поправление и поругание сакрального;
- 6) еретический поиск (например, гностико-манихейский), жажда религиозно-философского творчества и свободы, альтернативной неортодоксальной религиозности;
- 7) высокомерная по отношению к относительно молодому христианству жажда возвращения к древнейшим дохристианским религиозно-философским системам и традициям (теософия);
- 8) вывихи религиозно-философского сознания и атеизм.

Среди онтологических предпосылок возникновения феномена отступничества (вероотступничества, апостасии) необходимо назвать такие актуальные для данного явления аспекты, как проблема зла, греха и свободы в раннехристианской традиции, церковно-правовая статусная составляющая, духовно-нравственная составляющая и ее эсхатологическая проекция.

Апостасийный человек в культурно-историческом контексте

При рассмотрении явления отступничества в культурно-историческом контексте имеет значение ритм, особенности религиозной жизни, нюансы эллинской и иудейской, восточной и западной религиозности, этнические и национальные характеры, историческая эпоха и ее религиозные традиции, этос, социально-экономическое и географическое положение событий.

Среди доминант, обуславливающих развитие или торможение апостасии, могут выступать религиозно-конфессиональные, этнические, культурные, социально-экономические, географические, природные особенности данной исторической эпохи, ее этос (как совокупность нравственных представлений, моральных ограничений, духовно-нравственных доминант). Отдельно можно отметить угасание или всплеск эсхатологических ожиданий, гонений на христианство, жажду религиозно-философского знания и творчества в рефлексии, характерной для определенной эпохи, ее влияние на развитие или торможение апостасийных тенденций. При этом необходимо учесть те конкретные культурно-исторические условия, в которых сформировался

получил развитие данный тип отступника, и главный доминирующий фактор, повлиявший на данные процессы. Особенно важна характеристика эпохи, свойственные ей идеи, воззрения, теории и др. На основании этого представляется возможным выявить причины, факторы, условия – способы и формы детерминации апостасийности (структурные, функциональные, генетические, религиозные). Перечисленные данные делают варианты апостасийности неидентичными, имеющими уникальные особенности. Наиболее наглядно это можно сделать на ярких, характерных примерах (подтипах, персонах) апостасийных явлений в контексте разнообразного культурно-исторического пространства эпохи становления раннего христианства, в период которой и произошло формирование основных апостасийных типов. В культурном пространстве раннего христианства просматривается два основных типа отступничества – нераскаянный (эталон – Каин, Иуда) и кающийся (эталон – ветхозаветный Израиль, «благоразумный» разбойник, ап. Петр).

Пример эталонного типа нераскаянной апостасийной личности в христианском культурно-историческом контексте

Как эталон нераскаянной апостасийной личности можно привести пример Каина. Каин – метаисторическая личность, но этот персонаж стал нарицательным в культуре всего человечества, прочно вошел в язык и искусство. Он во многом стал предопределяющим культурно-историческую специфику христианской традиции в ее отношении к носителям «злого», богоборческого начала¹.

Согласно ветхозаветному повествованию, после грехопадения первых людей сын Адама Каин является первым примером отступничества. Творец обращается к нему: «отчего поникло лице твое? Если делаешь доброе, то не понимаешь ли лица? А если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним»². Каин не внял этим словам и стал первым нераскаянным братоубийцей и человекоубийцей. У него не было ни внешнего закона, который бы он мог исполнить или нарушить, ни общественной морали, которой он мог бы следовать или не следовать, поэтому его отступничество имело характер внутренний, глубинный, сознательный. Он последовал за древним «метафизическим злом мира», ощутил его присутствие и поклонился ему [20, с. 334].

Это отступничество от природно-бытийного добра и внутренне связанного с ним сверхличного ценностного начала, т. е. Бога и Творца, Его Любви – главный религиозный внутренне-личностный конфликт первых потомков

Адама. Оно глубоко выражено в лживости Каина, в его лицемерной попытке «надеть личину» неповинного в крови брата³ и имеет основание в неверии Каина в то, что Бог есть абсолютное Добро, справедливость, благость и всеведение, т. е. в нелюбви и в недоверии к Нему. Неслучайно у Дж. Байрона Каин обращается к сатане и рассуждает так:

*«Что ж, змий не лгал! Дало же древо знание,
Другое – жизнь дало бы. Жизнь есть благо,
И знание есть благо. Как же может
Быть злом добро?». Ему вторит Люцифер, –
«Мы существа, дерзнувшие сознать свое бессмертье,
Взглянуть в лицо всеильному тирану,
Сказать ему, что зло не есть добро.
Он говорит, что создал нас с тобою –
Я этого не знаю и не верю <... >
Зла не рождает благо,
А он родит одно лишь зло»⁴.*

Сначала у Каина возникает недоверие к Творцу, утрата опоры, ориентиров или цели, разрушение взаимоотношений или восстание, ошибка или заблуждение; затем появляются желания и стремления, не соответствующие постулатам разума и требованиям природы, Божией правде и любви; и наконец, происходит совершение богоотступничества в душе, приготовленное внутренним расположением; внешнее отступничество, безбожие, (беззаконие), несправедливость, нанесение вреда.

Отсюда – бунт Каина против Бога, Создателя, Отца и его вырождение в низшую личность, отрыв от высшей реальности. Он становится чужд всякому наивысшему духовному усовершенствованию и застывает в моменте «тварно-греховного совершенства» (термин Л. П. Карсавина) [18], породив потомство, «строящее города», «живущее в шатрах», «играющее на свирелях и гусях», «кующее орудия из меди и железа»⁵, т. е. двигающее научно-технический прогресс, развивающее искусства, создающее свои формы культуры, первобытного права, социума. Первое призвано сделать комфортным быт, второе должно развлечь в минуты отдохновения от трудов и войн⁶, последнее регламентирует родоплеменные отношения и утверждает право сильного.

Каин стал злодеем (злым, мстительным, безжалостным), который сказал в сердце своем: «Нет Бога», вышел «за пределы всякого нравственного уродства», стал отступником. Но он же и вызывает сочувствие, потому что либо сошел с ума (т. к. знал достоверно, что Бог есть), либо – «отступается от Бога, из отчаяния, будучи не в силах найти Его». Для него Творец – это тиран, и все что связано с Ним – зло, а отступничество связано с надеждой на избавление

¹ Евангелие от Матфея. Гл. 23. Стих: 35; Евангелие от Луки. Гл. 11. Стих: 51; 1-е послание Иоанна. Гл. 3. Стих: 12; Послание Иуды. Гл. 1. Стих: 11; Послание к Евреям. Гл. 11. Стих: 4.

² Ветхий Завет. Бытие. Гл. 4. Стих: 6–7.

³ Там же. Гл. 4. Стих: 9.

⁴ Джордж Гордон Байрон. Каин // Бунин И. А. Собрание сочинений. В 4 т. М.: Правда, 1981. Т. 4. С. 383, 388. (Акт первый. Сцена первая.)

⁵ Ветхий Завет. Бытие. Гл. 4. Стих: 17–22.

⁶ Ветхий Завет. Книга Екклесиаста. Гл. 5. Стих: 17.

и освобождение и поэтому представляется как добро и благо [16, с. 691; 9, с. 46].

Мысль лорда Байрона о бунте Каина против Творца Ш. Бодлер превратил в жажду войны с небесами:

*Род Каина весь страсть и злость
Чужой восторг лишь видеть может!
<... > Род Каина за гнет и труд
Твой враг тебе заплатит щедро!
<... > Род Каина небес достиг
И наземь низвергает Бога!⁷ (пер. с франц. Элиса).*

Это каиново состояние приблизило жизнь первых людей к животному миру, ограниченному и временному, и отдалило от подлинного мира Божественного, идеального и вневременного. Звероподобный закон силы и выживания, отбора и селекции, который конечен и чужд познания абсолютного высшего добра и блага (ценностей высшего духовного порядка), ставший основой жизни каинитов, поспособствовал дальнейшему развитию явления отступничества. Постепенно личностная внутренняя апостасия Каина стала внешней, и из духовно-нравственной коллизии жизни одного человека превратилась в духовно-нравственную коллизию всего древнего социума. «Сказание Ягвиста об Адаме, Каине, Потопе и Башне указывает на радикальное неблаготворение в человеческом мире. Хотя автор и не говорит о связи между грехом Адама и состоянием последующих поколений, однако, он рисует картину, в которой ясно ощущается *нарастание зла*» [21, с. 531]. Но от этого Каин и его потомки не стали немощными, слабыми, нежизнеспособными. Такой человек-изгой должен был бы погибнуть, исчезнуть на задворках истории, но этого не произошло.

Здесь начинается просматриваться эсхатологический аспект отступничества – момент нарастания силы, развития, эволюции зла и греха. Оно первоначально не уничтожается, а лишь проклинается, изгоняется. Оно становится скитальцем, но ненадолго, т. к. активно создает свой мир на земле, строит города, кует железо, рождает детей, развивает свою культуру. У него появляется новое основание на крови, перспектива, некое будущее с новыми возможностями. Оно приобретает оттенок могущества, внушает страх. Его ценности неразрывно связываются с преступностью, пороком, жестокостью, войной, мстостью, правом сильного и богатого.

Глубокое воплощение персоны Каина случилось в гностицизме. А. Ф. Лосев пишет об этом следующее: «София оказывается не просто временно согрешающей, но вечным покровителем человеческого грехопадения. В этом смысле удивительны те материалы, которые мы имеем о секте каинитов. Как было сказано выше (с. 338), первым учеником и апостолом Софии явился Каин, убийца Авеля, а затем и тот Иуда, который был предателем Христа. Здесь крайняя ступень отпадения Софии от своей божественной сущности, которая не только не является принципом зла, но и вообще выше всякого добра и зла» [22, с. 383].

В Каинов апостасийный тип входят, как правило, натуры-лидеры, харизматики, часто поставляющие себя превыше всякого добра и зла: а) кровавые тираны-правители и узурпаторы; б) революционеры, террористы, неонацисты; в) разбойники, бандиты и уголовные преступники; г) сознательные, убежденные самоубийцы.

Но нельзя забывать, что в различных формах отступничества при желании можно увидеть «что-то хорошее», «предполагающее сочувствие». В прелюбодеянии можно рассмотреть нежность и самоотверженность; в убийстве – храбрость; в профанациях и кощунстве – некое сатанинское дерзновение. Отступничество часто кричит о гибели за любовь, верность, дружбу. Постараемся посочувствовать этим людям и понять их. У каждого из них была своя личная обида, драма, история, правда. Правда несовершенства и несправедливости мира, неравенства людей и т. п. [12, с. 196–199].

Каин и каиниты положили начало целому направлению в апостасии и явили некий прогрессирующий тип человека-отступника. Это, как правило, внутренне и внешне убежденные нераскаянные отступники, готовые идти до конца и нести ответственность за все совершенное ими. Для него характерно:

- 1) убежденное богоборчество, богоотступничество, антихристианство и антиклерикализм, заигрывание с демонизмом, атеизм;
- 2) нераскаянность;
- 3) воля и способность к лидерству, доминированию, власти любым путем;
- 4) агрессия, воинственность, мстительность, беспощадность, безжалостность, жестокость, цинизм, преступность (склонность к насилию, пролитию крови, самоубийству и убежденность в их необходимости, пользе, неизбежности во имя выполнения жизненно важных целей и задач);
- 5) вера в свою звезду, идею, судьбоносность, исключительность, историческое мессианство.

Из притягательных свойств каинитов можно выделить: трудолюбие, коллективизм, умение дружить, верность, способность руководить, предприимчивость, ремесленные творческие способности, мужество, способности к борьбе и самопожертвованию, преодолению страха смерти и страдания, харизматичность и личное обаяние. В этих качествах заложен потенциал для эволюции каинового типа, которой присущ эсхатологический контекст. В нем, возможно, раскроются утонченные формы антихристовой апостасийности будущего (апостасийность тогда становится антихристианством, когда восстает на Христа, Его рождение, крест, воскресение, Его добро, правду, истину). Необходимо даже сказать, что важно для нашего исследования – обозначить и раскрыть этот контекст, т. к. апостасия – это не застывшее явление культурно-исторического прошлого человечества, а динамически развивающийся феномен настоящего и будущего. Он интересен для нас не как археологическое

⁷ Бодлер Ш. Цветы зла: Стихотворения. СПб.: Азбука, 2011. С. 395.

ископаемое, а как вопиющая действующая реальность. Эсхатологический путь каинитов в рамках христианской традиционности – это путь к антихристу, путь эволюции зла, к высшей точке его могущества, научно-технического совершенства и низшей точки его культурного и духовно-нравственного падения. Каиниты рождаются или становятся злыми, преступными, нечестивыми и совершенствуют свои качества из поколения в поколение. С точки зрения христианской историко-культурной традиции, эти преступники, убийцы, террористы парадоксально двигают мир к концу, к логическому завершению, а значит и к конечному торжеству добра, божественной справедливости и любви.

Каиновой апостасийности, постепенно научившейся казаться «чем-то хорошим», почти всегда не хватает этого добра, справедливости и любви. Ей глубоко свойственно «нечто позорное и низкое», кровавое, нечестивое, преступное, нечистое, скверное. Ей присущ некий внутренний изъян, несовершенство, грязь, resentment, который построен на ненависти к другим людям, направлен только на чисто земные, материальные цели, оторван от духовной традиции. Каинов тип личности нашел свое разноплановое отражение в мировой культуре.

Литературные примеры апостасийного человека-каинита

Очень напоминает Каина, желающего исправить свой нрав, герой неоконченного романа Ч. Дикенса «Тайна Эвина Друда» Невил Ландлес. Ему свойственны от природы «демоническая ярость», «нечеловеческая сила в минуту гнева», «жажда уничтожить противника». Он чувствует, что чем-то хуже других людей, что он по природе злой человек и это очень трудно изменить. Это же чувствуют и сталкивающиеся с ним люди. Доброму сэру Криспарклу, взявшемуся за духовное руководство Невилла, горько видеть в нем черты «недоброго характера», «угрюмого, мрачного и бурного как эта надвигающаяся ночь». Он подозревает их врожденность, наследственность и мучительно размышляет над этим феноменом (гл. X).

Роман Джона Стейнбека «К востоку от Эдема» сначала включал библейскую аллюзию и непосредственно назывался «Знак Каина». Дж. Стейнбек транскрибировал историю Каина и Авеля непосредственно в текст. В результате роман обзавелся своим окончательным названием – «К востоку от рая». Основными темами романа стали безнравственность, милосердие, любовь, борьба за признание, величие, способность к саморазрушению. Особое внимание автор уделил вине и свободе. В процессе замысла и написания Дж. Стейнбека вдохновляла четвертая глава Книги Бытия – стихи с первого по шестнадцатый (история Каина и Авеля). Кроме того, он ссылался на Каина и Авеля посредством имен своих персонажей.

Карл Траск, ставший главным героем в одноименной экранизации романа (актер Дж. Дин), приходит к выводу, что он злой выродок от рождения и ничего с этим не поделает. Он страдает и мучается сознанием этого и пытается вырваться из своей природы.

Мораль истории о Каине и Авеле в романе рассмотрена под различными углами зрения. Например, еврейское слово *timshel* (ты можешь) становится в романе важным символом, это означает, что человечество имеет право выбора.

Черты Каиновых отмен явно просматриваются у Тома Джордаха из романа И. Шоу «Богач, бедняк». Несмотря на все данные «злой» природы, в нем остаются духовное начало и поиск добра. Он также ищет иной путь покаяния и исправления, ведущий к искуплению вины и греха. Это выражается в глубоком раскаянии и чувстве вины за гибель «негодяя» Фальконетти, в посещении матери, прощении по отношению к Гретхен, попытках понять брата возобновить общение не из-за его денег и влиятельных связей и, наконец, в самопожертвовании ради жены брата Рудольфа Джин.

У каиновой апостасийности просматриваются два эсхатологических пути:

- 1) путь убежденных нераскаянных иуд, самоубийц, преступников, инквизиторов, колдунов, еретиков, сектантов, атеистов, террористов;
- 2) путь раскаявшихся предателей, преступников, инквизиторов, колдунов, еретиков и т. д.

Иуда Искариот положил начало отступничеству ложного покаяния и самонаказания, став «отцом» всех лжеговорящих и лжедрузей, предателей и отчаявшихся самоубийц, не веривших в возможность прощения у Бога и людей.

Для типа отступника-иуды необходимо отметить:

- его отступничество есть продуманный, свободный, личностный выстраданный (глубоко эмоционально переживаемый) выбор;
- в основе него лежит отсутствие или утрата веры в божественное и человеческое добро, решимость заплатить за это самую высокую цену;
- личностное зло, сопутствующее данному убеждению (воровство, лицемерие, ложь, предательство), есть лишь следствие этого выбора и потому вторично, но, возможно, именно оно становится «благодатной» почвой для «вселения сатаны»;
- оно долго таится, созревает, открывается, обнаруживается на пике вселенской или человеческой драмы и неизбежно гибнет;
- это зло бывает не бессовестно, но ему не сопутствует вера в любовь и возможность прощения у тех, кто не является с его точки зрения истинным носителем добра и справедливости, и потому склонно к отчаянному самонаказанию, гибели или самоубийству.

Следуя иудео-христианским культурно-историческим концептам и сигнификатам, посткаинитское развитие явления апостасии можно проиллюстрировать на примере ветхозаветного израильского народа. Он явил собой некий специфический тип отступничества. Но явив миру крайние точки падения, великие полярные состояния человеческого духа, крайнего нечестия и глубочайшего раскаяния, отступничество древних евреев дало мощный толчок к развитию духовности всего человечества. Оно привело к активизации деятельности пророков, поспособствовавшей проявлению всего самого лучшего и возвышенного в жизни

ветхозаветных израильтян. Их миссия, проникнутая мессианским эсхатологическим духом, приобретает метафизическую глубину и стерилитическую основательность. В ней проявляется четко обозначенная ответственность людей (в лице народа Израиля) не только за себя, но и за будущие судьбы мира. В данных эсхатологических перспективах необычайный смысл приобретает духовно-нравственный аспект личного покаяния (как перемены) человека или народа, способного переменить их культурно-историческую судьбу.

Кающийся тип апостасийной личности

В этом сложном духовно-историческом контексте начинает просматриваться отличный от каинитов тип человека-отступника: внешние сознательные отступники, часто идущие до конца, но, как правило, в глубине своей души страдающие, сомневающиеся, неустойчивые в своих поступках, тяготеющие к признанию Высшей справедливости и склонные либо к искреннему раскаянию, либо к самоубийственной жертвенности. Среди них встречаются: 1) религиозные деятели, идеологи и реформаторы; 2) злодеи и преступники, «благородные» и неблагородные разбойники и т. п.; 3) темные романтики, «лишние люди», мечтатели, искатели приключений, жадные исследователи темных сторон жизни или «глубин сатанинских» (Мельмоты, Онегины и Печорины, герои литературы романтизма); 4) бунтари – революционеры с шатающейся религиозностью, способные на поступок раскаяния и перемену ума (Л. Тихомиров, Калев, герои Ф. М. Достоевского – Шатов, Раскольников, Митя Карамазов и др.); 5) отступники-гедонисты, готовые на все ради власти, богатства, славы и всевозможных наслаждений (Дон-Жуаны).

В раннехристианской историко-культурной традиции кающийся тип имеет прочное обоснование и развитие в теме «Благоразумного разбойника». Это великое раскаяние положило начало целой плеяде раскаявшихся разбойников историко-культурной христианской традиции (Моисей Мурин, Опта и др.). Оно выводит нас на другой яркий пример подлинного покаянного отступничества, пример апостола Петра.

Ап. Петр часто упоминается в синоптических евангелиях в неоднозначных ситуациях. Ап. Петр проявил себя в истории как личность с живой совестью, способная на безжалостную самооценку, самокритику. Исследователи евангелий считают, что ап. Марк во многом с его слов записал свое евангелие, в котором не скрыл недостатков личности Петра. Не умаляются его недостатки и в книге Деяний и у ап. Павла.

Личность апостола Петра уникальна и эволюционна. Она растет и духовно раскрывается через кажущиеся негативные проявления его характера⁸. Он отговаривает Христа от крестного пути и получает грозное «отойди от меня сатана», дерзновенно испрашивает излишнее и преждевременное позволение «идти по водам» и тонет, предлагает

создать бесполезные земные кущи для духовных небожителей Моисея и Илии, прекословит во время «умывания ног», засыпает в Гефсиманском саду и, наконец, самонадеянно обещает ни при каких обстоятельствах не покидать Христа и предает Его. Он часто склоняется не к тому, что Божие, но к тому, что человеческое. Это продолжается и после воскресения, когда он не может не лицемерить, соблюдая «закон Моисеев» с обрезанными и не соблюдая его с необрезанными. И даже апостол Павел говорит, что в его посланиях есть нечто неудобовразумительное и спорит с ним. Глубоко показан образ ап. Петра в романе Г. Сенкевича «Камо грядеши». Там описана еще одна его ошибка – решение покинуть Рим во время гонений Нерона. Но во всех этих обстоятельствах Петр духовно возрастает, меняется, переоценивает себя и мир, постепенно становясь тем, кого мы почитаем как первоверховного апостола.

К подобному типу отступничества можно отнести многих христиан первых веков, устранившихся гонений, но впоследствии раскаявшихся в этом. Не выдержавшие гонений христиане I–III вв. часто становились лишь внешними отступниками по малодушию или поневоле и из страха мучений и смерти. Они внутренне оставались верными Христу и Его Церкви, жалея о своем отступничестве и желали с покаянием возвратиться в церковное общество.

Кающемуся типу отступничества свойственны:

- временное малодушие, страх;
- внешнее, а не внутреннее предательство;
- глубокая внутренняя религиозность, вера в возможность прощения у Бога и людей, решимость не повторять содеянного зла;
- искреннее раскаяние в содеянном и желание исправиться.

Кающийся тип глубоко и положительно эсхатологичен. Он выражает веру в возможность спасения для любого человека, каким бы он ни родился или ни стал в своей жизни. Это тип, допускающий сотериологическое (от греч. *σωτηρια* спасение) изменение и преображение мира и человека в лучшее. Его эсхатологический путь творчески этичен. Это «паулианский» путь к Новому Завету и апостасии.

Феномен отступничества в культурно-историческом контексте раннего христианства

В культурно-историческом контексте раннего христианства с идейно-религиозной точки зрения выделяются две основные группы отступников.

Первая – ревнители древней мудрости (гностики-еретическая или еретико-сектантская). Она характеризуется тремя фундаментальными составляющими – иудео-христианское основание, эллинистическое и позднеэллинистическое основание, восточное культово-религиозное основание. Однако все системы ересей разочаровывают своей незавершенностью и раздробленностью (М. Э. Поснов, М. К. Трофимова, А. Ф. Лосев). Они не только исказили

⁸ Ш. Бодлер отказывает ап. Петру в искренности раскаяния и прославляет правоту его отречения – «О Петр, клянись, ты прав в безумье отречений!» (пер. Эллиса); по др. пер. – «От Иисуса Петр отрекся... Он был прав» (Цветы зла. Мятаж. CXVIII. Отречение св. Петра).

и принизили христианскую тринитарную проблему, измыслив ее раздробленно и в материальном смысле ограниченно (Симон Волхв, Василид, система офитов), но главное, что это мирозерцание оказалось бессильным выразить и осмыслить божество как абсолютную, единую и высокосовершенную личность. Еретическое отступничество часто имело поражающие воображение, трудноуловимые и утонченные формы, выраженные религиозными кружками и сообществами, не только двусмысленно исповедовавшими предполагаемую истину древних религиозно-философских традиций, но искажавшими самые их основы. Это искажение претендует на истину, подлинное знание, откровение и мистическое озарение, превышающее по значимости откровение всех существующих религиозно-философских традиций (лишь фрагментарно отразивших высшее знание), и поэтому может характеризоваться как тяготеющее к теософско-окультистному миропониманию всего сущего.

Вторая – ревнители древнего благочестия (монтанистско-новацианская или раскольническая) – отличается поиском утраченного благочестия и харизмы раннего христианства. Она выражается ригористической религиозностью, фанатизмом и нетерпимостью, нередко доходящими до самоистязательства и стремления к физической расправе с несогласными. Апостасийное саддукейство и инквизиторство, избравшее данный путь и отрекшееся от «бытийного» добра ради добра «высшего», открывает тему «жреческой» апостасии во всем ее многообразии.

Заключение

Мы исследовали историко-культурные типы апостасийной личности на примере ее эталонных типов. На основании этого можно условно выделить основные группы отступников – каины («ироды окаянные», «святополки окаянные»), иуды («христопродавцы», «иудушки»), жрецы (саддукеи,

инквизиторы), еретико-сектанты (лжепророки, лжемессии, лжехристы, антихристы), фаусты (окультисты, ведьмы и колдуны). Они появились уже в раннехристианскую эпоху и различаются по двум основным психологическим характеристикам – нераскаянные и кающиеся. Их отрицательные эталоны – Каин, Иуда Искариот, положительные – ап. Петр, «благоразумный» разбойник и др.

В своем общем онтологическом значении Каин и каиниты – апостасийный фундамент христианской культурно-исторической традиции, выросший из проблемы возникновения зла, греха и свободы, на котором произрастают последующие типы отступников. Вместе с тем у каинова типа с точки зрения христианской духовной и культурной традиции есть шанс на изменение судьбы. Он потенциально может стать иным типом, получить положительно-анастасийное и творчески-этическое эсхатологическое содержание.

Апостасия – не абсолютное зло. Ее носителем является человек, а не дьявол. Она вырастает из феномена метафизического зла, но не есть само сущностное зло. В ней есть позитивные и негативные грани. Есть общие и частные особенности – то, что развивается, и то, что отрицает и преобразуется. Апостасийные типы – все эсхатологичны, устремлены в некое будущее. Это движение к гибели или к спасению, к бесконечности или конечности, к героизму или ничтожеству, славе или позору.

Все апостасийные типы – это человеческие типы, а значит они не только зло или носители зла, но они и божественны, и духовны в ту меру, в которую сам человек всегда остается связанным с личностным, божественным и духовным началом творческим. Это можно увидеть на примере кающегося типа (Ветхозаветный Израиль, ап. Петр, «благоразумный» разбойник), типе Иуды Искариота, жречески-инквизиторского типа и, конечно, еретического типа отступников. Возможно, это темы отдельных исследований.

Литература

1. Писания мужей апостольских / предисл. Р. Светлова. СПб.: Амфора, 2007. 474 с.
2. Нисский Г., свт. Трактат об устройении человека // О человеке. Сборник трактатов. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2011. С. 23–142.
3. Несмелов В. И. Догматическая система святого Григория Нисского. СПб.: Центр изучения, охраны и реставрации наследия священника Павла Флоренского, 2000. 635 с.
4. Лосский В. Н. Боговидение. М.: АСТ, 2006. 759 с.
5. Макарий (Оксиюк), митр. Эсхатология святого Григория Нисского. Киев, 2006. 666 с.
6. Зеньковский В. В. Основы христианской антропологии. (Проблема зла в человеке) // Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. Paris: YMCA Press, 1934. С. 106–135.
7. Кант И. Конец всего сущего // Кант И. Собрание сочинений. М.: ЧОРО, 1994. Т. 8. С. 205–219.
8. Швейцер А. Мистика апостола Павла // Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1992. С. 241–487.
9. Унамуно М. де. О трагическом чувстве жизни у людей и народов; Агония христианства. М.: Мартис; [Киев]: Символ, 1997. 414 с.
10. Соловьев В. С. Оправдание добра. М.: Институт русской цивилизации; Алгоритм, 2012. 656 с.
11. Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе и с приложениями // Соловьев В. С. Сочинения. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 635–762.
12. Бердяев Н. А. О назначении человека. М.: АСТ; Астрель, 2010. 478 с.
13. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994. 432 с.
14. Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994. 432 с.
15. Франк С. Л. Реальность и человек: Метафизика человеческого бытия. М.: АСТ; Хранитель, 2007. 383 с.

16. Флоренский П., свящ. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М.: Гаудеамус; Академический Проект, 2012. 905 с.
17. Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. 672 с.
18. Карсавин Л. П. Философия истории. М.: АСТ; Хранитель, 2007. 511 с.
19. Шестов Л. Добро в учении графа Толстого и Ницше // Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. М.: АСТ, 2000. С. 207–308.
20. Розанов В. В. Опавшие листья. М.: АСТ; Астрель, 2011. 383 с.
21. Светлов Э. (Мень А. В., прот.) В поисках Пути, Истины и Жизни. Т. 2. Магизм и единобожие. Брюссель: Жизнь с Богом, 1971. 669 с.
22. Лосев А. Ф. Гностицизм // Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 8. Итоги тысячелетнего развития. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. 306–386.

original article

Typology of Apostasy in the Christian Historical and Cultural Context

Vsevolod V. Akhmatov^{a, @}^aNational Research Tomsk Polytechnic University, Russia, Tomsk

@maryatirsa@yandex.ru

Received 10.04.2020. Accepted 17.05.2020.

Abstract: The paper features apostasy as a cultural-historical, ecclesiastic law, eschatological, spiritual, and moral phenomenon. The author focuses on the eschatological, spiritual, and moral aspects of the issue in the context of religious and philosophical discourse to perform a comparative and typological analysis of the causes of social conflicts and violence. The article introduces a typology of apostasy in the early Christian cultural and historical context based on the concept of Christian anthropology. The research also revealed a number of reasons behind the phenomenon of apostasy as a classification of its forms and directions. The author made an attempt to find a basis for apostasy classification, its essential directions, and reference types, as well as to identify the main criteria for the present study and its ontological premises. The author believes that the phenomenon of apostasy should be studied in the cultural and historical context. The research objective was to show the relevance of spiritual and moral issues in the modern philosophical discourse, thus preventing interreligious and social conflicts, violence, extremism, and terrorism.

Keywords: apostasy, Cain, good, evil, spirituality, sin, freedom, the Fall of Man, early Christian cultural and historical tradition, eschatology

For citation: Akhmatov V. V. Typology of Apostasy in the Christian Historical and Cultural Context. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(2): 137–145. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-2-137-145>

References

1. *Scriptures of the apostolic men*, foreword by Svetlov R. St. Petersburg: Amfora, 2007, 474. (In Russ.)
2. Nyssenus G., Saint. A treatise on the dispensation of man. *About man. Collection of treatises*. St. Petersburg: Azbuka; Azbuka-Attikus, 2011, 23–142. (In Russ.)
3. Nesmelov V. I. *Dogmatic system of St. Gregory of Nyssa*. St. Petersburg: Tsentr izucheniia, okhrany i restavratsii nasledii sviashchennika Pavla Florenskogo, 2000, 635. (In Russ.)
4. Lossky V. N. *The vision of God*. Moscow: AST, 2006, 759. (In Russ.)
5. Macarius (Oksiyuk), metropolitan. *Eschatology of St. Gregory of Nyssa*. Kiev, 2006, 666. (In Russ.)
6. Zenkovskiy V. V. *Problems of education in the light of Christian anthropology*. Paris: YMCA Press, 1934, 106–135. (In Russ.)
7. Kant I. The end of all things. *Collected works*. Moscow: ChORO, 1994, vol. 8, 205–219. (In Russ.)
8. Schweitzer A. The mysticism of Paul the Apostle. *Reverence for life*. Moscow: Progress, 1992, 241–487. (In Russ.)
9. Unamuno M. de. *The Tragic Sense of Life in Men and Nations; The Agony of Christianity*. Moscow: Martis; [Kiev]: Simvol, 1997, 414. (In Russ.)
10. Soloviev V. S. *The Justification of the good*. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii; Algoritm, 2012, 656. (In Russ.)
11. Soloviev V. S. *War, Progress, and the End of History: Three Conversations: Including a Short Tale of the Antichrist*. Works. Moscow: Mysl, 1990, vol. 2, 635–762. (In Russ.)
12. Berdiaev N. A. *On the appointment of a person*. Moscow: AST; Astrel, 2010, 478. (In Russ.)

13. Trubetskoy E. N. *The meaning of life*. Moscow: Respublika, 1994, 432. (In Russ.)
14. Lossky N. O. *God and world evil*. Moscow: Respublika, 1994, 432. (In Russ.)
15. Frank S. L. *Reality and man: Metaphysics of human being*. Moscow: AST; Khranitel, 2007, 383. (In Russ.)
16. Florenskii P., Priest. *The Pillar and Ground of the Truth: An Essay in Orthodox Theodicy in Twelve letters*. Moscow: Gaudeamus; Akademicheskii Proekt, 2012, 905. (In Russ.)
17. Bulgakov S. N. *Non-Evening Light: Contemplation and speculation*. Moscow: AST; Kharkov: Folio, 2001, 672. (In Russ.)
18. Karsavin L. P. *Philosophy of history*. Moscow: AST; Khranitel, 2007, 511. (In Russ.)
19. Shestov L. *Good in the teachings of Count Tolstoy and Nietzsche. Apotheosis of baselessness*. Moscow: AST, 2000, 207–308. (In Russ.)
20. Rozanov V. V. *Fallen leaves*. Moscow: AST; Astrel, 2011, 383. (In Russ.)
21. Svetlov E. (Men A. V., Archpriest) *In Search of the Way, Truth, and Life. Vol. 2. Magicism and monotheism*. Brussels: Zhizn s Bogom, 1971, 669. (In Russ.)
22. Losev A. F. *Gnosticism. History of ancient aesthetics. Vol. 8. The results of the millennium development*. Kharkov: Folio; Moscow: AST, 2000, 306–386. (In Russ.)

Цифровой суверенитет в условиях глобализации: философский и правовой аспекты

Евгений О. Гаврилов^{a, @, ID}

^a Кемеровский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Россия, г. Кемерово

@ gavrulich@yandex.ru

^{ID} <https://publons.com/researcher/1893079/evgeny-gavrilov/>

Поступила в редакцию 26.04.2020. Принята к печати 17.05.2020.

Аннотация: Статья посвящена проблеме закрепления и осмысления цифрового суверенитета государства и личности. Исследование направлено на решение задачи по установлению корреляции между идеей цифрового суверенитета и глобальными социально-политическими изменениями. Раскрыто влияние современных тенденций общественного развития, выражающихся в ускорении процессов информатизации и глобализации общества, на формирование доктрины цифрового суверенитета и его правового оформления. Показано, что идея цифрового суверенитета является реакцией на трансформацию социального порядка в мире и состоит в выработке доктринальных положений и правовых норм, закрепляющих возможность самостоятельно и по своему усмотрению определять процесс образования, хранения и распоряжения цифровыми данными, а равно обеспечивать их неприкосновенность. Получает обоснование положение, согласно которому правовое оформление цифрового суверенитета может свидетельствовать либо о защите государственности и личности, либо, напротив, об их поглощении структурами глобального порядка, что в перспективе означает фактическую утрату категориями *суверенитет*, *государственность*, *личность* своего актуального смысла и реального содержания. Сделан вывод, что возможным направлением развития теории и практики суверенитета будет концептуализация феномена нейросуверенитета и формирование программ его осуществления.

Ключевые слова: информатизация, цифровизация, государство, искусственный интеллект, электронная платформа, нейронет, личность, нейросуверенитет

Для цитирования: Гаврилов Е. О. Цифровой суверенитет в условиях глобализации: философский и правовой аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 2. С. 146–152. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-2-146-152>

Введение

В наши дни привычные понятия, используемые для обозначения различных сфер общественной жизни, претерпевают существенную трансформацию. Меняется диапазон их значений: он сужается или, напротив, расширяется, а иногда смысл меняется на противоположный. В частности, такой процесс наблюдается в политико-правовой сфере, где соответствующими понятиями обозначаются политические структуры и правовые нормы. Одной из базовых категорий здесь следует признать идею суверенитета, предложенную в качестве основания политико-правового порядка Ж. Боденом в 1576 г. В настоящее время специалисты выделяют широкое разнообразие видов суверенитета, каждый из которых претендует на официальное закрепление. Проблема состоит в том, что они трактуются неоднозначно, выступая то в качестве стратегий развития, то в качестве уже воплощенных социальных форм, и требуют более четкого концептуального и юридического выражения. Это касается и информационного, или цифрового, суверенитета. Включение этого понятия в научный оборот свидетельствует не только о развитии теории суверенитета, но и, что гораздо важнее, о реальной трансформации

общественного строя. В философско-правовом аспекте это означает формирование новых смысловых и регуляторных императивов, которые могут послужить векторами социального развития. Задача нашего исследования состоит в том, чтобы раскрыть корреляцию идеи цифрового суверенитета с глобальными социальными политическими изменениями.

Теоретические основы

Идея суверенитета является одной из центральных идей современного мироустройства, прежде всего в области государственности. Получив теоретическое обоснование (Ж. Боден, Г. Гроций, Т. Гоббс), а затем первоначальное юридическое закрепление в документах Великой французской революции¹ [1], она стала одним из краеугольных понятий конституционного и международного права. Со временем она утвердилась в качестве признака государства, объединяя в себе требования независимости государства на международной арене и верховенства на своей территории. В доктринальном аспекте, начиная с работ Ж. Бодена, за суверенитетом закрепились качества абсолютности, неделимости, непрерывности и ряд других черт [2, с. 6; 3; 4].

¹ Например, Декларация прав человека и гражданина от 26.08.1789, Конституция (1791) и др.

Исторически государственный суверенитет стал выражением потребности в создании национальных централизованных государственных образований. Соответственно, возникновение и эволюция идеи суверенитета связаны с трансформацией общества и государства. Развитие идеи суверенитета идет путем ее распространения на различные сферы общественной и даже индивидуальной жизни. Это свидетельствует о существенных переменах в устоявшемся общественном порядке, об изменении прежних структур, составляющих этот порядок. Одним из маркеров современных общественных сдвигов стало понятие информационного или цифрового суверенитета. Что же нового к трактовке понятия суверенитета оно добавляет?

Очевидно, что информационный суверенитет связан с процессами информатизации общества. Их следствием становится реакция законодателя, идущего по пути активного развития правовой регламентации сферы информационных отношений. Это дает основание говорить о включении в содержание суверенитета государства такого компонента, как информационный суверенитет [5], что уже находит дословное выражение в законодательстве и официальных актах некоторых государств². Помимо информационного суверенитета государства выделяется и информационный суверенитет личности, понимаемый по аналогии с суверенитетом личности [6] как обозначение определенной степени независимости человека от государства и от других людей в сфере информационных отношений [7; 8, с. 6, 67–85]. Однако, по мнению Л. Ю. Черняк, понятие информационного суверенитета некорректно как применительно к личности, так и применительно к государству, поскольку трактуется не на основе собственного значения, а через смежные понятия информационного контроля, информационной безопасности, неприкосновенности частной жизни и т. п. [7, с. 122; 9].

Эта точка зрения отчасти совпадает с мнением авторов, считающих, что суверенитет как публично-правовая категория может быть признаком только государства как особого субъекта политико-правовых отношений [10; 11]. Действительно, конституционное закрепление чаще всего имеет именно государственный суверенитет. Все остальные разновидности (народный, национальный, экономический, личностный и др.) обычно выделяются только доктринально. Тем не менее, несмотря на малую распространенность правового закрепления других видов суверенитета, каждый из них конкретизирует содержание государственного суверенитета, а главное, нередко апеллирует к нему в качестве удостоверяющей инстанции и тем самым содействует укреплению государственности. Если говорить о правовом закреплении всех видов суверенитета, то его наличие аргументируется

обращением к нормам, закрепляющим правовое положение обладателя суверенитета, неотъемлемость его прав и свобод, правовую защиту и гарантии. Такого рода норм в сфере информационных отношений становится все больше, что ставит еще одну проблему определения информационного суверенитета, состоящую в том, что понятие информации даже в законодательстве трактуется чрезвычайно широко³. Оно позволяет включить в себя не только документы или виртуальные информационные ресурсы, но и результаты интеллектуальной деятельности, генетический код, материальное и нематериальное культурное наследие и т. д. [12–14]. Международные структуры (ЮНЕСКО) [15, с. 20] и некоторые секты (например, эниология)⁴ [16] только добавляют неопределенность, внося в определение информации субстанционалистские оккультно-мистические коннотации.

В философском значении под информацией может быть представлено все, что может иметь вид идеи, текста, символа, сообщения или данных. В нашем исследовании ограничимся такой трактовкой информации, которая прямо или косвенно связана с процессами информатизации. В них информация получает электронный виртуальный вид и в этом качестве оказывается предметом правового регулирования и объектом правоотношений. Исходя из этого, более уместной формулировкой представляется *цифровой суверенитет*, что подчеркивает его связь со сферой функционирования информационных технологий. В рамках доктрины и официальных документов буквальное использование этой конструкции уже встречается [17]. Но говорить о закреплении цифрового суверенитета в праве можно с определенной долей условности.

В России к законам, закрепляющим цифровой суверенитет государства, условно можно отнести нормативные акты, устанавливающие его возможность самостоятельно осуществлять политику в сфере функционирования информационных технологий и генерируемого цифрового контента, включая военные действия (разведка, кибератака, шифрование, информационная война). Таковым является закон «О национальной платежной системе», которым вводится российская платежная система для безналичных расчетов, неподконтрольная зарубежным компаниям⁵. Сюда же относится вызвавший широкий резонанс пакет поправок, носящий условное название *закон «об устойчивом Рунете»*⁶. Зарубежное законодательство, направленное на усиление государственного контроля над цифровыми ресурсами и цифровой средой, развито в Китае, Иране, Индии, Кубе и др.⁷

Что касается правового закрепления цифрового суверенитета личности, то к нему можно условно отнести

² О национальной программе информатизации. Закон Украины от 04.02.1998 № 74/98-ВР // Ведомости Верховной Рады Украины. 1998. № 27–28. Ст. 181.

³ Об информации, информационных технологиях и о защите информации. ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Российская газета. 29.07.2006. № 0 (4131).

⁴ Правда о секте «Эниология» // Антиэниологический портал. Режим доступа: <http://www.anti-eniologiya.cf/index.php> (дата обращения: 20.03.2020).

⁵ О национальной платежной системе. ФЗ от 27.06.2011 № 161-ФЗ // Российская газета. 30.06.2011. № 139.

⁶ О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». ФЗ от 01.05.2019 № 90-ФЗ // Российская газета. 07.05.2019. № 97.

⁷ Bischoff P. Internet censorship 2020: a global map of Internet restrictions // Comparitech. 15.01.2020. Режим доступа: <https://www.comparitech.com/blog/wp-privacy/internet-censorship-map/> (дата обращения: 20.03.2020).

законодательство, обеспечивающее возможность независимой и автономной деятельности человека в цифровом пространстве, а также его защиту в данной сфере. Одним из последних нововведений в этой сфере является закрепление в ст. 141.1 ГК РФ цифровых прав⁸. Равным образом могут быть истолкованы установленное законом «право на забвение» в Интернете⁹, закон «О персональных данных»¹⁰ и ряд других прав, нацеленных на защиту или неприкосновенность активности физических лиц в виртуальном пространстве. В зарубежных странах правовым закреплением цифрового суверенитета можно считать правовое применение таких категорий, как *privacy* (частная жизнь), *identity* (индивидуальность), *informationelle Selbstbestimmung* (информационное самоопределение) и др. [8, с. 76–85; 18, с. 48]. Не выражая категорию *цифровой суверенитет* прямо, правовые акты зарубежных стран распространяют уже закрепленные категории, обеспечивающие суверенитет личности, на область информационных отношений, включая цифровую среду.

Несмотря на разницу в масштабах, цифровому суверенитету государства и цифровому суверенитету личности присущи общие признаки: возможность по своему усмотрению определять процесс образования, хранения и распоряжения цифровыми данными, а равно и обеспечивать их сохранность и защиту [17; 19–21]. Что означает появление цифрового суверенитета в доктрине и предложение закрепить его в правовой системе? Как правило, правовая регламентация отношений означает одновременно их *значимость* и в меньшей степени *уязвимость*. Отношение, будучи регламентировано правом, приобретает официальный характер и получает дополнительное удостоверение государством, подкрепляется его властными полномочиями. Для чего это нужно? Именно для того, чтобы закрепить определенную модель правоотношений, определенное положение субъектов и объекта правоотношений в том виде, в котором законодатель считает необходимым. А это означает воздействие на формирование всего социального уклада, лежащего в основе социального порядка и политической иерархии. Основой такого уклада практически на любом этапе человеческой истории является возможность официального обладания регулируемым предметом. Особенно значима эта закрепляемая правом возможность в отношении объектов, на которые не распространяется сила традиции или религии, т. е. для сравнительно новых явлений.

Современные тенденции

Говоря о возможности правового закрепления цифрового суверенитета, нельзя обойти вниманием два аспекта: во-первых,

значимость цифровизации в современном обществе и, во-вторых, угрозы, связанные с ее распространением. О значимости информатизации и цифровизации говорит тот факт, что информационные технологии встраиваются во все сферы человеческой жизни, стремительно и неузнаваемо меняя их не только внешне, но и содержательно. Самой заметной является, конечно, опосредованность взаимодействия людей, проявляющаяся в обязательном участии автоматизированных электронно-вычислительных машинных и программных инструментов [22], которые способны полностью заменить человека, а в некоторых областях уже осуществляют это. Сегодня СМИ, как бы готовя население к неизбежности такого рода перспектив, публикуют перечень вымирающих профессий, а некоторые политики прямо заявляют, что ряд специальностей в ближайшее время исчезнет¹¹. Эта угроза касается не только профессий. Само государство, подвергаясь воздействию процессов информатизации, теряет свои очертания, все больше интегрируясь в цифровые платформы, экосистемы, архитектуры и сети. Трансграничность и распределенность управления обществом снижают значимость территориальной автономности государства.

Вместе с государством меняется и человек. Причем меняются не только формы его взаимодействия с другими людьми, которые становятся все более опосредованными техническими средствами. Любая активность человека так или иначе оказывается связанной с виртуальной средой, которая начинает приобретать черты относительно самостоятельной области социальной жизни, черты объективированных социальных форм и в этом качестве влияет на все остальные сферы человеческой активности. Тракуемая как нематериальный мир, она дополняет предметную реальность, область непосредственных коммуникаций индивидов, личное пространство, выступая их значимым фактором и даже генератором. Причем наряду с привычными субъектами общественных отношений возникает новый особый субъект – искусственный интеллект, – законодательное закрепление прав которого находится уже на стадии внедрения¹². Исходя из этого, поднимаемая специалистами проблема правового закрепления цифрового суверенитета государства и личности, по сути, ставит вопрос о возможности фактического и юридического обладания названными субъектами особого рода виртуальной цифровой реальностью и о праве ее формировать.

Процесс информатизации и цифровизации общества требует обратиться и ко второму аспекту проблемы правового закрепления цифрового суверенитета – возможности посягательства на суверенитет государства и на суверенитет

⁸ ГК РФ (ч. I) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 08.12.1994. № 238–239.

⁹ О внесении изменений в ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и ст. 29 и 402 ГПК РФ. ФЗ от 13.07.2015 № 264-ФЗ // Российская газета. 16.07.2015. № 154.

¹⁰ О персональных данных. ФЗ от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Российская газета. 29.07.2006. № 0 (4131).

¹¹ Эксперты назвали самые быстро исчезающие профессии // ТАСС. 16.01.2019. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/6005275> (дата обращения: 20.03.2020); Захаров Р. В Госдуме назвали исчезающие с рынка труда профессии // Звезда. 04.08.2019. Режим доступа: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201984210-m0xyG.html (дата обращения: 20.03.2020).

¹² Хижняк Н. Впервые в истории робот получил гражданство // Hi-news.ru. 26.10.2017. Режим доступа: <https://hi-news.ru/technology/vpervye-v-istorii-robot-poluchil-grazhdanstvo.html> (дата обращения: 20.03.2020); О развитии искусственного интеллекта в РФ. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // СЗ РФ. 14.10.2019. № 41. Ст. 5700; Кравченко С. Текст, написанный ИИ, впервые защитили авторским правом // Infostart.ru. 30.01.2020. Режим доступа: https://infostart.ru/journal/news/tekhnologii/tekst-napisannyi-ii-vpervye-zashchitili-avtorskim-pravom_1179912/ (дата обращения: 20.03.2020).

личности. Не случайно призывы обеспечить цифровой суверенитет часто раздаются от лиц, работающих в сфере защиты цифровых данных¹³. Все стороны жизни человека и деятельности государства оказываются уязвимы настолько, насколько возможно использовать цифровые средства во вредоносных целях. Речь идет не только о систематических утечках данных (в 2019 г., по подсчетам специалистов, «утекло более 14 млрд конфиденциальных записей»¹⁴), но в большей степени о возможности создавать поддельную реальность, в том числе и физическую, с помощью цифровых средств (технология *Deep Fake*)¹⁵. Но главная опасность для человека и государства в контексте распространения цифровых технологий состоит в том, что оно ведет к переструктурированию мирового порядка, основанного на паритете сил централизованных национальных суверенных государств и на неприкосновенности прав и свобод личности.

Суверенитет государства перечеркивается распределенным характером электронных информационных ресурсов и сетей, а равно принадлежностью значительного, если не подавляющего, объема электронных коммуникаций и программного обеспечения небольшому количеству субъектов, лишь часть из которых находится под прямым контролем государств. Условия суверенности сегодня сосредоточены в руках иностранных субъектов, являющихся зачастую частными структурами. Соответственно, вопрос о закреплении цифрового суверенитета государства – это вопрос сохранения суверенитета государства в принципе. Однако его закрепление в национальном законодательстве при отсутствии материальных условий для этого будет означать, что цифровой суверенитет государства всегда будет производным от суверенитета компаний – поставщиков ИТ-ресурса, предоставляющих ему для осуществления функций управления виртуальную платформу и техническую инфраструктуру.

Подобным образом обстоит дело и с цифровым суверенитетом личности. Подавляющая часть виртуальных инструментов и ресурсов, которые использует современный человек, представляет собой чужую собственность или является объектом исключительных прав. В этих условиях правовое закрепление цифрового суверенитета личности будет сложно осуществимым. Наглядно это показывает закон «О персональных данных»¹⁶, который, по сути, узаконивает процедуру легализации передачи персональных данных не только непосредственным участникам правоотношений, но и третьим лицам, часть из которых могут

быть иностранными подданными. Так, данными, которые собираются в рамках программы «Электронный дневник школьника», может располагать не только портал государственных услуг, но и частная компания ИРТех и зарубежный владелец ее активов – оффшорная компания Истерн Трейд Холдингз Лимитед¹⁷. Эти же угрозы несут внедряемые системы сквозной и удаленной идентификации личности¹⁸, средства обработки персональных данных, нейронет и др.

К сожалению, не исключено, что законодательное закрепление цифрового суверенитета начнет действовать противоположным образом, нежели это задумывалось законодателем. Может случиться так, что оно узаконит процедуры отъема этого самого суверенитета третьими лицами, которые владеют техническими и программными средствами его обеспечения. О том, что такая возможность существует, прямо свидетельствует негативная реакция ФСБ на подготовку к принятию законопроекта о цифровом профиле россиян¹⁹. Другие специалисты помимо возможности манипуляции, подделки или утраты этих данных отмечают угрозу давления цифрового профиля над собственными качествами человека²⁰.

Как проблема правового закрепления цифрового суверенитета проявляется в социальном ракурсе? Напомним, что вопрос о суверенитете вошел в сферу политико-правовой доктрины в то время, когда иерархические и властные отношения сместились от раздробленных удельных форм к централизованным. А вопрос о суверенитете личности, в свою очередь, исторически вышел из теории и практики политико-правового обеспечения прав, свобод и автономии человека и отчасти из концепций обоснования и практики реализации централизованных политических форм. Дело в том, что ключевым субъектом первых теорий суверенитета был суверен. То есть персона правителя напрямую была связана с закреплением суверенных прав. Это и позволяет говорить, что суверенитет личности в философском осмыслении и правовых предписаниях возникает одновременно с суверенитетом государства. Актуализация вопроса о суверенитете в средние века означала необходимость поиска смысловой и юридической формулы, отражающей социальные трансформации.

Потому и вопрос о суверенитете в его современном контексте можно рассматривать как реакцию на внешние исторические процессы, а дискуссии по поводу новых видов суверенитета – как ответы на глобальные социальные сдвиги, в которых происходит смещение властных отношений

¹³ Ашманов И. Битва за рунет. Как добиться цифрового суверенитета? // E-news. 01.11.2019. Режим доступа: <https://e-news.ru/in-russia/303970-bitva-za-runet-kak-dobitsya-cifrovogo-suvereniteta-igor-ashmanov.html> (дата обращения: 20.03.2020).

¹⁴ Черников А. Утечки данных 2019: статистика, тенденции кибербезопасности и меры по снижению рисков взлома // Vc.ru. 28.01.2020. Режим доступа: <https://vc.ru/services/103616-utechki-dannyh-2019-statistika-tendencii-kiberbezopasnosti-i-meru-po-snizheniyu-riskov-vzloma> (дата обращения: 20.03.2020).

¹⁵ Федоров Е. Технология deep fake как повод для начала войны // Военное обозрение. 17.12.2019. Режим доступа: <https://topwar.ru/165799-tehnologija-deep-fake-kak-povod-dlja-nachala-vojny.html> (дата обращения: 20.03.2020).

¹⁶ О персональных данных...

¹⁷ Четверикова О. Н. Против цифровизации образования // Завтра. 24.04.2019. Режим доступа: http://zavtra.ru/blogs/mesh_minzdrav (дата обращения: 20.03.2020).

¹⁸ ФСБ раскритиковала проект по созданию цифровых профилей россиян // Знак. 13.11.2019. Режим доступа: https://www.znak.com/2019-11-13/fsb_raskritikovala_proekt_po_sozdaniyu_cifrovyh_profiley_rossiyan (дата обращения: 20.03.2020).

¹⁹ Там же.

²⁰ Четверикова О. Н. Против цифровизации образования...

от централизованных национальных государств к наднациональным межгосударственным или частным структурам. В таком аспекте подлинный цифровой суверенитет для государства и для личности будет означать возможность вообще обходиться без цифровых средств и предлагающих их частных иностранных посредников при осуществлении своих функций и правомочий.

Но это, так сказать, негативный аспект суверенитета. Что же касается его позитивного аспекта, то он как минимум должен предполагать возможность определять содержание, форму выражения и функционирование цифровой реальности по усмотрению носителя суверенитета. Сегодня у государства и у человека в этой области существуют соперники. Один – в лице транснациональных корпораций, а другой – в лице искусственного интеллекта. Получается, что, как и в момент своего возникновения, разговор о положительном цифровом суверенитете означает возникновение новых субъектов этого суверенитета, которые, пользуясь сложившейся благоприятной конъюнктурой, стремительно перехватывают инициативу у традиционных носителей суверенитета. Следовательно, в настоящее время мы становимся свидетелями смещения суверенитета с государства и личности к субъектам, одни из которых представляют собой владельцев цифровых ресурсов, а другие существуют как относительно самостоятельная часть этих ресурсов. Учитывая глобальный характер происходящих изменений, в перспективе это означает трансформацию мирового порядка, приобретающего структуру, разительно отличающуюся от всех прежних форм.

Чего стоит хотя бы практика создания нейронета, что попросту означает соединение центральной нервной системы людей с виртуальной средой Интернета при помощи инвазивных и неинвазивных средств²¹. Это, по сути, создание общества, в котором будут распространены машинные способы управления, а сознания людей в своей совокупности будут образовывать новые общности коллективных разумов. Но где разум – там и неразумие, где машина – там и сбой. Где гарантия того, что новое цифровое общество не будет подвержено массовым ментальным пандемиям и критическим системным сбоям, как сегодня это мы наблюдаем в физической реальности. Как будет рассматриваться духовный мир человека и его объективации, если человек не сможет отличить и отделить

собственное духовное содержание от чужого? И каким тогда окажется статус государства, если его признаки и структурные элементы будут подчинены лишь оформлению движения информационных виртуальных потоков? Ну и, пожалуй, самый главный вопрос в намечающемся плане глобальных преобразований: кто будет контролировать эту среду и кто будет контролировать контролера? Вероятно, следуя логике развития событий, следует ставить вопрос не о цифровом суверенитете государства и личности, а о *нейросуверенитете*, который может стать единственным прочным основанием суверенитета в формирующемся обществе будущего²².

Заключение

Проблема цифрового суверенитета в контексте глобальных социальных изменений означает наступление этапа смещения признаков суверенитета в новую область, которая выступает в качестве средства обеспечения доминантного положения как на институциональном, так и на индивидуально-личностном уровне. Его правовое закрепление может означать либо попытку сохранения статус-кво государства и личности, либо формально легальный способ трансляции и транзита суверенных качеств к новым субъектам. На политическом уровне в перспективе становится возможным забвение функций государства (осуществление властных полномочий, выражающих его социальное назначение). На уровне личности в будущем становится возможной утрата самостоятельного определения субъектом своих личностных качеств как выражения его автономного существования и мировоззрения. Сказанное приводит к выводу о смысловом смыкании проблемы цифрового суверенитета государства и личности, поскольку государство как носитель суверенитета невозможно без суверенной личности индивидов, составляющих его народ и его правителей. Это означает, что процесс официального закрепления цифрового суверенитета в современных условиях внутренне содержит диапазон возможностей от нового обоснования и установления соотношения всех видов суверенитета до исчезновения суверенитета как фундаментальной категории социального порядка. Реализация возможностей цифровых технологий ставит вопрос о существовании нового вида суверенитета – нейросуверенитета.

Литература

1. Сиваш Е. М. Вопрос суверенитета в актах Великой французской революции и Священного союза // Проблемы законности. 2011. № 115. С. 228–237.
2. Бредихин А. Л., Проценко Е. Д. Принципы и свойства государственного суверенитета // Академический юридический журнал. 2016. № 3. С. 4–12.
3. Реут О. Ч. Прилагательные суверенитета. Суверенитет как прилагательное // Полис. Политические исследования. 2007. № 3. С. 115–124. DOI: 10.17976/jpps/2007.03.09

²¹ Ивтушок Е. Нейробиологи неинвазивно объединили мозги трех людей в сеть // N+1. 01.10.2018. Режим доступа: <https://nplus1.ru/news/2018/10/01/brain-to-brains> (дата обращения: 20.03.2020); Национальная технологическая инициатива // Агентство стратегических инициатив. Режим доступа: <https://asi.ru/nti/> (дата обращения: 20.03.2020); Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Ноон-технология в технической деятельности. Общие положения. ГОСТ Р 43.0.3-2009 // СтандартИнформ. Режим доступа: <http://www.standards.ru/document/4568118.aspx> (дата обращения: 20.03.2020).

²² Близкими по смыслу могут считаться концепты ментального суверенитета, духовного суверенитета, виртуального суверенитета и т. п. Понятие нейросуверенитета в рамках данного исследования видится более предпочтительным в связи с учетом возможностей технических средств воздействовать на мозг и духовный мир человека.

4. Токарев В. А. К вопросу о понятии «обладатель суверенитета» (сравнительно-правовой аспект) // Известия вузов. Правоведение. 2016. № 3. С. 130–139.
5. Зорина Е. Г. Информационный суверенитет современного государства и основные инструменты его обеспечения // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17. № 3. С. 345–348. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-345-348
6. Матузов Н. И. К вопросу о суверенитете личности // Правоведение. 1994. № 4. С. 3–14.
7. Черняк Л. Ю. К вопросу о понятии информационного суверенитета: теоретический и сравнительно-правовой аспекты // Сибирский юридический вестник. 2012. № 3. С. 117–122.
8. СМИ и Интернет: проблемы правового регулирования / сост. В. Н. Монахов. М.: ЭКОПРИНТ, 2003. 320 с.
9. Терентьева Л. В. Концепция суверенитета государства в условиях глобализационных и информационно-коммуникационных процессов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 187–200. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.187.200
10. Симонов В. А. Суверенитет: проблемы субъектов // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 1. С. 54–68.
11. Бредихин А. Л., Проценко Е. Д. Суверенитет как юридическая категория // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 9. С. 142–151.
12. Болтанова Е. С., Имекова М. П. Генетическая информация в системе объектов гражданских прав // Lex russica. 2019. № 6. С. 110–121. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.151.6.110-121
13. Рузанова В. Д. Законодательство в области персональных данных как институт информационного законодательства // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 2. С. 15–22. DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-2-15-22
14. Алиева Г. В. Возможности и пределы охраны нематериального культурного наследия с помощью международной системы защиты прав человека // Legal Concept. 2018. Т. 17. № 3. С. 133–145. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2018.3.19
15. Бочков С. И. Проблемы правового регулирования инновационной деятельности. М.: Медиацентр, 2015. 46 с.
16. Гаврилов Е. О. Метаморфозы религиозности в современной России в контексте глобальных социальных изменений // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 352. С. 42–49.
17. Voberach M., Neuburger R. Zukunftspfade Digitales Deutschland 2020 // HMD. 2014. Vol. 51. P. 762–772. DOI: 10.1365/s40702-014-0087-z
18. Ронелленфич М. Защита персональных данных в Германии и в Европе // Сборник статей о праве Германии. 2015. Вып. 1. С. 48–54.
19. Ефремов А. А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 201–215. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.201.215
20. Конобеевская И. М. Цифровые права как новый объект гражданских прав // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19. № 3. С. 330–334. DOI: 10.18500/1994-2540-2019-19-3-330-334
21. Кефели И. Ф., Мальмберг С. А. Информационный потенциал государства как основа информационного суверенитета // Управленческое консультирование. 2019. № 1. С. 29–39. DOI: 10.22394/1726-1139-2019-1-29-39
22. Жукова О. И., Жуков В. Д. О некоторых аспектах нравственных отношений в эпоху информационного общества // Коммуникативные стратегии информационного общества: тр. XI Междунар. науч.-теор. конф. (Санкт-Петербург, 25–26 октября 2019 г.) СПб., 2019. С. 75–76.

original article

Digital Sovereignty in the Context of Globalization: Philosophical and Legal Aspects

Evgeniy O. Gavrilov^a, ID

^a Plekhanov Russian University of Economics (Kemerovo branch), Russia, Kemerovo

@ gavrilich@yandex.ru

^{ID} <https://publons.com/researcher/1893079/evgeny-gavrilov/>

Received 26.04.2020. Accepted 17.05.2020.

Abstract: The article features the problem of consolidating and understanding the digital sovereignty of the State and the individual. The author addresses the challenge of establishing a correlation between the idea of digital sovereignty and the global socio-political change. The paper focuses on the effect of modern trends of social development, i.e. accelerated social informatization and globalization, on the development of doctrine of digital sovereignty and its legal design. The author believes that the idea of digital sovereignty is a reaction to the transformation of the global social order, which resulted in new doctrinal provisions and legal norms. They give citizens the right to determine the process of formation, storage, and management of digital data,

as well as to ensure their inviolability. The legal formalization of digital sovereignty can indicate either the protection of statehood and personality or, on the contrary, their absorption by structures of the global order. As a result, such categories as "sovereignty, "statehood, or "personality" may eventually lose their actual meaning and real content. The conceptualization of the phenomenon of neurosovereignty and its implementation programs might be the future of the theory and practice of sovereignty.

Keywords: informatization, digitalization, state, artificial intelligence, electronic platform, NeuroNet, personality, neurosovereignty

For citation: Gavrilov E. O. Digital Sovereignty in the Context of Globalization: Philosophical and Legal Aspects. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 2020, 4(2): 146–152. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-2-146-152>

References

1. Sivash E. M. Questions of sovereignty are in the acts of Great French Revolution and the Holy Alliance. *Problemy zakonnosti*, 2011, (115): 228–237. (In Russ.)
2. Bredikhin A. L., Protsenko E. D. Principles and properties of State sovereignty. *Akademicheskij juridicheskij zhurnal*, 2016, (3): 4–12. (In Russ.)
3. Reut O. Ch. Adjectives of sovereignty. Sovereignty as an adjective. *Polis. Political Studies*, 2007, (3): 115–124. (In Russ.) DOI: 10.17976/jpps/2007.03.09
4. Tokarev V. A. To the issue of the concept of the "sovereignty holder" (comparative legal analysis). *Izvestia vuzov. Pravovedenie*, 2016, (3): 130–139. (In Russ.)
5. Zorina E. G. Informational sovereignty of contemporary state and the main instruments of its ensuring. *Izv. Saratov. Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, 17(3): 345–348. (In Russ.) DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-345-348
6. Matuzov N. I. To the question of the sovereignty of the individual. *Pravovedenie*, 1994, (4): 3–14. (In Russ.)
7. Chernyak L. Yu. On the concept information sovereignty: theoretical and comparative and legal aspects. *Siberian Law Herald*, 2012, (3): 117–122. (In Russ.)
8. *Mass media and Internet: legal regulation problems*, comp. Monakhov V. N. Moscow: EKOPRINT, 2003, 320. (In Russ.)
9. Terenteva L. V. Concept of sovereignty in the conditions of global and information communication processes. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2017, (1): 187–200. (In Russ.) DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.187.200
10. Simonov V. A. Sovereignty: the problems of subjects. *Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2016, (1): 54–68. (In Russ.)
11. Bredihin A. L., Protsenko E. D. Sovereignty as a legal category. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2011, (9): 142–151. (In Russ.)
12. Boltanova E. S., Imekova M. P. Genetic information in the system of objects of civil rights. *Lex russica*, 2019, (6): 110–121. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2019.151.6.110-121
13. Ruzanova V. D. Legislation in the field of personal data as an institution of information legislation. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta*, 2019, 5(2): 15–22. (In Russ.) DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-2-15-22
14. Aliyeva G. V. Possibilities and limits of the safeguarding of intangible cultural heritage with the international system of human rights protection. *Legal Concept*, 2018, 17(3): 133–145. (In Russ.) DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2018.3.19
15. Bochkov S. I. *Problems of legal regulation of innovation activity*. Moscow: Mediatsentr, 2015, 46. (In Russ.)
16. Gavrilov E. O. Religiousness metamorphoses in modern Russia in the context of global social changes. *Tomsk State University Journal*, 2011, (352): 42–49. (In Russ.)
17. Boberach M., Neuburger R. Zukunftspfade Digitales Deutschland 2020. *HMD*, 2014, 51: 762–772. DOI: 10.1365/s40702-014-0087-z
18. Ronellenfitsch M. Protection of personal data in Germany and Europe. *Collection of articles on German law*, 2015, iss. 1, 48–54. (In Russ.)
19. Efremov A. A. Formation of the concept of information sovereignty of the state. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2017, (1): 201–215. (In Russ.) DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.201.215
20. Konobeyskaya I. M. Digital rights as a new object of civil rights. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, 19(3): 330–334. (In Russ.) DOI: 10.18500/1994-2540-2019-19-3-330-334
21. Kefeli I. F., Malmberg S. A. State information capacity as information sovereignty basis. *Administrative consulting*, 2019, (1): 29–39. (In Russ.) DOI: 10.22394/1726-1139-2019-1-29-39
22. Zhukova O. I., Zhukov V. D. On some aspects of moral relations in the age of the information society. *Communication strategies of the information society: Proc. XI Intern. Sci.-Theor. Conf., St. Petersburg, October 25–26, 2019. St. Petersburg, 2019, 75–76. (In Russ.)*

Особенности губернского управления в Сибири в условиях реформы

М. М. Сперанского

Станислав О. Гаврилов^а; Анжелика В. Гаврилова^{а, @}; Надежда В. Козлова^а

^а Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

@ anzhik77@mail.ru

Поступила в редакцию 27.03.2020. Принята к печати 17.04.2020.

Аннотация: Анализируются причины, обусловившие разработку оптимальной модели управления на территориях губерний Сибири, по сути, тормозивших процессы унифицированной и интегративной политики Российской империи. В аспекте ревизии, проведенной сибирским генерал-губернатором М. М. Сперанским, обосновывается необходимость принятия особых законов, реализация которых должна быть направлена на устранение правового нигилизма и произвола сибирского чиновничества. Рассматривается структура губернского управления на территории Сибири в первой половине XIX в., созданная на основе идей реформы М. М. Сперанского, институционализированных «Учреждением для управления Сибирских губерний». Анализ содержания данного узаконения позволяет сделать вывод о подробнейшей регламентации всех видов управления и делопроизводства на уровне губерний и наместничеств, которые нашли свою реализацию в первую очередь в сфере надзора. Раскрываются особенности наместнического и губернского управления в контексте реализации системы контроля и надзора, принципов субординации, подчинения и подведомственности. Рассмотрены полномочия генерал-губернаторов и гражданских губернаторов как представителей верховной власти на уровне наместничеств и губерний и реализация данных полномочий в деятельности наместнических и губернских властных структур – советов Главного управления и общих губернских управлений. Сделаны выводы о положительных и отрицательных характеристиках преобразования региональной модели управления. Отмечается противоречие между законоположениями и правовой действительностью, сложившееся вследствие реализации «Учреждения для управления Сибирских губерний», что было обусловлено как кадровыми несоответствиями, так и дискретным характером административной политики самодержавия в Сибири.

Ключевые слова: генерал-губернатор, гражданский губернатор, общее губернское управление, частное губернское управление, губернский совет, надзор, контроль, ревизия, подведомственность

Для цитирования: Гаврилов С. О., Гаврилова А. В., Козлова Н. В. Особенности губернского управления в Сибири в условиях реформы М. М. Сперанского // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 2. С. 153–160. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-2-153-160>

Введение

Имперское измерение российской истории предполагает изучение многообразия населения, сложных систем отношений между центром и окраинами, имперской властью и локальными сообществами, асимметричности административно-политических и правовых структур, ресурсов устойчивости империи, ее способности стабилизировать гетерогенное в этноконфессиональном и социокультурном отношении общество. С начала XVIII в. система государственного управления в России переходит на новый путь развития, обусловленный процессами унификации административно-территориального деления государства и формирования соответствующего механизма управления. Реформы Петра I и преобразования Екатерины II зачастую не учитывали геополитические и социокультурные особенности окраинных сибирских территорий, а в ряде случаев противоречили таковым.

По мнению многих исследователей механизма управления Сибирью, начиная с колонизации края и на протяжении всего имперского периода «проекты территориального

и административного преобразования Сибири создавались, претворялись в жизнь, обнаруживали свою несостоятельность, отвергались, создавались новые проекты, которые также оказывались нежизнеспособными» [1, с. 2].

Конечно же, перманентность административного реформирования Сибири не являлась самоцелью имперской политики, но именно территориальная общность сибирского региона, имеющая существенные отличия в социально-экономическом, политико-правовом, социокультурном и этноконфессиональном облике, являлась причиной непоследовательности и несогласованности действий по управлению Сибирью, что усугублялось отсутствием должного контроля за местной администрацией: «Смена наместничеств, генерал-губернаторств и проч., задачи управления не решала. "Отсутствие всякого надзора в центре, разрозненность власти на месте, были характерными чертами этой эпохи" ... "Злоупотребления служилых людей не только не унимались, а продолжались еще с большей силой"» [2, с. 300]. Подтверждением тому станет деятельность И. О. Селифонтова, которому Александром I в 1801 г.

при назначении его ревизором в Сибирь было поручено найти оптимальную модель по управлению данным регионом: «какое может быть удобнее страны сей разделение, и какое долженствует быть в ней сообразнейшее положению ее управление»¹, что диссонирует с опытом исключительно военно-морской карьеры у будущего генерал-губернатора Сибири. В результате выбранная Селифонтовым модель управления ничем не отличалась от предшествующих: «разделив Сибирь на комиссарства, [секретарь Бакулин] продавал их управителям, кто больше даст» [2, с. 305], «явился как вице-рой; все пало ниц и безмолвствовало» [3, с. 81].

Методы и материалы

В качестве нормативного источника исследования отметим «Учреждение для управления Сибирских губерний» 1822 г. (далее – Сибирское учреждение), ставшее основным нормативным правовым актом в регулировании вопросов управления, подведомственности, подсудности и надзора до осуществления преобразований аппарата управления Сибирью в последней четверти XIX в. Исследование базируется на дореволюционных свидетельствах об особенностях управления губерниями Сибири, а также на научных изысканиях современных авторов, посвященных вопросам особого статуса Сибири в составе Российской империи.

Методологическую основу составил социокультурный подход, характеризующийся пониманием общества как результата единства культуры и социальности, формируемых и моделируемых деятельностью человека с учетом территориального фактора, плотности населения, правовой культуры и правосознания населения и сибирского чиновничества, обусловивших процессы региональной модернизации аппарата управления и правосудия. Проблемно-хронологический метод позволил исследовать особенности управления Сибирью через призму геополитических и социокультурных характеристик окраинных сибирских территорий. Применение сравнительно-правового метода способствовало исследованию правовой основы управления Сибирью в контексте сосуществования с имперским законодательством. Системный и структурно-функциональный методы исследования сделали возможным изучение механизма управления Сибирью со свойственной ей административно-территориальной структурностью посредством выделения субъектов и элементов аппарата управления и определения их функциональных особенностей в системе управления. Формально-юридический метод исследования способствовал анализу и толкованию норм сибирского законодательства, что позволило выделить особенности правовых явлений, свойственных для сибирского региона, в контексте реализации и применения Сибирского учреждения. Методика научного анализа строилась на основе использования принципов историзма, объективности и достоверности.

Система губернского управления в условиях принятия и реализации Сибирского учреждения

Географические и политические особенности сибирского региона, его отдаленность от центра империи, огромная территориальная протяженность, низкая плотность населения, неразвитость средств коммуникаций, сосредоточение здесь значительного контингента ссыльных и беглых «лихих» людей традиционно предопределяли необходимость существования здесь особой модели управления. На протяжении всего XVIII в. имперские власти пытались укрепить и оптимизировать эту модель, жертвуя даже существенным принципом самодержавия – унификацией административно-территориального деления (даже универсализм Губернской реформы 1775 г. был нарушен особым правовым статусом восточных окраин Российской империи). Однако идеальная система управления так и не была выработана, а существующая по-прежнему требовала внесения корректировок. Исполнение этой чрезвычайно сложной задачи было поручено М. М. Сперанскому, назначенному 22 марта 1819 г. сибирским генерал-губернатором.

Первая же ревизия, проведенная новым «властителем Сибири», выявила вопиющие случаи казнокрадства, взяточничества и злоупотребления властью. Увы, изначальная решимость карать за обнаруженные злоупотребления у М. М. Сперанского улетучивалась по мере продвижения на восток. Уже в письме к дочери из Томска он писал: «Если бы в Тобольске я отдал всех под суд ..., то здесь оставалось бы уже всех повесить». В итоге из 681 проштрафившегося чиновника под суд пошли только два губернатора и сорок восемь должностных лиц более низкого ранга [4, с. 23]. Более существенным результатом проведенного инспектирования стал специальный доклад, включавший в себя своего рода отчет «по обозрению Сибири», представленный монарху. Этот документ указывал на крайнюю слабость механизма управления сибирскими губерниями, вызванную как несовершенством правовых установлений, не соответствующих «ни расстояниям, ни местному положению, ни роду населения» [5, с. 145], так и слабым надзором за исполнением правовых предписаний. Классифицировав все погрешности сибирского управления на две основные группы: неопределенность института власти генерал-губернатора (власть, основанная исключительно на достоинствах ее носителя, не получившая должного правового основания, дистанцированная от центрального управления, неподнадзорная и безответственная, а потому грозящая проявить себя самодурством и злоупотреблениями) и слабая организация губернского управления (лишенная правового статуса, четко обозначенных полномочий и абсолютно зависима от генерал-губернатора) [5, с. 145] – М. М. Сперанский представил проект правил к будущему устройству сибирского управления.

Проект был рассмотрен в 1821 г. и после признания его вполне отвечающим реалиям восточных окраин империи

¹ 19.910. Июня 9. Именной, данный Тайному Советнику Селифонтову // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: 1649–1825. СПб.: тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1801. Т. 26. С. 694.

22 июля 1822 г. был утвержден в качестве «Учреждения для управления Сибирских губерний». Согласно Сибирскому учреждению, территория региона разделялась на две части – западную (Тобольская и Томская губернии, Омская область) и восточную (Иркутская и Енисейская губернии, Якутская область). В свою очередь губернии и области подразделялись на округа, а округа – на волости и инородные управы.

Исходя из нового административного территориального устройства, управление Сибирью имело сложную четырехступенчатую структуру: на уровне наместничества существовало Главное управление, на уровне губернии – управление губернское; аналогичные управленческие структуры формировались и на уровне первичных территориальных единиц. В качестве задачи настоящего исследования мы определили характеристику функционирования институтов государственного управления на уровне более крупных административных единиц – наместничеств и губернии.

Результатом раздела территории региона на восточную и западную части стало формирование двух Главных управлений: Западно-Сибирского (Тобольск) и Восточно-Сибирского (Иркутск). Присутствие обоих управлений составляли генерал-губернатор и действующий при нем совет, включавший в себя гражданских губернаторов губерний, входивших в состав наместничества, председателей губернских правлений, казенных палат и губернских судов, каждый из которых назначался министерством по представлению генерал-губернатора. В представленной модели коллегиального управления усматривается система сдержек и противовесов единоличной генерал-губернаторской власти, где Главные управления выступают связующим звеном с высшими и центральными государственными учреждениями и являются частью министерской системы на местном уровне [6, с. 321].

Основным предназначением Главных управлений становилось осуществление надзора за всеми вверенными ему административными структурами на губернском уровне и руководство их практической деятельностью посредством предоставления им разрешений на те или иные действия. Чтобы укрепить властную вертикаль на территории обоих сибирских наместничеств, Сибирское учреждение наделило генерал-губернаторов достаточно обширными полномочиями [7, с. 32]. К их числу были отнесены:

- 1) осуществление функции надзора за состоянием судебного производства дел с целью недопущения произвола, судебной волокиты и нарушения законов;
- 2) осуществление (лично или с помощью специально создаваемых комиссий) ревизий и инспектирования деятельности административных инстанций;
- 3) решение всего блока кадровых вопросов – назначение, перемещение, отстранение и увольнение чиновников, решение вопроса о предании суду проштрафившихся и представлении к награждению более успешных в своей деятельности.

Деятельность генерал-губернатора в сфере судебного надзора заключалась в ежегодной ревизии и принятии решений

по отчетам губернских правлений [7]. Для перепроверки содержащихся в них сведений генерал-губернатор ознакомился с содержанием заключений комиссий, создаваемых с целью инспектирования судебного учреждения, анализировал поступившие со стороны губернских прокуроров и стряпчих замечания, связанные с неправильным производством дел либо с судебной волокитой. В случае необходимости высшее должностное лицо наместничества обращалось и к изучению содержания поступавших на его имя жалоб частных лиц, сетовавших на судебные проволочки, ошибки, случаи отказа в правосудии [8, с. 110].

Отметим при этом, что Главное управление никогда не оценивало судебные решения и приговоры по существу: по всей видимости, здесь сказались демократические воззрения самого М. М. Сперанского, считавшего недопустимым вмешательство административных властей в дела судебного ведомства. Максимальное вмешательство генерал-губернатора в судопроизводство проявлялось в предоставлении ему права решения о подведомственности дел той или иной судебной инстанции. Однако вопросы подведомственности зачастую являлись предметом рассмотрения Главных управлений [9].

Тем не менее Сибирское учреждение наделяло генерал-губернатора дискретными полномочиями, позволявшими ему в случаях, четко обозначенных в узаконении, вмешиваться в юрисдикцию судебных инстанций. Так, в случаях явной противозаконности принятых судом решений он мог приостанавливать исполнение судебных приговоров и представлять данные дела на разрешение в Правительствующий сенат. Генерал-губернатор имел формальное право на пересмотр уголовных дел, впрочем не по своей инициативе, но по представлениям гражданских губернаторов в случае их несогласия с приговорами губернских судов. Высшее должностное лицо наместничества могло осуществлять ревизию судебных решений в случаях, когда общие имперские узаконения, которыми руководствовались суды, вступали в противоречие с обычным правом инородцев. Наконец, формальными основаниями для ревизии судебных решений являлись прибыльность имперского законодательства в данной области, наличие обоснованных сомнений губернских советов о возможности применения в данном случае новых узаконений и явная неоправданная жестокость принятых судом решений.

Помимо функций судебного и административного надзора, к полномочиям Главного управления были отнесены функции финансово-хозяйственного регулирования: утверждение сметы распределения городских, земских и волостных доходов, расклада налогов и повинностей, организация обеспечения местного населения товарами первой необходимости (хлебом, вином и солью), принятие решений по конфликтным ситуациям, связанным с банкротством, неисполнением обязательств, рекрутскими наборами, рассмотрение случаев причинения ущерба казенному имуществу и принятие мер по их восполнению, изыскание средств на реализацию мероприятий, финансирование которых ранее не было запланировано, утверждение контрактов на сумму свыше 10 тыс. руб.²

² Учреждение для управления Сибирских губерний. СПб.: Сенатская тип., 1822. 297 с.

Проведенный анализ полномочий Главного управления позволяет сделать вывод, что основным предназначением его деятельности являлось осуществление надзора за деятельностью местной администрации. В то же время главным носителем надзорной функции являлся сам генерал-губернатор, тогда как Совет Главного управления был наделен совещательными полномочиями и лишь в редких случаях (проведение ревизий) – исполнительными. По мнению А. В. Ремнева, данная конструкция (начальник – совещательная коллегия) копировала имперский принцип министерского управления (министр – совет министра) [4, с. 29].

Нижестоящая ступень в системе *региональная власть – губернское управление* подразделялась на общее и частное (отраслевое) управление. Общее губернское управление составляли гражданский губернатор и губернский совет. В состав последнего, кроме гражданского губернатора, исполнявшего обязанности председателя, входили председатели основных губернских учреждений и губернский прокурор. Главным целевым назначением общего губернского управления являлось осуществление контроля за всей губернской и окружной администрацией и координация деятельности основных звеньев частного управления, обеспечение должной субординации, исключение проявления их излишней самостоятельности. Реализация данной функции обеспечивалась с помощью конкретных задач, поставленных Сибирским учреждением перед общим губернским управлением:

- недопущение волокиты дел и незаконности принимаемых решений;
- взыскание недоимок;
- ревизия уголовных дел;
- ревизия деятельности учреждений, относящихся к частному управлению;
- назначение и увольнение чиновников, представление их к награждению;
- утверждение членов дум, городского суда и ратуш, волостных голов;
- составление отчетов о происшествиях;
- регулирование вопросов передвижения (выдача проездных документов и паспортов);
- содействие органам военного управления в обеспечении правопорядка;
- руководство казачьими соединениями.

В отличие от Совета Главного управления, чьи полномочия, как отмечалось выше, были чрезвычайно аморфны и расплывчаты, задачи губернского совета были определены гораздо более конкретно. Он отвечал за обеспечение ежегодной отчетности о состоянии дел в губернии перед Правительствующим сенатом, министерствами и генерал-губернатором, рассматривал представления учреждений частного управления на ошибочные действия областных и окружных присутственных мест и должностных лиц, в частности, замечания губернского прокурора и губернских стряпчих по неправильному или медленному производству дел в низших судебных инстанциях, определял подведомственность дел в случаях, когда она не была урегулирована

законодательно, определял правила применения узаконений органами частного управления, разъяснял чиновникам содержание новых узаконений.

Хозяйственно-финансовая сфера демонстрирует четкое распределение властных полномочий Главного и общего губернского управления. Если первому, функционировавшему на уровне наместничества, принадлежала распорядительная функция, то второму – исполнительная: оно занималось предварительным рассмотрением всех финансово-хозяйственных вопросов, передавало проекты решений на утверждение Главного управления и обеспечивало их реализацию в дальнейшем.

Можно констатировать, что в непосредственной власти гражданского губернатора находились все важные вопросы управления, надзора и судопроизводства, учитывая предоставленное ему право пересмотра уголовных дел, что юридически закрепляло право вмешательства администрации в правосудие. Конкретность же полномочий губернского совета не должна вводить в заблуждение: по аналогии с Советом Главного управления на практике он был, по сути, лишь совещательным органом при «хозяине губернии».

Частное губернское управление состояло из губернского правления по делам полиции, казенной палаты по хозяйственным вопросам, губернского суда по делам гражданского и уголовного судопроизводства и губернского прокурора, осуществлявшего прокурорский надзор как непосредственно, так и через стряпчих по казенным и уголовным делам. Состояние и полномочия низовых звеньев администрации – областных и окружных управлений – демонстрируют стремление М. М. Сперанского адаптировать принципы губернского управления к местным условиям. В то время как существенных внешних изменений они не претерпели, наличие стремление автора реформы уделить должное внимание правовому регулированию управления коренными народами Сибири. Особо отметим, что реформа сибирской администрации, предложенная М. М. Сперанским, предусматривала правовое оформление подчиненности всех ступеней региональной власти с учетом иерархии и субординации.

Главные управления сибирских губерний подчинялись непосредственно Правительствующему сенату. Все управления в Сибири: и общие (губернские), и частные (особенные) – подчинялись Главным управлениям, т. е. генерал-губернатору как непосредственно (общие), так и опосредованно (в рамках своей сферы деятельности). Почтовые и подобные им управления подчинялись Главному управлению в случае жалобы на их действия, однако постоянная их субординация определялась от того учреждения, чьим подразделением они являлись, т. е. профильного министерства, которое обладало, в частности, правом отрешения от должности или предания суду виновного чиновника. Согласимся с А. Р. Ивоным в том, что генерал-губернатор являлся политическим эмиссаром императора, а Советы Главных управлений Сибири – органами политического надзора и контролирующими инстанциями [10, с. 111]. В свою очередь, общему губернскому управлению, а соответственно, и гражданскому губернатору подчинялись

непосредственно частные губернские управления и все его звенья – губернское правление по полицейским делам, казенная палата и губернский суд.

Субординацию органов административного управления на уровне сибирских областей определить сложнее – она зависела от правового статуса областных управлений [11, с. 49]. Так, Омское областное управление подчинялось Главному управлению Западной Сибири и приравнивалось к общему губернскому правлению, в то время как Якутское областное управление и Приморские управления (Камчатское и Охотское) подчинялись Иркутскому общему губернскому управлению и приравнивались к частным. Все окружные управления находились в двойном подчинении, исполняя распоряжения общего губернского управления и окружных управлений по предметам их ведения.

Назначение на должности также происходило с учетом иерархичности и подчиненности:

- генерал-губернатор, гражданские губернаторы, областные начальники и руководители губернских учреждений, председатель Омского областного правления, советники Главного управления – на основании Именных Высочайших указов;
- губернские прокуроры, губернские и областные стряпчие – Министерством юстиции по представлению генерал-губернатора;
- советники губернских учреждений, окружные начальники, городничие и начальники отделений в общем губернском управлении – непосредственно генерал-губернатором по представлению гражданского губернатора;
- городские головы, члены городского суда, ратуши, волостные головы и старосты, начальники инородного управления и члены инородной управы определялись по жребию и утверждались гражданским губернатором;
- окружные стряпчие и казначеи назначались гражданским губернатором по представлению губернского прокурора и казначея.

Одним из главных несовершенств дореформенной системы управления в Сибири, выявленных в процессе ревизии М. М. Сперанского, являлось отсутствие четкой системы производства дел, определения их подведомственности [12, с. 107]. Данное обстоятельство предопределило стремление составителя «Учреждения для управления Сибирских губерний» обеспечить детальную регламентацию делопроизводства, основанную на принципе единообразия. Сибирские учреждения устанавливали ряд полномочий основных действующих лиц. Генерал-губернатор имел право формулировать свои предложения Совету Главного управления и губернским советам, давать предписания всем прочим административным и судебным инстанциям. Гражданский губернатор мог представлять генерал-губернатору свои донесения, губернскому совету и общему губернскому управлению давать предложения, прочим местам и лицам – предписания. Частные места губернского управления направляли генерал-губернатору донесения, гражданскому губернатору –

представления, областным управлениям – сообщения, прочим присутственным местам – указы. Органы частного областного и окружного управлений отправляли донесения и представления вышестоящим инстанциям, между собой обменивались сообщениями, нижестоящим инстанциям и должностным лицам посылали указы. Власть каждого высшего управления (генерал-губернатора и Совета Главного управления, гражданского губернатора и общего губернского управления) реализовывалась посредством надзора и в разрешениях. Данные функции проявлялись в точном соблюдении правил субординации высших присутственных мест:

- коллизии, пробелы или споры по вопросам исполнения, разрешения или правоприменения, возникшие на уровне общего губернского правления, по представлению гражданского губернатора разрешались в Главном управлении, нижестоящие учреждения и должностные лица могли обращаться лишь в общее губернское управление;
- ни одно присутственное место не могло разрешать дела, содержание которых превышало их властные полномочия. Так, Главное управление, рассматривая протесты губернского прокурора, выносило по ним соответствующие постановления, но в случаях, требовавших согласования с центральными инстанциями, ожидало соответствующего разрешения, приостанавливая исполнение судебных приговоров и определявшие вследствие противозаконности, не отменяло их, а передавало дело Правительствующему сенату и ожидало его решения;
- не допускалось вмешательство региональной власти в сферу ведения имперского управления. Генерал-губернатор и Совет Главного управления не имели права отменять, ограничивать имперские узаконения, в том числе принимать собственные законы или постановления, противоречащие им, назначать новые подати или сборы. Они могли лишь инициировать принятие необходимых законов или мер перед имперскими властями, ссылаясь на местные нужды;
- губернский совет был определен в качестве своего рода центра сбора всех сведений, полученных в порядке надзора за состоянием дел в губернии. Здесь собирались все представления, замечания, сведения и ведомости о деятельности губернских, областных и окружных учреждений. При этом по обнаруженным нарушениям он не принимал решения самостоятельно, а извещал Главное управление;
- ни Главное управление, ни губернский совет, ни губернский прокурор не могли изменить состоявшееся судебное решение по существу дела – они лишь надзирали за правильностью производства дела и обеспечивали соблюдение установленных правил судопроизводства.

Сибирское учреждение определяло возможность привлечения высших должностных лиц наместничества и губерний к ответственности. Основаниями для этого являлись превышение пределов властных полномочий, обозначенных выше, злоупотребление властью, должностное бездействие, пренебрежение служебными полномочиями, причинение своими действиями ущерба государству.

Производство дела о привлечении к ответственности генерал-губернаторов возбуждалось по жалобам, адресованным непосредственно императору или Правительствующему сенату, гражданского губернатора – по жалобам на имя императора, Правительствующего сената, министров либо генерал-губернатора. Законодательство определяло и иные основания для начала процедуры привлечения высших должностных лиц Сибири к ответственности. К таковым были причислены донесения местных чиновников с жалобами на незаконные действия высших должностных лиц губерний, судебные приговоры в отношении чиновников, совершивших преступные действия по указаниям высших губернских чинов, результаты ревизий сибирских губерний и рассмотрения ежегодных отчетов.

Результаты

Принятие Сибирского учреждения в 1822 г. и реализация его положений на территории региона положили начало существенным преобразованиям управления и суда на обширных, отдаленных от центра восточных окраинах Российской империи. Анализ содержания данного узаконения позволяет сделать вывод о подробнейшей регламентации всех видов управления и делопроизводства на уровне губерний и наместничеств, которые нашли свою реализацию в первую очередь в сфере надзора. Законодательное оформление особой модели управления в Сибирском учреждении в целом соответствовало общим представлениям М. М. Сперанского о прогрессивном государственном устройстве, высказанным им во «Введении к уложению государственных законов» 1809 г.³ Главной идеей М. М. Сперанского являлось устройство властной вертикали, которая зиждется на принципах законности, гласности, контроля, публичности управления, разделении и единстве власти, выраженной в коллегиальности управления в противовес единоличной власти [13, с. 527].

В то же время законоположение, основанное на ревизионном и административном порядке, далеко не всегда совпадало с правовой реальностью. «Учреждение для управления Сибирских губерний» 1822 г., составленное на достаточно высоком для того времени уровне юридической техники, оказалось идеальным нормативно-номинально, но не нормативно-оптимально в условиях правовой действительности Сибири.

Дореволюционные исследователи отмечали, что сам М. М. Сперанский, оказавшийся в должности Сибирского генерал-губернатора не по своей воле, столкнувшись с реалиями общественного устройства и управления в Сибири, не хотел «войти глубоко, войти с любовью в сибирские дела» [14, с. 237], «слишком положился на одни официальные, коллегиальные учреждения и не обратил внимания на другие стороны общественной жизни, которые должны были способствовать администрации и питать самые учреждения» [15, с. 100]. После проведения масштабной работы

по реформированию законодательства об управлении Сибирью, его жизнь вне столицы казалась бессмысленной.

По мнению Н. М. Ядринцева, новая система управления не повлияла на изменение уже устоявшегося порядка управления, детерминированного личностью чиновника, его деловых и нравственных качеств, в связи с чем одной из главных причин несогласованности законодательного порядка управления и правовой реальности явилось отсутствие опыта гражданского управления, что обусловило систематическое проявление безудержного деспотизма в целях борьбы с настоящей и мнимой оппозицией и подавлением недовольства сибирской бюрократии [3, с. 95]. Единственным средством сохранения баланса между правовой основой нового порядка управления и правовой картиной, сложившейся в результате реализации Сибирского учреждения, явились сенаторские ревизии 1827 г. и 1851 г., обнаружившие существенные нарушения законодательно-установленного порядка управления и правосудия.

Современники, характеризуя порядок управления Сибирью по модели М. М. Сперанского, отмечают расширение генерал-губернаторских полномочий, недопущение генерал-губернаторами вмешательства в свою деятельность и отставание ими административной обособленности региона, что в итоге противоречило интегративной имперской политике, привело к неспособности Советов Главных управлений оказывать воздействие на генерал-губернаторов в силу стоворчivosti членов, низкой результативности губернских советов, ставших, по сути, губернскими канцеляриями.

Заключение

Принятие «Учреждения для управления Сибирских губерний» в 1822 г. преследовало цель создания оптимальной модели управления на обособленной территории Российской империи, что стало важным шагом реформирования местного управления, попыткой нейтрализации беззакония и произвола, на практике не получившей должного развития в силу недостаточности реализации принципа верховенства закона. Новые сибирские узаконения противоречили унифицированной политике Российской империи, заявленной Петром I. «Учреждение для управления Сибирских губерний», равно как и «Устав об управлении инородцами», консервировало социокультурную специфику Сибири, затрудняя дальнейшие интеграционные процессы. Но стоит отметить жизнеспособность данной модели управления вплоть до упразднения генерал-губернаторств Западной и Восточной Сибири в 1882 г. и 1887 г. соответственно, когда сибирские губернии стали подчиняться общему порядку губернского управления. Таким образом, Сибирское учреждение и другие инициативные М. М. Сперанским сибирские узаконения можно охарактеризовать как первый опыт кодификации, предопределивший дальнейшую систематизацию законодательства Российской империи.

³ В Сибирских учреждениях не получила своего нормативного закрепления лишь идея создания системы местного самоуправления, которая могла бы сдерживать произвол чиновников. Думается, причина этого достаточно проста – в Сибири практически отсутствовали представители высшего сословия, без участия которых система не могла бы функционировать.

Литература

1. Красняков Н. И. «Сибирский формат» регионального управления в Российской империи (XVIII – начало XX вв.). Екатеринбург, 2006. 238 с.
2. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. 472 с.
3. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 362 с.
4. Ремнев А. В. Управление Сибирью и Дальним Востоком в XIX – начале XX вв. Омск: ОмГУ, 1991. 88 с.
5. Прутченко С. М. Сибирские окраины. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1899. 405 с.
6. Градовский А. Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // Собрание сочинений А. Д. Градовского. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. Т. 1. С. 299–338.
7. Крестьянников Е. А. «Система Сперанского» и эффективность деятельности юстиции Западной Сибири // Журнал российского права. 2015. № 12. С. 27–38. DOI: 10.12737/16627
8. Авдеева О. А. Судебная система Восточной Сибири в XVII – первой половине XIX вв. Иркутск: ИГЭА, 1999. 208 с.
9. Гаврилова А. В. Взаимодействие должностных лиц региональной прокуратуры с административными и судебными учреждениями Тобольской и Иркутской губерний в контексте реализации надзорной функции (конец XVIII – начало XIX вв.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4-2. С. 210–215.
10. Ивонин А. Р. Губернское управление в Западной Сибири в середине XIX в. // Вопросы археологии и истории Сибири. Памяти профессора А. П. Уманского: сб. тр. конф. (Барнаул, 4–6 декабря, 2008 г.) Барнаул, 2008. С. 110–161.
11. Рабцевич В. В. Сибирский город в дореформенной системе управления / отв. ред. М. М. Громько, Н. Н. Покровский. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984. 197 с.
12. Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири, с 1819 по 1822 год. СПб.: Тип. 2 отд. Собств. е. и. вел. канцелярии, 1872. 801 с.
13. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб.: Изд. И. М. Сибирякова, 1892. 720 с.
14. Середонин С. М. Сперанский, граф Михаил Михайлович // Русский биографический словарь. Т. 19: Смеловский – Суворина / под набл. А. А. Половцева. СПб.: Имп. Рус. ист. о-во, 1909. С. 193–241i.
15. Ядринцев Н. М. Сперанский и его реформы в Сибири // Вестник Европы. 1876. Т. 3. Кн. 5. С. 93–116.

original article

Provincial Administration in Siberia in the Context of M. M. Speransky's Reform

Stanislav O. Gavrilov^a; Angelika V. Gavrilova^{a,*}; Nadezhda V. Kozlova^a^a Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

* anzhik77@mail.ru

Received 27.03.2020. Accepted 17.04.2020.

Abstract: The research featured the reasons behind the development of an optimal management model in Siberian provinces, which slowed down the integrative processes of the official imperial policy. Governor-General of Siberia M. M. Speransky intended to eliminate the legal nihilism and arbitrariness of Siberian bureaucracy. His ideas provided the basis for the so-called Institution for the Management of Siberian Provinces – a document that structured the administration of Siberian provinces in the first half of the XIX century. The document regulated all types of management and record keeping at the level of provinces and governorates. The research revealed the features of provincial administration, control, supervision, and subordination. The author analyzes the powers of Governors-General and Civil Governors as representatives of the Supreme power in provincial administrations. The article outlines the positive and negative characteristics of the transformation of the regional management model. The authors defined a contradiction between the legal provisions and the legal reality that developed after the implementation of the Institution for the Management of Siberian Provinces, which was due to both personnel inconsistencies and the discrete nature of the administrative policy of the autocracy in Siberia.

Keywords: governor-general, civil governor, general provincial administration, private provincial administration, provincial council, supervision, control, audit, subordination

For citation: Gavrilov S. O., Gavrilova A. V., Kozlova N. V. Provincial Administration in Siberia in the Context of M. M. Speransky's Reform. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(2): 153–160. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-2-153-160>

References

1. Krasniakov N. I. "Siberian format" of regional management in the Russian Empire (XVIII – early XX centuries). Ekaterinburg, 2006, 238. (In Russ.)
2. Iadrintsev N. M. *Siberia as a colony*. St. Petersburg: Tip. M. M. Stasiulevicha, 1882, 472. (In Russ.)
3. *Siberia as part of the Russian Empire*, eds. Dameshek L. M., Remnev A. V. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007, 362. (In Russ.)
4. Remnev A. V. *Management of Siberia and the Far East in the XIX – early XX centuries*. Omsk: OmGU, 1991, 88. (In Russ.)
5. Prutchenko S. M. *Siberian margin*. St. Petersburg: Tip. A. S. Suvorina, 1899, 405. (In Russ.)
6. Gradovskii A. D. Historical essay on the establishment of the general government in Russia. *Collected works of A. D. Gradovskiy*. St. Petersburg: Tip. M. M. Stasiulevicha, 1899, vol. 1, 299–338. (In Russ.)
7. Krestyannikov E. A. "Speranskiy's system" and efficiency of justice administration in Western Siberia. *Journal of Russian Law*, 2015, (12): 27–38. (In Russ.) DOI: 10.12737/16627
8. Avdeeva O. A. *The judicial system of Eastern Siberia in the XVII – first half of the XIX centuries*. Irkutsk: IGEA, 1999, 208. (In Russ.)
9. Gavrilova A. V. The interaction of the officials of the regional prosecutor's office with administrative and judicial institutions of Tobolsk and Irkutsk provinces in the context of the implementation of the oversight function (late 18th – early 19th centuries). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (4-2): 210–215. (In Russ.)
10. Ivonin A. R. Provincial administration in Western Siberia in the middle of the XIX century. *Issues of archeology and history of Siberia. In memory of Professor A. P. Umansky: Proc. Conf.*, Barnaul, December 4–6, 2008. Barnaul, 2008, 110–116. (In Russ.)
11. Rabtsevich V. V. *Siberian city in the pre-reform management system*, eds. Gromyko M. M., Pokrovskii N. N. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1984, 197. (In Russ.)
12. Vagin V. I. *Historical information about the activities of count M. M. Speransky in Siberia, from 1819 to 1822*. St. Petersburg: Tip. 2 otd. Sobstv. e. i. vel. kantseliarii, 1872, 801. (In Russ.)
13. Iadrintsev N. M. *Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms*. St. Petersburg: Izd. I. M. Sibiriakova, 1892, 720. (In Russ.)
14. Seredonin S. M. *Speransky, Count Mikhail Mikhailovich. Russian biographical dictionary. Vol. 19: Smelovsky – Suvorina*, ed. Polovtsev A. A. St. Petersburg: Imp. Rus. ist. o-vo, 1909, 193–241i. (In Russ.)
15. Iadrintsev N. M. Speransky and his reforms in Siberia. *Vestnik Evropy*, 1876, vol. 3, book 5, 93–116. (In Russ.)

Законодательная база регулирования физкультуры и спорта в Кузбассе (1985–2008 гг.)

Владимир Н. Казьмин^{а, @}; Маргарита В. Казьмина^а; Евгения С. Юзупкина^б

^а Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

^б Губернаторский многопрофильный лицей-интернат, Россия, г. Кемерово

@ vladkaz231@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.06.2020. Принята к печати 06.07.2020.

Аннотация: Предметом анализа являются особенности законодательного регулирования физкультуры и спорта в разные исторические периоды. Цель – выявление характерных черт и особенностей нормативно-правовой базы советского и постсоветского периодов для использования этого опыта в современных условиях. При написании данной работы использованы следующие методологические принципы. Принцип научности, предполагающий использование широкого круга опубликованных и неопубликованных, в том числе архивных документов, научной литературы, которая позволяет определить уровень состояния изученности темы. Принцип историзма, позволяющий выявить состояние правового регулирования в различные исторические эпохи, особенности и характер произошедших изменений. Главным методом при раскрытии содержания темы является сравнительно-юридический. Он позволяет выявить характер правовой базы, ее содержание в советский период и качественные изменения, которые произошли в связи с изменением общественно-политической системы. Использованная методологическая база позволила выделить ряд этапов в развитии правовой базы физической культуры и спорта в Кемеровской области. Первый – середина 1980-х гг. – начало 1990-х гг. – время действия советских норм права. Второй – с начала и до конца 1990-х гг. – переходный, когда в масштабе России шел активный процесс поиска нормативно-правового регулирования отрасли от основ законодательства (1993) до принятия Закона (1999). Третий – первое десятилетие 2000-х гг., когда законодательство вышло на новый уровень с вступлением в силу в 2008 г. ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и принятием аналогичного документа в Кузбассе. В этой связи можно говорить о формировании спортивного права как системы правовых норм, регулирующих отношения, складывающиеся в сфере физической культуры и спорта на федеральном и региональном уровнях. Результаты и выводы проведенного исследования могут быть востребованы при выработке нормативно-правовой базы федеральными и региональными органами законодательной власти, научным сообществом, юристами, занимающимися вопросами спортивного и физкультурного права.

Ключевые слова: конституция, правовое регулирование, законодательная база, советский период, постсоветский период, Кемеровская область

Для цитирования: Казьмин В. Н., Казьмина М. В., Юзупкина Е. С. Законодательная база регулирования физкультуры и спорта в Кузбассе (1985–2008 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 2. С. 161–167. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-2-161-167>

Введение

Период 1985–2008 гг. актуален и интересен своей спецификой. Он характеризуется переходом от социалистической системы к рыночной модели развития. Данное обстоятельство коренным образом повлияло на жизнь российского общества в целом и привело к существенным изменениям в развитии физической культуры и спорта (ФКиС).

Система ФКиС, действовавшая в середине 1980-х гг., вывела советский спорт на уровень высших мировых показателей, а также решала вопросы организации физического воспитания населения и массового спортивного движения. Однако в 1990-е гг. в связи с началом перехода к рынку обострилась проблема правового обеспечения функционирования ФКиС в новых условиях.

Проблеме федерального регулирования правовой базы ФКиС посвящен ряд работ. С. Н. Братановский [1],

П. А. Виноградов [2; 3], А. П. Душанин [2–4], Е. Б. Галиева [5], В. А. Голов [6], Л. Е. Давидсон [7] рассмотрели этот вопрос в контексте государственной политики в области ФКиС. В статьях С. В. Алексеева и Р. Г. Гостева [8], Н. А. Жабина [9; 10], В. Н. Зуева [11], И. С. Кузнецова [12], Л. В. Чхутиашвили [13] проанализированы отдельные аспекты правовой базы ФКиС на разных хронологических этапах в современной России. Региональным аспектам заявленной темы частично посвящены работы Т. В. Сарычевой [14; 15] и Ю. Д. Якубова [16].

Специальных работ, посвященных законодательному регулированию ФКиС в Кемеровской области (Кузбассе) в 1985–2008 гг., нет. Однако период 1991–2007 гг. в контексте государственной политики в области ФКиС исследовала Я. Ю. Ратушная [17] и пришла к заключению, что применительно к указанной хронологии можно выделить

самостоятельный этап в становлении государственной политики в области ФКиС РФ. Я. Ю. Ратушная показала в том числе как изменялась законодательная база в сфере ФКиС Кузбасса.

На наш взгляд, такое утверждение носит дискуссионный характер. Применительно к Кемеровской области логично выделить 1991–2008 гг., т. к. в апреле 2008 г. Советом народных депутатов региона был принят закон «О физической культуре и спорте в Кемеровской области»¹, регламентирующий основные положения в рамках субъекта РФ. Этим документом было завершено оформление законодательной базы ФКиС в регионе. На наш взгляд, в периоде 1991–2008 гг. логично выделить два этапа, границей между которыми является конец 1990-х гг. Кроме того, важно обратиться к выявлению отличительных черт в развитии законодательной базы ФКиС в советский и постсоветский периоды.

Правовое регулирование физкультуры и спорта в советский период

Проблема правового регулирования ФКиС в советский период имела свою специфику. Первоначально базовым документом этого периода являлась Программа КПСС, принятая в 1961 г., ставившая цель построения коммунизма в стране. В ней говорилось о необходимости воспитания гармонично развитой личности. Одной из сторон воспитания такой личности считалось физическое здоровье, необходимое для полноценного труда и защиты Отечества. Этим и определялись основные задачи в сфере физического воспитания и спорта².

Конкретизировала цели и задачи в этой сфере принятая в 1977 г. Конституция СССР, в которой был сформулирован ряд статей по развитию ФКиС. В частности, указывалось на ответственность государства за развитие ФКиС. Возможность заниматься этим видом деятельности провозглашалась конституционным правом советского человека³. Данное право также было закреплено в ст. 49 Основ законодательства СССР.

Конституция СССР наделяла правом исполнительный орган (Совет Министров СССР) создавать ведомственные структуры по различным направлениям социальной деятельности. В области ФКиС таким органом стал Спорткомитет СССР. Этот орган должен был координировать и руководить вопросами ФКиС в стране. Он был наделен по отношению к спортивным организациям и другим структурам распорядительными и управленческими полномочиями.

Свои функции Спорткомитет СССР реализовывал через республиканские комитеты, которые в свою очередь руководили ФКиС через комитеты при исполкомах местных Советов народных депутатов. Республиканские и местные комитеты в пределах предоставленных им прав организовывали развитие ФКиС на соответствующих территориях, в том числе Кузбасса. Таким образом, была создана четкая централизованная система управления и соподчиненности.

Следует отметить, что свое особое место в организационно-управленческой структуре на территориях имели советы коллективов по развитию физической культуры, работавшие совместно с общественными организациями⁴.

4 июня 1990 г. был принят закон «О предприятиях в СССР». В его четвертой главе «Управление предприятием и самоуправление» в ст. 17 отмечалось, что в коллективном договоре регулируются вопросы социального развития коллектива и здоровья его членов⁵.

Для нас интересна ст. 36, где отмечалось, что предприятие имеет право на строго добровольной основе как принимать участие в формировании внебюджетных целевых финансовых фондов республик и местных Советов народных депутатов, так и участвовать в работе по комплексному экономическому и социальному развитию территории, проводимой местным Советом народных депутатов, за счет средств местного бюджета⁶. Это привело к тому, что произошло прекращение или сокращение финансирования ФКиС на предприятиях страны, в том числе в Кузбассе.

Правовое регулирование в постсоветский период

Необходимость изменений правовых актов в сфере ФКиС возникла после распада Советского Союза. Особо нуждалась в правовом регулировании система управления ФКиС РФ. На это был направлен Указ Президента РФ № 546 от 1 июня 1992 г., где говорилось о создании Координационного совета по ФКиС при Председателе Правительства РФ⁷. На Координационный совет возлагались следующие обязанности: разработка и проведение государственной политики в области физического воспитания и спорта; координация деятельности государственных, общественных и спортивных организаций. Для формирования материальной базы ФКиС создавался Национальный фонд спорта. Правительство должно было предоставить льготы в налогообложении указанному Фонду.

Важной вехой в правовом регулировании проблем ФКиС стало принятие Верховным Советом РФ 23 апреля 1993 г.

¹ О физической культуре и спорте. Закон Кемеровской области от 25.04.2008 № 30-ОЗ // Кузбасс. 29.04.2008. № 76.

² Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) (с изм. и доп.) (прекратила действие) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 12.10.1977. № 41. Ст. 617.

³ Там же.

⁴ ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 764. Л. 29.

⁵ О предприятиях в СССР. Закон СССР от 04.06.1990 № 1529-1 (прекратил действие) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 20.06.1990. № 25. Ст. 460.

⁶ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 63. Д. 102. Л. 127.

⁷ О структуре государственного управления физическим воспитанием и спортом в РФ. Указ Президента РФ от 01.06.1992 № 546 (с изм. и доп.) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и ВС РФ. 11.06.1992. № 23. Ст. 1278.

закона «Основы законодательства Российской Федерации о физической культуре и спорте»⁸.

Базовые установки этого закона были включены в принятую в 1993 г. Конституцию РФ. В целом ряде статей закреплялись права граждан России на охрану здоровья. В том числе ст. 41 указывала: «В Российской Федерации финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию»⁹.

Мы должны отметить определенную преемственность Конституций 1977 г. и 1993 г. в вопросах роли ФКиС в укреплении здоровья народа. Правда, есть и отличительная особенность в Конституции РФ 1993 г. Кроме возможности привлечения частной собственности, в ней отмечалось, что регулирование общих вопросов ФКиС относится к совместному ведению РФ и ее субъектов.

Детализация, принципы и основные направления работы органов управления ФКиС содержались в законе «Основы законодательства Российской Федерации в сфере физической культуры и спорта». Здесь четко выделялась компетенция государственных органов управления ФКиС; роль и место государственных программ, спортивных федераций; вопросы финансирования; значение пропаганды среди населения с помощью средств массовой информации.

Мы солидарны с мнением авторитетных специалистов в области спортивного права С. В. Алексеевым и Р. Г. Гостевым [8] о межотраслевом характере этого закона. Действительно, данный закон состоит из комплекса статей из гражданского, налогового, земельного, трудового права.

Новый уровень развития правовых основ ФКиС показывает закон от 29 апреля 1999 г. «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»¹⁰. В структурном плане закон состоял из 7 глав, которые включали 44 статьи. Он отразил реальное положение состояния ФКиС в РФ в конце XX в. Однако новая политическая и социальная реальность потребовала изменений подходов к проблеме физического воспитания и спорта, что нашло выражение в принятом 4 декабря 2007 г. ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»¹¹.

В данном законе наблюдается определенная преемственность с предыдущими правовыми актами в вопросе государственного регулирования. В то же время он был направлен на совершенствование законодательной базы в соответствии с новыми условиями социально-экономического развития страны. Закон четко определял содержание компетенций

и распределение их между государством и спортивными организациями. Не обошел он вниманием и материальные условия развития ФКиС. С точки зрения законодательной техники в нем четко определялись объекты и субъекты регулирования, характер отношений между ними. Особое внимание в законе уделялось определению полномочий Олимпийского комитета России, Паралимпийского комитета России, Сурдлимпийского комитета России. Наряду с функциями, которые они должны были выполнять, достаточно конкретно определялись источники финансирования, в том числе не только за счет государства, но и с привлечением средств бизнеса и граждан. Достоинством данного закона являлось установление четких юридических норм, которые регулировали правоотношения между различными субъектами в сфере ФКиС.

Наличие законодательной базы позволило Правительству РФ определить конкретные меры по развитию ФКиС в регионах страны. В частности, этой проблеме был посвящен специальный раздел в принятой Правительством РФ 17 ноября 2008 г. «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года». В разделе «Развитие физической культуры и спорта» определялась главная цель – способствовать и создавать все необходимые условия для здорового образа жизни граждан¹².

В указанной концепции содержались и основные направления развития ФКиС в стране. Приоритет отдавался системе массового привлечения народа к занятиям физкультурой. Для этого ставилась задача строить объекты физкультуры по месту жительства на дворовых территориях. Создание спортивных секций и клубов должно было стимулировать привлечение к занятиям детей.

Развитие ФКиС требовало также обращения внимания на подготовку кадров. Для этого организовывался специальный фонд и новая система оплаты труда за качество работы. Денежные средства выделялись как из бюджетных средств государства, так и коммерческими организациями.

Приоритетное значение для пропаганды ФКиС отводилось средствам массовой пропаганды. Это, прежде всего, относилось к печатным спортивным изданиям, телевидению, которые должны были квалифицированно освещать соревнования разного уровня.

Другим важным направлением в Концепции считалась необходимость повышения эффективности выступлений наших спортсменов на международных соревнованиях. После развала советской системы подготовки и управления спортом многие достижения тренерских и спортивных школ были утрачены.

⁸ Основы законодательства РФ о физической культуре и спорте. Закон от 23.04.1993. № 4868-I (с изм. и доп.) (утратил силу) // Ведомости ВС РФ. 03.06.1993. № 22. Ст. 784.

⁹ Конституция РФ (принята на всенародном голосовании 12.12.1993) (с поправками).

¹⁰ О физической культуре и спорте в РФ. ФЗ от 29.04.1999 № 80-ФЗ (с изм. и доп.) (утратил силу) // СЗ РФ. 03.05.1999. № 18. Ст. 2206.

¹¹ О физической культуре и спорте в РФ. ФЗ от 04.12.2007 № 329-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 10.12.2007. № 50. Ст. 6242.

¹² Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 24.11.2008. № 47. Ст. 5489.

В документе указывалось на то, что надо учитывать прежние достижения спортивных организаций, но главным является задача модернизации всех сторон спортивной отрасли. Модернизация предполагала: подготовку тренерских кадров, знающих современные методики подготовки спортсменов; создание спортивной инфраструктуры, способной обеспечить высокие результаты спортсменам по разным видам спорта на международных соревнованиях и олимпиадах; материальное стимулирование спортсменов за высокие спортивные результаты.

Таким образом, федеральное российское законодательство и органы власти создали предпосылки регионам для законотворческой деятельности в области ФКиС.

Правовое регулирование физкультуры и спорта в Кузбассе

Отправной точкой в регулировании проблем ФКиС в Кузбассе следует считать вторую половину 90-х гг. XX в. В это время департамент ФКиС неоднократно вносил свои предложения по данной проблеме в проекты предлагаемых центральной властью реформ. Самим департаментом был разработан проект закона о развитии спорта, физкультуры и туризма в регионе¹³.

Важным для создания нормативно-правовой базы области стал 1997 г., когда администрация региона приняла целый ряд постановлений, направленных на развитие и привлечение жителей Кузбасса к спортивно-массовым мероприятиям.

Например, Кузбасс известен в России своей школой бокса, которой в 1997 г. исполнилось 50 лет. Достижения кузбасского боксера Юрия Арбачакова являются достоянием не только страны, но и получили широкую известность и признание во всем мире. В связи с юбилейными событиями администрация области приняла ряд нормативно-правовых документов по проведению мероприятий и турниров, которые способствовали популяризации и пропаганде данного вида спорта. Неслучайно, что боксерская школа региона до настоящего времени находится в числе лидеров в стране.

Анализ источников по данной теме показывает, что наблюдался процесс достаточно тесного взаимодействия административных органов с законодательными структурами, оперативность в решении проблем, возникавших в сфере ФКиС. Особенно это характерно при разработке комплексных региональных программ.

Комплексные региональные программы в структурном и содержательном плане, как правило, включали разделы о перспективах и направлениях деятельности в сфере ФКиС. Это, например, характеризует программу

«Качество жизни», включавшую меры по развитию ФКиС на территориях Кузбасса¹⁴.

При составлении комплексных программ развития региона осуществлялся дифференцированный подход по развитию ФКиС среди разных возрастных категорий населения. Например, в программу «Дети Кузбасса» было включено положение о необходимости физического развития ребенка начиная с детского сада и до получения аттестата зрелости. Конкретные мероприятия этой программы по физическому развитию были закреплены в специальном разделе «Здоровое поколение».

В программе «Молодежь Кузбасса», принятой в 2002 г., не только определялись мероприятия по развитию ФКиС, но и были обозначены источники финансирования, в том числе за счет поддержки Российской физкультурно-спортивной организации «Юность России»¹⁵.

Также в законе о бюджете Кемеровской области выделялись средства на реализацию целевой федеральной программы по развитию ФКиС на перспективу 2006–2015 гг.¹⁶ В целом необходимо констатировать усиление законодательной деятельности в сфере ФКиС с началом XXI в. как на федеральном, так и региональном уровнях.

В сентябре 2006 г. в Кузбассе был принят закон «О физической культуре и спорте», который в связи с особым вниманием к проблемам ФКиС со стороны федеральных и региональных властей дорабатывался и уточнялся¹⁷. Однако задачи в сфере ФКиС требовали более четкого правового регулирования на федеральном и региональном уровнях. В этой связи в Кузбассе в апреле 2008 г. был принят новый закон «О физической культуре и спорте». В структурном плане он состоял из пяти глав. Кратко остановимся на их характеристике.

Первая глава носила теоретико-методологический характер, в ней формулировались общие положения о задачах конкретных организаций, связанных с организацией ФКиС в регионе. Далее были определены принципы, на которых должна строиться работа в области. К ним относились доступность для всех групп населения; формирование здорового образа жизни.

Во второй главе определялись полномочия и функции структур власти Кузбасса в вопросах ФКиС. Законодательный орган, Совет народных депутатов, был уполномочен регулировать вопросы права, финансирования и контроля выполнения решений в этой сфере.

Администрация области должна была разрабатывать программы развития, финансового обеспечения, организации порядка проведения спортивных и физкультурных

¹³ ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 992. Л. 5.

¹⁴ ГАКО. Ф. Р-411. Оп. 1. Д. 944. Л. 3–4.

¹⁵ Об областном бюджете на 2002 год. Закон Кемеровской области от 19.12.2001 № 128-ОЗ // Кузбасс. 21.12.2001. № 237; Об областном бюджете на 2003 год. Закон Кемеровской области от 23.12.2002 № 109-ОЗ. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/990303493> (дата обращения: 11.01.2018); Об областном бюджете на 2004 год. Закон Кемеровской области от 09.12.2003 № 63-ОЗ. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/990304187> (дата обращения: 11.01.2018); Об областном бюджете на 2005 год. Закон Кемеровской области от 10.12.2004 № 91-ОЗ. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/412809950> (дата обращения: 11.01.2018).

¹⁶ Федеральная целевая программа «Развитие физической культуры и спорта в РФ на 2006–2015 гг.». Утв. постановлением Правительства РФ от 11.01.2006 № 7.

¹⁷ О физической культуре и спорте. Закон Кемеровской области от 17.10.2006 № 126-ОЗ // Кузбасс. 20.10.2006. № 197.

мероприятий, материального обеспечения команд, обеспечения безопасности при проведении соревнований и др.

В законе указывалось, что администрация области берет на себя обязательство вместе с региональными спортивными федерациями обеспечить условия для подготовки и участия команд и спортсменов Кузбасса в соревнованиях международного и всероссийского уровней. Актуальным в принятом законе являлось и положение о необходимости создания условий для занятий ФКиС такой категории населения, как инвалиды.

Третья глава закона была посвящена организационным вопросам. В ней конкретно определялись принципы деятельности спортивных федераций; формирования команд, отстаивающих честь области; меры по реализации комплекса ГТО.

Заключительные главы закона рассматривали проблемы источников финансирования ФКиС. Кроме бюджетного финансирования предоставлялась возможность привлечения разнообразных источников, включая участие бизнеса. Существенной мерой материальной поддержки ФКиС являлось предоставление организациям, связанным с ФКиС, льгот по налогам. Учитывался в законе и социальный аспект, в частности, предоставлялась возможность бесплатных занятий на государственных спортивных объектах детям малоимущих и многодетных семей, сиротам и инвалидам¹⁸.

Следует отметить, что в сфере законодательного регулирования ФКиС Кузбасс являлся одним из лидеров в стране. Это констатируют и видные специалисты в области спортивного права С. В. Алексеев, Р. Г. Гостев. Они считают, что только к 2013 г. подобные законы существовали в большинстве регионов страны [8].

Выводы

В советский период регулирование сферы ФКиС осуществлялось на основе конституционных гарантий и решений высших партийных и государственных органов. Специальная нормативно-правовая база не разрабатывалась и не применялась.

Смена общественно-политической системы и новых экономических отношений потребовала правового регулирования всех сфер жизни общества, в том числе вопросов ФКиС. Первые правовые документы в этом направлении носили в основном декларативный характер.

Литература

1. Братановский С. Н. Управление физической культурой и спортом в условиях реформ: Организационно-правовые проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 49 с.
2. Виноградов П. А., Душанин А. П. Органы управления развития физкультуры и спорта на федеральном уровне // Теория и практика физической культуры. 1997. № 1. С. 42–45.
3. Душанин А. П., Виноградов П. А. Анализ правовой базы физкультуры и спорта в России // Теория и практика физической культуры. 2000. № 6. С. 59–62.
4. Душанин А. П. Государственное управление физической культурой и спортом в Российской Федерации: Организационно-правовые вопросы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 22 с.

Ситуация в лучшую сторону существенно изменилась лишь с 2008 г. с вступлением в действие закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». На этой основе постепенно формируется спортивное право, где определяются правовые нормы по регулированию ФКиС в стране. Спортивное право становится частью общенационального права.

Свой путь по правовому регулированию прошли регионы, в том числе и Кузбасс. Основываясь на общероссийском законодательстве, они учли прежний опыт и специфику региональной спортивно-массовой деятельности. Особенности законодательного регулирования в Кемеровской области было взаимодействие с федеральными органами РФ, разработка региональных целевых программ, где существенное внимание уделялось законодательному регулированию проблем ФКиС.

Заключение

Правовое регулирование ФКиС в указанных хронологических рамках прошло сложный путь в связи с кардинальными (революционными) переменами общественно-политического устройства государства и общества. В советский период ФКиС рассматривалась как составная часть всестороннего развития личности. Это законодательно закреплялось в Конституциях СССР и союзных республик. Для решения этой задачи была построена жесткая система регулирования, управления и финансирования.

Разрушение этой системы в начале 90-х гг. XX в. привело к относительно длительному периоду хаотизации и неуправляемости, отсутствию четких правовых регуляторов. Только в начале 2000-х гг. начинает формироваться федеральная правовая база, которая отражает характер новых рыночных отношений в этой сфере.

Созданная федеральная правовая система позволяет и региональным законодательным структурам, в том числе Кузбасса, исходя из своих особенностей и традиций, разработать собственные программы развития ФКиС. Доказательством этому является содержательная часть регионального закона 2008 г. «О физической культуре и спорте», где в полной мере проявился комплексный подход к развитию ФКиС. Опыт и наработки кузбасских законодателей в дальнейшем были использованы другими субъектами РФ.

¹⁸ О физической культуре и спорте. Закон Кемеровской области от 25.04.2008 № 30-ОЗ.

5. Галиева Е. Б. Система государственного управления физической культурой и спортом // Научно-спортивный вестник Урала и Сибири. 2017. № 2. С. 34–39.
6. Голов В. А. Функции и социально-политическая деятельность государства в сфере физической культуры и спорта // Фундаментальные исследования. 2007. № 3. С. 41–43.
7. Давидсон Л. Е. Система органов государственного руководства физической культурой и спортом в Российской Федерации // Спорт: экономика, право, управление. 2009. № 1. С. 13–19.
8. Алексеев С. В., Гостев Р. Г. Предпосылки возникновения и развития спортивного права в Российской Федерации // Культура физическая и здоровье. 2013. № 4. С. 8–15.
9. Жабин Н. А. Развитие нормативной базы Российской Федерации в области управления физической культурой и спортом // Административное право и процесс. 2011. № 8. С. 47–50.
10. Жабин Н. А. Федеральный орган исполнительной власти в области физической культуры и спорта: актуальные вопросы административно-правового статуса // Юридический мир. 2012. № 2. С. 46–48.
11. Зуев В. Н. Законотворчество о физической культуре и спорте на уровне субъекта РФ // Теория и практика физической культуры. 2001. № 3. С. 41–46.
12. Кузнецов И. С. Спортивное право России как отрасль российского законодательства // Спорт: экономика, право, управление. 2004. № 4. С. 2–4.
13. Чхутиашвили Л. В. К вопросу совершенствования спортивного законодательства // Спорт: экономика, право, управление. 2012. № 3. С. 32–33.
14. Сарычева Т. В. Становление и развитие советской системы физической культуры в Западной Сибири (1920–1991 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2017. 1000 с.
15. Сарычева Т. В. Советская система физической культуры как социокультурный феномен XX века (на примере Западной Сибири, 1920–1991 гг.). Томск: Печатная мануфактура, 2019. 695 с.
16. Якубов Ю. Д. Основные проблемы региональной политики в области физической культуры и спорта в Российской Федерации // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. № 1. С. 242–250.
17. Ратушная Я. Ю. Государственная политика по развитию физической культуры и спорта в Кемеровской области: 1991–2007 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2012. 28 с.

original article

Legal Framework for Regulating Physical Education and Sports in Kuzbass (1985–2008)

Vladimir N. Kazmin ^{a, @}; Margarita V. Kazmina ^a; Evgeniya S. Yuzupkina ^b

^a Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

^b The Governor's Multidisciplinary Boarding School, Russia, Kemerovo

@vladkaz231@yandex.ru

Received 15.06.2020. Accepted 06.07.2020.

Abstract: The paper features legislative regulation of physical education and sports in different historical periods. The research objective was to describe the legal framework of the Soviet and post-Soviet periods in order to use the experience in modern conditions. The study was based on the following scientific principles and methods. The principle of scientific research made it possible to use of a wide range of published and unpublished archival documents and scientific sources. The principle of historicism allowed the authors to identify the state of legal regulation in various historical epochs, as well as the nature of the changes they underwent. The comparative legal method helped identify the nature of the legal framework, its content in the Soviet period, and the qualitative changes that occurred after the collapse of the Soviet Union. As a result, the authors identified a number of stages in the development of the legal framework in question. The period of the Soviet legal norms lasted from the mid 1980s to early 1990s. During the transitional period of the 1990s, Russia was actively searching for legal regulation: the basic legislation was adopted in 1993, and the Law itself entered into force in 1999. The third period began when the state law on physical education and sport was adopted in 2008. Soon after that, a similar document was released in Kuzbass. In this regard, the development of sports law is a system of legal norms that regulate relations in the field of physical education and sports at the Federal and regional levels. The results of the research can be used in the development of the regulatory framework by Federal and regional legislative bodies, the scientific community, and lawyers involved in sports and physical education law.

Keywords: Constitution, legal regulation, legislative base, soviet period, post-Soviet period, Kemerovo region

For citation: Kazmin V. N., Kazmina M. V., Yuzupkina E. S. Legal Framework for Regulating Physical Education and Sports in Kuzbass (1985–2008). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(2): 161–167. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-2-161-167>

References

1. Bratanovskii S. N. *Management of physical education and sports in the conditions of reforms: Organizational and legal problems*. Dr. Jurispr. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1997, 49. (In Russ.)
2. Vinogradov P. A., Dushanin A. P. Management bodies of physical culture and sport development at the Federal level. *Theory and practice of physical culture*, 1997, (1): 42–45. (In Russ.)
3. Dushanin A. P., Vinogradov P. A. Analysis of the legal framework of physical culture and sport in Russia. *Theory and practice of physical culture*, 2000, (6): 59–62. (In Russ.)
4. Dushanin A. P. *State management of physical culture and sports in the Russian Federation: Organizational and legal issues*. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2000, 22. (In Russ.)
5. Galieva E. B. Public administration physical culture and sports. *Nauchno-sportivnyj vestnik Urala i Sibiri*, 2017, (2): 34–39. (In Russ.)
6. Golov V. A. Functions and socio-political activity of the state in the sphere of physical culture and sport. *Fundamental research*, 2007, (3): 41–43. (In Russ.)
7. Davidson L. E. System of state management bodies of physical culture and sports in the Russian Federation. *Sport: Economy, law, management*, 2009, (1): 13–19. (In Russ.)
8. Alekseev S. V., Gostev R. G. Prerequisites of origination and development of sports law in the Russian Federation. *Physical Culture and Health*, 2013, (4): 8–15. (In Russ.)
9. Zhabin N. A. Development of the regulatory framework of the Russian Federation in the field of physical culture and sports management. *Administrative law and Procedure*, 2011, (8): 47–50. (In Russ.)
10. Zhabin N. A. Federal Executive authority in the field of physical culture and sport: actual issues of administrative and legal status. *Legal world*, 2012, (2): 46–48. (In Russ.)
11. Zuev V. N. Lawmaking on physical culture and sport at the level of the subject of the Russian Federation. *Theory and practice of physical culture*, 2001, (3): 41–46. (In Russ.)
12. Kuznetsov I. S. Sports law of Russia as a branch of Russian legislation. *Sport: Economy, law, management*, 2004, (4): 2–4. (In Russ.)
13. Chkhutiashvili L. V. On the issue of improving sports legislation. *Sport: Economy, law, management*, 2012, (3): 32–33. (In Russ.)
14. Sarycheva T. V. *Formation and development of the Soviet system of physical culture in Western Siberia (1920–1991)*. Dr. Hist. Sci. Diss. Tomsk, 2017, 1000. (In Russ.)
15. Sarycheva T. V. *The Soviet system of physical culture as a socio-cultural phenomenon of the XX century (the case of Western Siberia, 1920–1991)*. Tomsk: Pechatnaia manufaktura, 2019, 695. (In Russ.)
16. Yakubov Yu. D. Major problems of regional sport policy in the Russian Federation. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2014, 156(1): 242–250. (In Russ.)
17. Ratushnaya Ya. Yu. *The State policy on development of physical culture and sports of the Kemerovo region: 1991–2007*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 2012, 28. (In Russ.)

Цензы для лиц, оказывающих квалифицированную юридическую помощь

Виктор В. Россиев^{а, @}

^а Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

[@] rossiev1997@mail.ru

Поступила в редакцию 08.06.2020. Принята к печати 30.06.2020.

Аннотация: Рассматриваются критерии квалифицированной юридической помощи с целью определения профессиональных и образовательных цензов лиц, ее оказывающих. Констатируется, что в отечественном законодательстве отсутствует легальная дефиниция квалифицированной юридической помощи, встречаются лишь противоречивые квалификационные требования к юристам. Поскольку правовая помощь немыслима без защиты интересов лица в юрисдикционном порядке, в статье она рассматривается как деятельность судебного представителя. Приводится гибкое понятие квалифицированной юридической помощи, отвечающее современным запросам рынка юридических услуг. Делается вывод о недопустимости установления единообразных образовательных и профессиональных цензов для всех лиц, оказывающих правовую помощь. Признавая разумным требование о наличии высшего юридического образования у любого лица, представляющего интересы доверителя в юрисдикционном органе, автор утверждает, что в отдельных случаях о квалификации представителя будет свидетельствовать его осведомленность о фактических обстоятельствах дела, в связи с чем применительно к каждому поручению требуется соблюдать баланс компетенций представителя. Проводится анализ Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи Министерства юстиции РФ и объясняются объективные препятствия для реализации ее положений. Анализируется представленный в марте 2020 г. Министерством труда и социальной защиты РФ проект профессионального стандарта «Юрист», обосновывается его пробельность, несбалансированность и противоречие федеральным законам. Сделан общий вывод о преждевременности внедрения каких-либо унифицированных цензов для юристов.

Ключевые слова: юридическое образование, судебный представитель, профессиональный стандарт юриста, адвокатская монополия, профессиональное представительство, доступность правосудия

Для цитирования: Россиев В. В. Цензы для лиц, оказывающих квалифицированную юридическую помощь // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 2. С. 168–176. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-2-168-176>

Введение

С 1 октября 2019 г. вступил в силу закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее – Закон № 451-ФЗ), продолживший перманентную судебную реформу в России и в числе прочего существенным образом изменивший подходы к установлению квалификационных требований для представителя в гражданском процессе. Теперь договорными представителями в судах общей юрисдикции и арбитражных судах могут быть только адвокаты и лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности. В силу изъятия, закрепленного в ч. 2 ст. 49 ГПК РФ, указанный ценз не распространяется на представителей лиц, участвующих в деле при производстве у мирового судьи и в районных судах.

По нашему мнению, приведенная новелла Закона № 451-ФЗ, унифицирующая три гражданско-процессуальных кодекса (ГПК РФ, КАС РФ, АПК РФ), призвана повысить качество рассмотрения судами гражданских

и административных дел, т. е. обеспечить на более высоком уровне, нежели ранее, реализацию права на судебную защиту, гарантированного ч. 1 ст. 46 Конституции РФ. В ч. 1 ст. 48 Основного Закона декларируется право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, и, на первый взгляд, новые требования к статусу представителя как раз должны способствовать реализации указанной гарантии. Но справедливо ли это утверждение?

Понятие и критерии квалифицированной юридической помощи

Ни один современный российский нормативный правовой акт не содержит дефиниции квалифицированной юридической помощи. Этот термин упомянут лишь в Конституции РФ и в законе «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»². Декларируя право, государство так и не установило критерии, в силу которых правовая помощь может признаваться квалифицированной, что ставит под вопрос само ее оказание.

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ. ФЗ от 28.11.2018 № 451-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. 1). Ст. 7523.

² О бесплатной юридической помощи в РФ. ФЗ от 21.11.2011 № 324-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.

Нет единства по обозначенному вопросу и в доктрине. Так, А. И. Бугаренко, определяя сущность квалифицированной юридической помощи, разграничивает юридическую и правовую помощь: юридическая помощь сама по себе является квалифицированной, т. к. может оказываться исключительно адвокатами. Любая другая помощь, оказываемая иными специалистами и должностными лицами, является «квазиюридической», или правовой помощью [1, с. 18–19]. Аналогичным образом Конституционный Суд РФ в Постановлении от 28 января 1997 г. № 2-П³ указал, что единственным субъектом оказания именно квалифицированной юридической помощи может быть только адвокат. При этом государство, обеспечивая реализацию конституционного права граждан на получение квалифицированной юридической помощи, должно, во-первых, создать все условия для подготовки квалифицированных специалистов, а во-вторых, установить для них определенные квалификационные и профессиональные цензы. Между тем безапелляционное отнесение к профессиональному судебному представительству лишь деятельности адвокатов небесспорно [2, с. 85; 3, с. 217]. Сам по себе статус адвоката, невзирая на прохождение таким лицом квалификационных испытаний и высокие этические требования, не гарантирует оказание высококачественной помощи [4, с. 108–111].

Схожей позиции придерживается и Г. А. Жилин: юридической помощью будет являться деятельность любого представителя в суде, однако в зависимости от наличия либо отсутствия у него статуса адвоката, высшего юридического образования либо ученой степени по юридической специальности встает вопрос о квалифицированности такой помощи [5, с. 184]. То есть квалифицированную юридическую помощь могут оказывать не только адвокаты, но и лица, обладающие юридическим образованием. Предъявление объективных квалификационных требований к представителю должно иметь место не только на этапе вхождения в профессию, но и на постоянной основе для контроля внутри сообщества. Соответствующие цензы, по предложению Е. С. Любоенко, могут быть отражены в специальном нормативном акте – ФЗ «Об общих принципах юридической помощи» [6, с. 10]. Сегодня в России юристы все еще не являются членами единого сообщества, а адвокатская корпорация, хотя и значительная по субъектному составу, включает в себя сравнительно небольшую часть всех практикующих судебных представителей и юрисконсульты. Очевидно, без объединения всех лиц, оказывающих правовую помощь, в единую корпорацию регулировать их деятельность невозможно.

Само словосочетание *квалифицированная помощь* должно предполагать некие требования к лицу, ее оказывающему. Квалификационное требование о наличии высшего юридического образования предъявляется к лицам, оказывающим бесплатную юридическую помощь в соответствии

с ч. 1 ст. 8 закона «О бесплатной юридической помощи». Но универсальных требований к представителю, оказывающему квалифицированную юридическую помощь на возмездной основе, нет.

Категория *квалифицированная юридическая помощь* содержит в себе оценочные характеристики, что ввиду отсутствия легальной дефиниции требует теоретического осмысления. В литературе высказываются различные мнения относительно того, каким критериям должна отвечать юридическая помощь, чтобы называться квалифицированной. Ч. А. Дзотов отмечает, что на квалифицированность правовой помощи указывают ее полнота, эффективность и качество [7]. По мнению О. В. Невской, для признания юридической помощи квалифицированной следует определить, кто и как ее оказывает [8, с. 23]. Сохраняя указанные оценочные характеристики, необходимо также установить определенный профессиональный ценз в представительстве – уровень образования и квалификационные требования. А. А. Воронов, напротив, полагает, что квалифицированность оказываемой юридической помощи не всегда будет зависеть от профессиональных цензов [9]. Действительно, юридическое образование, статус адвоката или ученая степень по юридической специальности не всегда гарантируют компетентность субъекта в той или иной области юриспруденции.

Как разъяснил Верховный Суд РФ, соблюдение требований ч. 2 ст. 49 ГПК РФ, ч. 3 ст. 59 АПК РФ, ч. 1 ст. 55 КАС РФ о наличии высшего юридического образования у лиц, выступающих представителями в суде, может подтверждаться дипломом бакалавра, дипломом специалиста, дипломом магистра, дипломом об окончании аспирантуры (адъюнктуры) по юридической специальности, дипломом кандидата наук или дипломом доктора наук⁴. С учетом отсутствия легальных ограничений по получению юридического образования в магистратуре или аспирантуре лицами, не имеющими базового юридического образования, может возникнуть ситуация, когда выпускник бакалавриата естественнонаучного направления окончит магистратуру по программе, например, Космическое право, получит диплом о высшем юридическом образовании с присвоением ему квалификации магистра. Допустимо ли предположить, что такой юрист чем-то выгодно отличается от лица, не имеющего юридического образования, для целей представительства в гражданском процессе? Ответ очевиден – нет. Та же проблема с выпускниками аспирантуры по направлению 40.06.01 Юриспруденция, которые могут не иметь базового юридического образования и обучаться по направлениям, содержательно далеким от гражданского права или гражданского процесса [10, с. 167–169]. Сохраняются и проблемы с признанием иностранных дипломов о высшем юридическом образовании, поскольку юридическое образование заканчивается там, где

³ По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б. В. Антипова, Р. А. Гитиса и С. В. Абрамова. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.01.1997 № 2-П // СЗ РФ. 1997. № 7. Ст. 871.

⁴ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4. Утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019 // Верховный Суд РФ. Режим доступа: <http://vsrf.ru/documents/practice/28646/> (дата обращения: 08.03.2020).

пересекается граница государства, в котором образование получено. Поэтому наличие высшего юридического образования самоценностью быть не может.

Кроме того, в отдельных случаях участие в деле лица, обладающего специальными неюридическими познаниями, в качестве представителя де факто предпочтительнее. Речь идет о делах, в которых необходимо постоянное применение специальных технологических, технических, управленческих и иных познаний в процессе рассмотрения дела (споры о качестве оказания медицинской помощи, о защите исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности и т. д.). В указанном контексте на возможность привлечения по любому делу, наряду с юристом, в качестве представителя организации в арбитражном процессе связанного с ней лица, в частности ее учредителя (участника) или работника, не имеющего высшего юридического образования либо ученой степени по юридической специальности, однако обладающего, по мнению представляемой организации, необходимыми знаниями и компетенцией в области общественных отношений, спор из которых подлежит разрешению арбитражным судом, обращено внимание и Конституционным Судом РФ⁵. Фактически Конституционный Суд РФ в Постановлении № 37-П санкционировал уже сформировавшуюся в большинстве арбитражных судов практику обхода установленных ограничений, связанных с введением образовательного ценза представителя. Законодатель руководствовался этой же логикой при исключении патентных поверенных из числа субъектов, на которых распространяется вышеупомянутый образовательный ценз. Федеральный закон «О патентных поверенных»⁶ в качестве квалификационных требований к патентным поверенным, помимо наличия диплома о высшем образовании и достижения совершеннолетия, закрепляет обязанность лица постоянно проживать на территории РФ, иметь не менее четырех лет опыта работы в сфере деятельности патентного поверенного в соответствии со специализацией, применительно к которой гражданин желает быть зарегистрирован и аттестован. Патентным поверенным может быть лицо, не имеющее юридического образования. Приведенный пример подтверждает справедливость утверждения А. Г. Кучерены: «квалифицированность юридической помощи может быть гарантирована только тогда, когда субъект, ее оказывающий, может подтвердить свои знания и умения в соответствующей области» [11, с. 6].

Полагаем, критериями квалифицированности оказываемой юридической помощи являются ее полнота, эффективность и качество, наличие опыта у субъекта оказания такой помощи, профильного образования и навыков. Полнота оказываемой квалифицированной юридической помощи подразумевает, что субъект должен четко, разумно и добросовестно отстаивать права доверителя всеми не запрещенными законом способами. Представитель

не может гарантировать безоговорочную победу над оппонентом в деле, это бы свидетельствовало о его непрофессионализме, но обязан защищать права и законные интересы доверителя в соответствии с законом. Правовая помощь должна предполагать достижение искомого для доверителя результата – реальной защиты его права. Тем самым критерий полноты юридической помощи переходит в ее эффективность и качество. Представитель должен совместно с доверителем и в интересах последнего выбирать наиболее оптимальный способ защиты, который будет способствовать как процессуальной экономии, так и достижению материально-правового эффекта.

Такое добросовестное отношение представителя к своим обязанностям способствует и формированию уважительного отношения к правосудию и отечественной юстиции в целом. Задача деятельности представителя в идеале должна сводиться к разрешению проблемы доверителя наиболее приемлемым способом (зачастую финансово менее выгодным для представителя), в том числе посредством примирения с оппонентом, что не всегда может отвечать требованиям ведения юридического бизнеса. Все указанные характеристики, по сути, – оценочные, свидетельствуют о качестве оказываемых услуг, но в отличие от фактических, это услуги юридические (в гражданско-правовом значении), а значит оцениваемые в большей степени субъективно.

Наличие профильных знаний, навыка оказания правовой помощи и соответствующего опыта – также взаимосвязанные характеристики. Данные требования предполагают компетентность представителя в конкретном деле и свидетельствуют об осознании им существа обстоятельств дела, возможности применения необходимых норм права, актов толкования с целью формирования верной позиции по делу. Бесспорно, мы исходим из того, что представителем по делу должен быть юрист, безупречно ориентирующийся в процессуальном законодательстве, знающий применимое материальное право. Но в ряде случаев юридический навык не имеет столь важного значения по сравнению с осведомленностью о фактических обстоятельствах. Поэтому важно в каждом деле соблюдать баланс квалификации представителя.

Полагаем, деятельность компетентного представителя, обладающего навыками защиты прав и законных интересов доверителя в юрисдикционном порядке, отвечающая критериям полноты оказываемой помощи, ее эффективности и качества, может называться квалифицированной. И она не обязательно должна осуществляться лицами, имеющими статус адвоката, образование юриста либо ученую степень по юридической специальности. Поэтому изменения в части установления образовательного ценза, внесенные Законом № 451-ФЗ, не создают должных предпосылок оказания квалифицированной правовой помощи.

⁵ По делу о проверке конституционности части 3 статьи 59, части 4 статьи 61 и части 4 статьи 63 Арбитражного процессуального кодекса РФ в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Александра» и гражданина К. В. Бударина. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2020 № 37-П // Конституционный Суд РФ. Режим доступа <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision480342.pdf> (дата обращения: 22.07.2020).

⁶ О патентных поверенных. ФЗ от 30.12.2008 № 316-ФЗ // СЗ РФ. 2009. № 1. Ст. 24.

Квалифицированная юридическая помощь и адвокатская монополия

В 2017 г. распоряжением Правительства РФ был утвержден проект Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи⁷, разработанный Министерством юстиции РФ. Концепция имеет целью создание в стране регулируемого единого рынка юридических услуг на основе адвокатской корпорации. Данный документ призван решить основные проблемы рынка профессиональной юридической помощи и устранить недостатки правового регулирования адвокатской деятельности посредством усовершенствования института адвокатуры, снятия всех ограничений, затрудняющих организацию эффективной адвокатской деятельности, с помощью создания профессиональной системы оказания правовой помощи, отвечающей международным стандартам, а также условий для недопущения на рынок юридических услуг низкоквалифицированных юристов.

Первая редакция проекта Концепции была представлена Минюстом в 2015 г., но претерпев значительные изменения в части бизнес-составляющей реформы и интересов юристов, практикующих вне адвокатуры⁸, была скорректирована уже в 2017 г. Тем не менее даже в последней редакции воплощение Концепции в жизнь едва ли возможно. По нашему мнению, основополагающей задачей этой или подобной ей концепции должно быть обеспечение доступности квалифицированной юридической помощи для граждан РФ. Данное право гарантировано ст. 48 Конституции РФ. Основными аргументами против концепции Минюста являются недостаточная численность адвокатов в большинстве территорий РФ и высокая стоимость их услуг.

Согласно данным Федеральной палаты адвокатов, на начало 2019 г. в России статус адвоката имеют 80778 человек (из них более чем у 6 тыс. человек статус приостановлен), в Кемеровской области всего 847 адвокатов⁹. И хотя в данном показателе наблюдаются положительные изменения (по сравнению с 2017 г., число адвокатов в России возросло на 2287 человек¹⁰), такого количества специалистов недостаточно. В соответствии со статистикой Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2019 г. судами общей юрисдикции было рассмотрено 26893533 гражданских и административных дела¹¹, арбитражными судами – 1878546 дел¹². Способны ли адвокаты обеспечить представление интересов в 27,5 миллионах дел ежегодно, если в производстве каждого адвоката одновременно будет находиться минимум 356 дел, не считая уголовных дел

и административных материалов? Ответ очевиден, существующего на сегодняшний момент количества адвокатов явно недостаточно для удовлетворения потребностей рынка квалифицированной юридической помощи. И даже увеличение корпорации адвокатов в два-три раза едва ли позволит решить проблему.

Нужно учитывать территориальную специфику России: широкую географию и слишком неравномерное распределение квалифицированной юридической помощи¹³. Как правило, острой проблемы отсутствия достаточного количества адвокатов нет в Москве, Московской области, Санкт-Петербурге и региональных центрах. Но, если обратить внимание на менее крупные города, поселки городского типа, села, удалиться от административных центров, эта проблема сразу же становится очевидной. С. А. Халатов на примере Свердловской области указывает, что в мелких населенных пунктах и вовсе можно не встретить ни одного дипломированного юриста, не говоря уже и юристе со статусом адвоката [12]. Эта же проблема характерна и для Кемеровской области, равно как и для абсолютного большинства регионов страны. Существуют отдельные регионы России, где численность адвокатов является недопустимо малой: в Ненецком автономном округе всего 7 адвокатов, в Чукотском автономном округе – 42, в Республике Алтай – 62, в Еврейской автономной области – 64. Указанное еще раз доказывает недостаток численности адвокатов для реализации предложенной Минюстом концепции.

Еще один существенный вопрос, который должен быть учтен при внедрении положений концепции – это проблема оплаты услуг адвоката. Будучи членами корпорации, адвокаты несут дополнительные расходы на ее содержание, участвуют в системе оказания бесплатной юридической помощи, компенсируя свои затраты на это не только прямо из бюджетных источников, но и перераспределяя прибыль от возмездного оказания услуг. Адвокаты обязаны руководствоваться актами Совета адвокатской палаты субъекта, в том числе и решениями об установлении минимальных ставок вознаграждений. Не секрет, что частнопрактикующие юристы несут меньше накладных расходов, поэтому могут позволить устанавливать меньшую стоимость своих услуг. Поэтому важно понимать, в состоянии ли средне-статистический житель России оплатить услуги адвоката. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, на последний квартал 2019 г. гражданин РФ, проживающий в Кемеровской области, в среднем получал

⁷ Проект Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи (по состоянию на 24.10.2017) // Министерство юстиции РФ. Режим доступа: https://minjust.ru/sites/default/files/proekt_konceptii.docx (дата обращения: 16.04.2020).

⁸ Минюст разъяснил, как будет внедряться адвокатская монополия // Министерство юстиции РФ. Режим доступа: <https://minjust.ru/ru/smi-o-nas/minjust-razyasnil-kak-budet-vnedryatsya-advokatskaya-monopoliya> (дата обращения: 16.04.2020).

⁹ Адвокатская палата Кемеровской области. Режим доступа: <http://www.advpalatakem.ru/main/index.php> (дата обращения: 17.04.2020).

¹⁰ Сведения о составе адвокатского сообщества в Российской Федерации за 2018 год // ФПА РФ. Режим доступа: <https://fparf.ru/practical-information/statistics/data-on-the-composition-of-the-legal-community-in-the-russian-federation/> (дата обращения: 17.04.2020).

¹¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Режим доступа: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5258> (дата обращения: 17.04.2020).

¹² Сводный отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Режим доступа: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/AC1_svod-2019.xls (дата обращения: 17.04.2020).

¹³ Судебные издержки: слово Верховного Суда // Закон. 01.12.2015. № 12. С. 21.

в месяц 33 тыс. руб.¹⁴ Важно понимать, что эти данные очень усреднены и житель областного центра, скорее всего, будет иметь доход значительно больший, нежели гражданин, проживающий в периферийном населенном пункте.

В свою очередь, в Кемеровской области стоимость таких основополагающих услуг адвокатов, как устная консультация, составление иска, один день представительства в суде первой инстанции, в соответствии с рекомендованными Адвокатской палатой Кемеровской области минимальными ставками вознаграждений адвокатов¹⁵, составит не менее 15 тыс. руб. суммарно. При этом доверитель не получает никаких гарантий на успешную защиту прав и свобод. Данная проблема, действительно, не позволяет среднестатистическому жителю страны пользоваться услугами адвокатов, т. к. ему просто нечем за них заплатить.

Сама по себе концепция Минюста, основанная на государственной программе «Юстиция»¹⁶, подразумевает, что квалифицированную юридическую помощь на коммерческой основе смогут оказывать исключительно адвокаты. Все участники рынка юридической помощи, оказывающие сегодня квалифицированную юридическую помощь, в будущем приобретут статус адвоката. Как отмечает один из разработчиков проекта, заместитель Министра юстиции РФ Д. В. Новак, площадка адвокатуры имеет инструменты и механизмы для постоянного повышения квалификации адвокатов, а также его отстранения от оказания юридической помощи в случае нарушения ими закона или этических правил [13, с. 8, 12].

Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»¹⁷ в ст. 7 возлагает на адвокатов обязанность постоянно повышать уровень своей квалификации. И, по сути, адвокатская корпорация действительно является приемлемым базисом для реализации положения Концепции. Однако на текущий момент сам по себе статус адвоката не гарантирует оказание высокопрофессиональной юридической помощи. Поэтому при монополизации рынка юридических услуг необходимо решить вопрос как с количественными, так и с качественными критериями.

Еще один немаловажный вопрос, который необходимо решить перед реализацией концепции Минюста – это низкая привлекательность адвокатуры для частнопрактикующих юристов. Зачем успешной юридической компании, не являющейся адвокатским образованием, трансформировать свое корпоративное и организационно-правовое устройство,

переводить деятельность в некоммерческую организацию? Следует согласиться с Д. В. Новаком, предлагающим «внести в Закон об адвокатуре небольшие изменения, имплементировав в него уже привычные юридическому бизнесу формы ООО, АО, производственного кооператива и полного товарищества и допустив возможность создания адвокатского образования и в этих формах» [13, с. 14].

Но даже при таких изменениях необходимо повысить престиж статуса адвоката. Дать понять частнопрактикующим юристам, что важно получить статус адвоката. Важно иметь гарантии статуса, такие как адвокатская тайна, адвокатский запрос. Данные преференции выгодны и для доверителя, ведь последний должен быть уверен, что юрист, которому он доверился, обладает всем необходимым спектром возможностей для получения информации и обеспечения ее конфиденциальности. Если в ходе реформирования корпоративные юристы будут вынуждены иметь статус адвоката, кардинальным образом необходимо будет изменить правила трудового законодательства о субординации в трудовых отношениях и полноте подчинения требованиям работодателя.

Сегодня Концепция регулирования рынка профессиональной юридической помощи Министерства юстиции РФ и государственная программа «Юстиция» являются замороженными проектами. Концепция так и не была официально одобрена к реализации и, соответственно, ни один из этапов, предусмотренных данным документом, не претворен в жизнь¹⁸. Полное отсутствие отчетов о работе, каких-либо решений, встреч на протяжении уже 3 лет, с 2017 г. по 2020 г., заставляет усомниться в возобновлении работы над данной концепцией.

Проект профессионального стандарта «Юрист»: подход Минтруда к вопросу о квалификации юриста

Сегодня в РФ, помимо вышеупомянутых поправок в процессуальном законодательстве, государственных программ и концепций, проводятся иные попытки создать некие цензы для юристов. Например, Министерство труда и социальной защиты РФ представило проект профессионального стандарта «Юрист»¹⁹, в котором попыталось на примере юридической компании, оказывающей юридические услуги гражданам и не являющейся адвокатским формированием, классифицировать всех ее сотрудников в соответствии с их навыками, квалификацией и возложенным на них функционалом. Данный ценз подразумевает деление всего штата компании

¹⁴ Среднедушевые денежные доходы населения по субъектам Российской Федерации (новая методология) // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: <https://www.gks.ru/folder/13397> (дата обращения: 18.04.2020).

¹⁵ Рекомендованные минимальные ставки вознаграждений за отдельные виды юридической помощи, оказываемой по соглашениям адвокатами Кемеровской области, и размеры компенсаций командировочных расходов. Утв. Решением Совета АПКО от 28.01.2019 № 1/5 // Адвокатская палата Кемеровской области. Режим доступа: <http://www.advpalatakem.ru/docs/229.7z> (дата обращения: 07.05.2020).

¹⁶ Об утверждении государственной программы РФ «Юстиция». Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 312 (ред. от 29.03.2019) // СЗ РФ. 2014. № 18 (ч. II). Ст. 2158.

¹⁷ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ. ФЗ от 31.05.2002 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

¹⁸ Проект Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи // Министерство юстиции РФ. Режим доступа: <https://minjust.ru/ru/deyatelnost-v-sfere-advokatury/konceptiya-regulirovaniya-rynka-professionalnoy-yuridicheskoy> (дата обращения: 20.04.2020).

¹⁹ Об утверждении профессионального стандарта «Юрист». Проект Приказа Министерства труда и социальной защиты РФ // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. Режим доступа: <https://regulation.gov.ru/projects#nra=100744> (дата обращения: 06.04.2020).

на 4 группы: лица, занимающиеся вспомогательной деятельностью при оказании профессиональной юридической помощи; лица, занимающиеся правовым обеспечением деятельности организации и оказывающие юридическую помощь физическим лицам и их объединениям; лица, оказывающие профессиональную юридическую помощь при ведении дел в суде; лица, управляющие организацией.

Данная классификация подразумевает, как уже было отмечено, определенный образовательный ценз для каждой из групп. Так, юристы, отнесенные к первой группе и реализующие вспомогательные функции, должны иметь среднее профессиональное образование по программе 40.02.01 Право и организация социального обеспечения, а лица, входящие в третью группу работников, оказывающие профессиональную юридическую помощь при ведении дел в суде, должны иметь высшее образование уровня магистратуры (направление 40.04.01 Юриспруденция) или специалитета (программа 40.05.02 Правоохранительная деятельность). Означает ли это, что выпускники техникумов и высших учебных заведений, обучающиеся по другим образовательным программам (40.02.02 Правоохранительная деятельность, 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности, 40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность), останутся «за бортом» получаемой ими профессии? Непонятно и то, почему проект профстандарта не допускает выполнение трудовых функций представителя по гражданским и иным делам выпускника бакалавриата по направлению 40.03.01 Юриспруденция. По каким соображениям разработчики проекта профессионального стандарта «Юрист» игнорируют направления, включенные в укрупненную группу специальностей № 40 Юриспруденция²⁰, выпускники которых также считаются лицами, имеющими высшее юридическое образование, не ясно. По необъяснимым причинам проект обходит стороной и лиц, которые получили высшее юридическое образование до введения в действие текущих образовательных стандартов. В этой части стандарт, если он будет принят, вступает в прямое противоречие с законом «Об образовании в Российской Федерации» и процессуальными кодексами, а значит, в условиях иерархической коллизии по правилу *lex superior* просто не должен применяться [14, с. 56; 15, с. 7].

Обобщая выявленные недостатки проекта профессионального стандарта, стоит отметить, что рассматриваемый документ в целом очень узко определяет критерии квалификации юридической помощи, оказываемой представленной им стандартной юридической компанией. Минтруд, по сути, выделяет лишь профессиональный ценз и наличие опыта работы по юридической специальности.

По нашему мнению, предлагаемый Министерством труда и социальной защиты РФ профессиональный стандарт является абсолютно нежизнеспособным. Проект стандарта

не учитывает интересы всех лиц, получающих юридическое образование, т. е. потенциальных работников. Например, профессиональный стандарт не учитывает, как уже отмечалось ранее, юристов, получивших образование по программе 40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность. Создание данного направления подготовки специалистов было инициировано Министерством юстиции, Генеральной прокуратурой и Верховным Судом РФ. Казалось бы, кто, как не они, понимают, какой должна быть квалифицированная юридическая помощь и какие программы для обучения юристов необходимо создавать. Тем не менее Минтруд игнорирует данное направление, отдавая предпочтение другому, 40.05.02 Правоохранительная деятельность, хотя данная специальность ориентирована на подготовку кадров органов внутренних дел, Следственного комитета и прокуратуры, но никак не юристов, оказывающих правовую помощь организациям и гражданам.

Кроме того, представленным проектом профстандарта Минтруд ошибочно пытается объять необъятное. Представляя абстрактную идеальную модель организации работы юридического департамента или крупной юридической фирмы, разработчики стандарта не учитывают реалии. Работа юриста в каждом конкретном случае уникальна. В различных ситуациях от юристов требуются разные навыки и умения. В пункте 3.3.1 проекта профессионального стандарта «Юрист» в части необходимых знаний для лица, ведущего дела в гражданском и административном судопроизводстве, упоминается знание правил подведомственности и подсудности, но отсутствуют требования о знании правил о составе суда и отводах. Данный факт можно оправдать тем, что разработчики презюмируют такие знания у лица, выполняющего вышеупомянутые функции, но тогда встает вопрос, почему в этой презумпции отсутствуют правила компетенции суда как базис цивилистического процесса? Подобного рода избирательным указанием на навыки работника буквально пронизан весь проект профессионального стандарта. По нашему мнению, разработчикам необходимо либо точно указывать все компетенции юриста в своих профессиональных стандартах (а это едва ли возможно!), либо не указывать их вовсе, оставляя это в качестве «презумпции квалифицированности» выделенного субъекта²¹.

Все недостатки проекта заставляют говорить о его несостоятельности. Возможно, профессиональные стандарты положительно бы сказались на качестве работы юристов. У каждого был бы четко сформулированный перечень работы, которую он может и не может делать. Разделяя юристов на рабочие группы в соответствии с их квалификацией, на наш взгляд, можно было бы добиться реального улучшения качества юридической работы. Но делать это нужно, учитывая все нюансы работы, возможно, создавая отдельные профессиональные стандарты для каждого рода

²⁰ Приложение № 3. Перечень специальностей высшего образования – специалитета // Гарант. Режим доступа: <https://base.garant.ru/70480868/3e22e51c74db8e0b182fad67b502e640/> (дата обращения: 06.04.2020).

²¹ Минтруд представил проект профстандарта для юристов // Адвокатская газета. 02.04.2020. Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/novosti/mintrud-predstavil-proekt-profstandarta-dlya-yuristov/> (дата обращения: 07.04.2020).

деятельности юристов. Такой опыт уже есть, ведь существуют профессиональные стандарты для следователя-криминалиста, специалиста по конкурентному праву и специалиста по операциям с недвижимостью, которые более подробно описывают деятельность конкретно взятого специалиста.

Учитывая, что этап общественного обсуждения представленного проекта профстандарта завершен 10 апреля 2020 г., а сам проект получил огромное количество негативных отзывов и вызвал резонанс среди юристов, Минтруд на момент написания настоящей статьи так и не принял нормативный акт, утверждающий профессиональный стандарт в окончательной редакции. Остается надеяться, что в предложенной редакции стандарт просто не будет принят, поскольку иначе он, имея лишь рекомендательное значение, не будет применяться на практике, т. к. обязательное применение профессиональных стандартов должно быть определено законом (ч. 2 ст. 57, ч. 1 ст. 195.3 ТК РФ).

Заключение

Введение любого ценза для судебных представителей способно ограничить реализацию принципа доступности правосудия, включающего в себя территориальную и транспортную доступность, оптимальные сроки рассмотрения дела, приемлемый размер судебных издержек и др. Необоснованные ограничения прав лиц, участвующих в деле, в выборе кандидатуры представителя приведут к росту случаев самозащиты граждан по гражданским и административным делам, что лишь негативно скажется на качестве правосудия. Государству надлежит обеспечить соблюдение баланса качества отправления правосудия и его доступности для населения.

Полагаем, совокупность всех обозначенных факторов свидетельствует о том, что для оказания квалифицированной

юридической помощи вводить профессиональные или образовательные цензы представителя не обязательно. Помощь субъекта, обладающего высшим юридическим образованием, статусом адвоката, ученой степенью по юридической специальности, не всегда будет соответствовать критерию квалифицированности. На текущий момент образовательный ценз представителя введен для малого количества дел. Согласно данным судебной статистики, за 2019 г. лишь 0,27 % гражданских и административных дел, относящихся к компетенции судов общей юрисдикции, были рассмотрены по первой инстанции областными и иными приравненными к ним судами субъектов, военными судами и Верховным Судом РФ²². По остальным категориям дел, рассматриваемым в порядке ГПК РФ, образовательный ценз установлен лишь на проверочных стадиях. В этой связи реформа представляет собой полумеру. Видится правильным либо введение общего профессионального ценза во всех процессуальных кодексах, стадиях и видах судопроизводства, либо его невведение вовсе [10, с. 167].

Мы считаем, что в РФ консолидация юридических услуг в рамках деятельности одной корпорации, равно как и введение профессиональных цензов представителей преждевременна. Страны, в которых существует адвокатская монополия, достигли этого естественным эволюционным путем. В таких государствах граждане имеют ресурсы для обращения в суд и оплаты услуг адвоката. Представляется, что если бы население России могло себе позволить оплату услуг адвоката, вопрос о деятельности псевдоюристов, непрофессионалов и распространенности самозащиты не обсуждался бы. Юридическая монополия – это признак зрелой экономики и достаточно высокого уровня жизни населения. Это та цель, к которой Россия все еще стремится.

Литература

1. Бугаренко А. И. Теория, правовые аспекты и практика оказания гражданам бесплатной юридической помощи адвокатами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 28 с.
2. Попова Д. Г. Профессиональное судебное представительство: состояние и перспективы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 4. С. 84–91.
3. История и современные тенденции развития гражданского общества и государства: правозащитный аспект / под ред. С. О. Гаврилова, А. В. Гавриловой. М.: Проспект, 2019. 432 с. DOI: 10/31085/9785392296811-2019-432
4. Гармышев Я. В. К вопросу о квалифицированной юридической помощи в России // Сибирский юридический вестник. 2012. № 1. С. 108–113.
5. Жилин Г. А. Правосудие по гражданским делам. Актуальные вопросы. М.: Проспект, 2010. 574 с.
6. Любобенко Е. С. Конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи и механизм его гарантирования (российский и зарубежный опыт): автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2008. 28 с.
7. Дзотов Ч. А. Квалифицированную юридическую помощь вам оказывают или нет? // Молодой ученый. 2013. № 4. С. 383–386.
8. Невская О. В. Что такое квалифицированная юридическая помощь? // Адвокат. 2004. № 11. С. 23–25.
9. Воронов А. А. Некоторые проблемы реализации российской адвокатурой функции по оказанию квалифицированной юридической помощи // Адвокатура. Государство. Общество: сб. мат-лов III Всерос. конф. / отв. ред. С. И. Володина, Ю. С. Пилипенко. М.: Новый учебник, 2006. С. 21–23.
10. Дружинина Ю. Ф., Трезубов Е. С. Профессиональное представительство в цивилистическом процессе в свете судебной реформы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 2. С. 165–172. DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-2-165-172

²² Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год ...

11. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (постатейный) / под ред. А. Г. Кучерены. М.: Деловой двор, 2009. 248 с.
12. Халатов С. А. Достаточность адвокатов для оказания квалифицированной юридической помощи на примере населения Свердловской области // Вестник гражданского процесса. 2017. Т. 7. № 1. С. 249–260. DOI: 10.24031/2226-0781-2017-7-1-249-260
13. Новак Д. В. Задача концепции – создать стимулы для объединения участников рынка профессиональной юридической помощи // Закон. 2017. № 11. С. 6–19.
14. Петров А. А., Тихонравов Е. Ю. Пробелы и коллизии в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2019. 80 с.
15. Петров А. А. Вопросы преодоления коллизий норм кодексов, устанавливающих собственный приоритет // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 1. С. 4–23. DOI: 10.21638/spbu14.2019.101

original article

Qualifications for Legal Advisors

Victor V. Rossiev^{a, @}

^a Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

@ rossiev1997@mail.ru

Received 08.06.2020. Accepted 30.06.2020.

Abstract: The present research featured criteria of qualified legal assistance. The research objective was to determine the professional and educational qualifications of legal advisors. The current domestic legislation has no legal concept of qualified legal assistance, only some contradicting qualification requirements for lawyers. Since legal assistance requires protection of the interests of the person in a jurisdictional order, the author considered it as the activity of a court agent. The article provides a flexible concept of qualified legal assistance that meets modern requirements of the legal services market. The author proved that it is impossible to establish uniform educational and professional qualifications for all legal advisors. Recognizing the requirement for a higher legal education as reasonable, the author claims that the knowledge of the actual circumstances of the case can sometimes attest to the qualification of the representative. Therefore, each case requires a balance of competence. The research included a thorough analysis of the Concept of Regulation of the Professional Legal Assistance Market issued by the Ministry of Justice of the Russian Federation. The paper explains the objective obstacles to the implementation of these provisions. The author also analyzed the draft professional standard of a lawyer, submitted in March 2020 by the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation, and found it lacking, imbalanced, and contradicting to federal laws. Thus, any unified qualifications for lawyers are premature.

Keywords: legal education, judicial representative, professional standard of a lawyer, advocate monopoly, professional representation, accessibility of justice

For citation: Rossiev V. V. Qualifications for Legal Advisors. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(2): 168–176. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-2-168-176>

References

1. Bugarenko A. I. *Theory, legal aspects and practice of providing citizens with free legal assistance by lawyers*. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2010, 28. (In Russ.)
2. Popova D. G. Professional judicial representation: current situation and prospects. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2018, (4): 84–91. (In Russ.)
3. *The history and modern trends in the development of the civil society and the state (the human rights aspect)*, eds. Gavrilov S. O., Gavrilova A. V. Moscow: Prospekt, 2019, 432. (In Russ.) DOI: 10/31085/9785392296811-2019-432
4. Garmyshev Ya. V. To the question on the qualified legal aid help in Russia. *Siberian Law Herald*, 2012, (1): 108–113. (In Russ.)
5. Zhilin G. A. *Civil justice. Topical issues*. Moscow: Prospekt, 2010, 574. (In Russ.)
6. Lyubovenko E. S. *Constitutional right to receive qualified legal assistance and the mechanism of its guarantee (Russian and foreign experience)*. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2008, 28. (In Russ.)
7. Dzotov Ch. A. Do you have qualified legal assistance or not? *Molodoi uchenyi*, 2013, (4): 383–386. (In Russ.)
8. Nevskaja O. V. What is qualified legal assistance? *Advokat*, 2004, (11): 23–25. (In Russ.)

9. Voronov A. A. Some problems of the implementation by the Russian advocacy of the function of providing qualified legal assistance. *Advocacy. State. Society: Proc. III All-Russian Conf.*, eds. Volodina S. I., Pilipenko Yu. S. Moscow: Novyi uchebnik, 2006, 21–23. (In Russ.)
10. Druzhinina Yu. F., Trezubov E. S. Professional representation in the civil court under the judicial reform. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, 3(2): 165–172. (In Russ.) DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-2-165-172
11. *Scientific and practical commentary to the Federal Law of May 31, 2002, No. 63-FZ "On advocacy and lawyers in the Russian Federation" (itemized)*, ed. Kucherena A. G. Moscow: Delovoi dvor, 2009, 248. (In Russ.)
12. Khalatov S. A. Sufficiency of lawyers for rendering of competent legal assistance on the example of population of the Sverdlovsk region. *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, 2017, 7(1): 249–260. (In Russ.) DOI: 10.24031/2226-0781-2017-7-1-249-260
13. Novak D. V. The Concept aims at creating incentives for the association of professional market participants of legal assistance. *Zakon*, 2017, (11): 6–19. (In Russ.)
14. Petrov A. A., Tikhonravov E. Yu. *Gaps and conflicts of law*, 2nd ed. Moscow: Prospekt, 2019, 80. (In Russ.)
15. Petrov A. A. The controversial aspects of resolving of normoconflicts in cases of formal priority of codes. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*, 2019, 10(1): 4–23. (In Russ.) DOI: 10.21638/spbu14.2019.101

«Гонорар успеха»: старая песня на новый лад

Егор С. Трезубов^{a, @, ID}; Михаил А. Розе^a

^a Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

@ egortrezubov@mail.ru

ID <https://publons.com/researcher/2060479>

Поступила в редакцию 27.05.2020. Принята к печати 19.06.2020.

Аннотация: Рассматриваются материально-правовые и процессуальные особенности определения цены договора оказания юридических услуг (правовой помощи) посредством так называемого «гонорара успеха». Указанное условие исследуется в аспекте его допустимости с учетом сформировавшихся в судебной практике и цивилистической доктрине подходов. До сих пор в России определение цены договора оказания юридических услуг с помощью обусловленного вознаграждения рассматривается как не соответствующее закону, в связи с чем на практике возникают сложности взыскания гонорара исполнителем с заказчика, если последний уклоняется от оплаты оказанных услуг. Суды молчаливо признают фактическое широкое применение «гонорара успеха», но эти деловые обыкновения в материально-правовом аспекте не легализованы. В процессе реформирования института недействительности сделок в гражданском законодательстве в 2013 г. были смещены акценты в рассмотренном вопросе, но допущения обусловленного вознаграждения за оказанные услуги так и не произошло. Проблема применения «гонорара успеха» является именно материально-правовой, поскольку в процессуальном ключе каких-либо особенностей возмещения понесенных на оплату услуг представителя расходов в разумных пределах нет. Новеллы правового регулирования в вопросах применения «гонорара успеха» связаны с новой редакцией Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», вступившей в силу с 1 марта 2020 г. Обосновывается недопустимость регулирования соответствующего вопроса в законодательстве об адвокатуре по причине противоречия правилам Гражданского кодекса РФ, имеющим в данном случае приоритет над иными нормативными актами. Критикуется очевидно лоббистская юридическая техника закрепления права предусматривать обусловленное вознаграждение в соглашениях об оказании правовой помощи и по мотивам существенного ограничения прав частнопрактикующих юристов, не имеющих статуса адвоката.

Ключевые слова: судебные издержки, оплата услуг представителя, адвокатская деятельность, соглашение об оказании юридической помощи, обусловленное вознаграждение, отлагательное условие

Для цитирования: Трезубов Е. С., Розе М. А. «Гонорар успеха»: старая песня на новый лад // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 2. С. 177–186. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-2-177-186>

Введение

Обеспечение конституционного права на судебную защиту невозможно без создания реальных условий для оказания квалифицированной юридической помощи, что в свою очередь предполагает проработку алгоритмов оплаты вознаграждения представителя. Оплата юридической помощи – необходимое условие ее осуществления. Учитывая, что институт представительства в цивилистическом процессе, являясь процессуальным правоотношением, имеет внутреннюю и внешнюю стороны и, соответственно, подчинен правилам материально-правового и процессуального регулирования [1, с. 163–164], игнорировать частноправовые отношения по оплате услуг юриста невозможно.

Изменения квалификационных требований к судебным представителям, связанные с принятием КАС РФ, вступлением в силу изменений в ГПК РФ и АПК РФ в части введения образовательного ценза представителя¹, безусловно, приведут к увеличению расходов лиц, участвующих в деле.

При этом немалая часть населения нашей страны не может позволить себе квалифицированную юридическую помощь, несмотря даже на значительный размер предъявляемых исковых требований к оппонентам. В связи с этим в России, как и во многих правовых системах, применяется регуляторная конструкция «гонорар успеха», которая позволяет не только отсрочить оплату юридической помощи на последний момент вынесения необходимого решения юрисдикционным органом, но и придать ей условный характер – в зависимости от этого результата.

Существующая в современной России социально-экономическая ситуация лабильна, требует принятия решительных мер в повышении гарантий уровня жизни населения, в том числе в области доступности квалифицированной юридической помощи. Одним из камертонов государственной политики может стать институт «гонорара успеха», который способен обеспечить более широкие возможности для граждан по защите их прав и интересов, но не лишен недостатков.

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ. ФЗ от 28.11.2018 № 451-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. 1). Ст. 7523.

Понятие «гонорар успеха»

«Гонораром успеха», «обусловленным» или «условным вознаграждением» принято считать такое условие о цене договора, в соответствии с которым определение вознаграждения за оказываемую юридическую помощь ставится в зависимость от результатов рассмотрения дела юрисдикционным органом, от цены удовлетворенного иска или размера требований, в удовлетворении которых процессуальному оппоненту отказано. Такое вознаграждение уплачивается при благоприятном исходе порученного представителю дела [2, с. 27].

По общему правилу условия и размер выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь определяется соглашением между представителем и доверителем. Сама правовая помощь является содержанием оказываемой услуги юридического характера, направленной на совершение юридически значимых действий представителем от имени и в интересах представляемого лица. Поэтому соответствующие услуги могут оказываться в рамках договора поручения. В случае оказания услуг фактического характера между представителем и доверителем может быть заключен договор возмездного оказания юридических услуг.

В литературе вопрос о наиболее оптимальной форме договора, регулирующего отношения между представителем и доверителем, не разрешен до сих пор, а на практике широко распространены оба упомянутых договора. Тем не менее для определения понятия «гонорар успеха» эта дилемма не столь важна, поскольку цена договора выступает существенным условием как в договоре возмездного оказания услуг [3, с. 52, 58], в соответствии со ст. 781 ГК РФ, так и в возмездном договоре поручения² в силу п. 1 ст. 972 ГК РФ и п. 3 ч. 4 ст. 25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»³ (далее – Закон об адвокатуре). По общему правилу нет оснований полагать, что в условиях рыночных отношений помощь судебного представителя должна быть оказана на безвозмездных началах⁴. Даже в случае назначения адвоката в качестве представителя по гражданскому или административному делу представитель претендует на оплату вознаграждения⁵. При оказании адвокатом бесплатной юридической помощи ему гарантируется оплата услуг за счет бюджета субъекта РФ в соответствии с установленными тарифами⁶ [4, с. 182]. В отдельных случаях такая оплата производится из средств специализированного фонда [5, с. 89].

На формирование условия о цене договора влияют как объективные факторы, так и иные обстоятельства, выходящие за пределы правового регулирования. Как определено

в п. 2 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката⁷, на размер гонорара может влиять объем и сложность работы, продолжительность времени, необходимого для ее выполнения, квалификация представителя, степень срочности поручения. Заблаговременное определение правовой и фактической сложности дела, а также предстоящего объема трудозатрат предполагает решение этических вопросов [6, с. 23] и зачастую субъективного прогнозирования. Оказывая правовую помощь по делу, юрист не может гарантировать результат, поскольку он зависит от решения юрисдикционного органа. Кроме того, даже по сравнительно простым категориям дел предмет иска нередко состоит из требований, итоговый размер которых зависит от усмотрения суда (компенсация морального или репутационного вреда, чрезмерно большая сумма договорной неустойки и т. д.). Существование таких требований, во многом не зависящих от воли сторон правоотношения представительства, ставит вопрос об определении размера вознаграждения с учетом этого алеаторного фактора.

Юристы сегодня используются различные способы определения цены оказываемой услуги: в твердой денежной сумме (за все дело или конкретную услугу), в виде «гонорара успеха», в виде оплаты из расчета периода фактического оказания услуг и др. Цена договора нередко определяется комбинацией указанных способов. Условие о «гонораре успеха» может устанавливаться в твердом размере, в зависимости от результативности этапа или всего процесса, применяться в виде определенного процента от сумм, присужденных сверх заранее оговоренных сторонами (например, от сумм санкций или процентов кроме суммы основного долга), либо как доля от всей присужденной ко взысканию суммы или стоимости подлежащего передаче имущества, либо как часть размера требований, в удовлетворении которых было отказано. Таким образом, «гонорар успеха» – условие соглашения об оказании юридической помощи, согласно которому уплата вознаграждения ставится в зависимость от исхода конкретного дела.

Длительное время допустимость определения цены договора оказания юридических услуг посредством установления «гонорара успеха» ставилась под сомнение в доктрине и правоприменительной практике. Аргументация соответствующих позиций ученых и судей базировалась как на гражданско-правовых и гражданско-процессуальных нормах, так и на конституционных гарантиях независимости судебной власти. Несмотря на отсутствие правового регулирования и единообразной правоприменительной практики, юристы уже длительное время определяют цену своих договоров

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ (ВС РФ) от 27.03.2018 № 11-КГ17-35 // СПС КонсультантПлюс.

³ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ. ФЗ от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

⁴ Обзор судебной практики ВС РФ за III квартал 2008 года от 25.02.2009. Вопрос 9 // Бюллетень ВС РФ. 2009. № 2.

⁵ О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением гражданского дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда РФ и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства РФ. Постановление Правительства РФ от 01.12.2012 № 1240 // СЗ РФ. 2012. № 50 (ч. 6). Ст. 7058.

⁶ О бесплатной юридической помощи в РФ. ФЗ от 21.11.2011 № 324-ФЗ. Ч. 10. Ст. 18 // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.

⁷ Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 20.04.2017) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2017. № 2. С. 120–139.

с применением условного вознаграждения [7, с. 9]. Такая ситуация привела к закреплению в 2013 г. в п. 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката права адвоката включать в соглашение об оказании юридической помощи условия, в соответствии с которыми выплата вознаграждения ставится в зависимость от благоприятного для доверителя результата рассмотрения спора имущественного характера. До этого момента Кодексом прямо запрещалось определение цены договора посредством обусловленного вознаграждения. С 1 марта 2020 г. вступила в силу первая норма, допускающая применение «гонорара успеха»: в ч. 4.1 ст. 25 Закона об адвокатуре предусмотрено, что согласно правилам Совета Федеральной палаты адвокатов (ФПА), в соглашение об оказании юридической помощи может включаться условие, по которому размер выплаты доверителем вознаграждения ставится в зависимость от результата оказания адвокатом юридической помощи, за исключением юридической помощи по уголовному делу и делу об административном правонарушении. Соответствующие правила ФПА РФ приняла 2 апреля 2020 г.⁸

В литературе отмечается, что внедрение «гонорара успеха» необходимо для повышения уровня доступности квалифицированной юридической помощи широким слоям населения. Соответствующее условие призвано дать возможность получить правовую поддержку в ситуации, когда средств на их оплату у лица нет в момент заключения соглашения [8, с. 211–212]. Установление критериев для включения условного вознаграждения ФПА демонстрирует участие адвокатской корпорации в регулировании соответствующего вопроса и заинтересованность всего корпуса адвокатов в расширении сферы применения условного вознаграждения.

Поскольку правовую помощь по гражданским и административным делам вправе оказывать не только адвокаты, а внутренние отношения представительства регулируются нормами материального права, необходимо оценить допустимость применения условия о «гонораре успеха» в материальном и процессуальном аспектах. В гражданско-правовом аспекте внимания заслуживает проблема законности согласования сторонами соответствующего условия о цене договора в зависимости от результата оказанной услуги. В процессуальном аспекте требуется рассмотреть возможность взыскания «гонорара успеха» по итогам рассмотрения дела как понесенные лицом издержки на оплату услуг представителя.

Материальный аспект «гонорара успеха»

Как было указано выше, в возмездном договоре оказания правовой помощи условие о цене является существенным и должно быть согласовано сторонами в соответствии с правилами п. 1 ст. 424 ГК РФ. Применение в таких отношениях нормы п. 3 ст. 424 ГК РФ хотя и допустимо, но не в полной мере эффективно ввиду того, что на практике затруднительно установить цену, которая при сравнимых обстоятельствах

обычно взимается за аналогичные услуги. Юридические услуги в достаточной степени уникальны, их цена зависит от множества объективных и субъективных факторов. С учетом необходимости согласования сторонами всех существенных условий (п. 1 ст. 432 ГК РФ) долгое время остается актуальным вопрос о допустимости определения цены договора в зависимости от условия – решения суда по делу. При этом необходимо понимать, что решение выносится юрисдикционным органом, а не стороной соглашения об оказании правовой помощи, т. е., по сути, условие договора зависит от обстоятельства, относительно которого не известно, наступит оно или не наступит, и на которые ни одна из сторон не может повлиять (ст. 157 ГК РФ). Речь, конечно, лишь о том, что не представитель выносит решение суда, действия поверенного должны склонить суд к принятию желаемого акта, но не более. Кроме того, принято считать, что как объекты гражданских прав услуги отличает то обстоятельство, что стороны не преследуют достижения какого-либо результата при их оказании, ценность услуг заключается в процессе их оказания. Допустимость такого отлагательного условия стала предметом дискуссии цивилистов, и неединообразно была оценена высшими судами.

Принимая во внимание распространенность на практике определения цены договора посредством обусловленного вознаграждения, видится несколько вариантов динамики обязательственных отношений по оказанию правовой помощи. В первом варианте сторонами согласовано отлагательное условие о цене договора, в основе которого применен «гонорар успеха», но доверитель отказывается оплатить соответствующую цену. Во втором варианте заказчиком «гонорар успеха» выплачен исполнителю в полном соответствии с условиями договора. Для проработки обоих указанных вариантов необходимо сначала оценить допустимость соответствующего условия.

Одним из спорных и компромиссных актов по данному вопросу стало Постановление Конституционного Суда РФ (КС РФ) от 23.01.2007 № 1-П⁹ (далее – Постановление № 1-П). Ключевой правовой вывод КС РФ заключается в том, что положения п. 1 ст. 779 и п. 1 ст. 781 ГК РФ не предполагают возможности удовлетворения требования исполнителя о выплате вознаграждения по договору возмездного оказания услуг, если данное требование обосновывается условием, ставящим размер оплаты услуг в зависимость от решения суда, которое будет принято в будущем. В пунктах 2.2 и 2.3 постановления КС РФ двусмысленно обратил внимание, что функция правосудия отделена от функций спорящих сторон, а свобода договора в гражданском праве должна быть ограничена объективными публично-значимыми факторами, к числу которых относятся право на доступ к правосудию, государственные гарантии оказания квалифицированной юридической помощи и независимость судебной власти.

⁸ Правила включения в соглашение адвоката с доверителем условия о вознаграждении, зависящем от результата оказания юридической помощи (утв. Решением Совета Федеральной палаты адвокатов от 02.04.2020, Протокол № 12) // СПС КонсультантПлюс.

⁹ По делу о проверке конституционности положений п. 1 ст. 779 и п. 1 ст. 781 ГК РФ в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В. В. Макеева. Постановление КС РФ от 23.01.2007 № 1-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. №1.

При определении размера оплаты правовой помощи стороны частных правоотношений и государство должны исходить из баланса частных и публичных интересов. В п. 3.1 постановления указано, что поскольку предметом договора оказания правовой помощи являются услуги, т. е. осуществление определенных действий или деятельности, достижение какого-либо результата не включено законодателем в содержание соответствующих услуг, а стороны не вправе игнорировать императивное правило о предмете договора возмездного оказания услуг. В п. 3.3 постановления КС РФ резюмирует: стороны договора возмездного оказания юридических услуг не могут обуславливать выплату вознаграждения принятием конкретного решения, поскольку судебное решение не является ни объектом гражданских прав, ни предметом договора. В судебной практике основополагающим стал подход о недопустимости взыскания в пользу исполнителя с заказчика невыплаченного вознаграждения, размер которого обусловлен решением суда или государственного органа, которое будет принято в будущем¹⁰. Такое условие о цене договора признается недействительным как противоречащее гражданскому законодательству¹¹, а размер вознаграждения определяется по правилам п. 3 ст. 424 ГК РФ с учетом фактически оказанных услуг¹².

В чем увидел КС РФ «публичность» отношений в рамках представительства интересов доверителей в имущественных спорах, остается загадкой [9, с. 174]. Непонятно, как стороны соглашения об оказании правовой помощи посягают на независимость судебной власти, предусматривая обусловленное вознаграждение в зависимости от результата рассмотренного дела? Данная аргументация, на наш взгляд, беспочвенна. Что касается отсутствия экономической ценности или невозможности достижения определенного результата при оказании услуг, эти утверждения критиковались и в 2007 г., а сегодня и вовсе стали атавизмом – услуги могут иметь результат, но он, в отличие от результата работ, не имеет овеществленной формы [10, с. 208–209, 212; 11, с. 367].

Игнорировать цель, ради которой лицо обращается за правовой помощью, не удалось даже КС РФ, который в п. 3.2 Постановления № 1-П назвал вынесение решения в пользу заявителя специфическим результатом юридических услуг, ради которого доверитель и обращается к юристу. Низвел на нет свою аргументацию КС РФ и в п. 3.4 постановления, допустив реализацию права федерального законодателя с учетом конкретных условий развития правовой системы и исходя из конституционных принципов

правосудия предусмотреть возможность иного правового регулирования, в частности в рамках специального законодательства о порядке и условиях реализации права на квалифицированную юридическую помощь. В особом мнении судьи Н. С. Бондаря к указанному постановлению отмечено, что дискреционное полномочие законодателя не исключает возможность применения при определении цены договора возмездного оказания юридических услуг «гонорара успеха», это «право на вырост», возможность его введения должна быть обусловлена возникновением неких предпосылок, характеризующих качественно новый этап в развитии правовой и судебной системы страны. Судя по тому, что с 1 марта 2020 г. вступили в силу правила о допустимости определения цены соглашения об оказании правовой помощи адвокатом посредством обусловленного вознаграждения¹³, некие предпосылки этого «права на вырост» возникли. Можно ли таковыми считать замену презумпции ничтожности на презумпцию оспоримости сделок, нарушающих требования закона или иного правового акта, в 2013 г. (ст. 166 и 168 ГК РФ в редакции ФЗ от 07.05.2013 № 100-ФЗ) или же российская государственность «созрела» для распространенного явления ввиду иных факторов, нам не известно.

Важно, что в аспекте рассмотрения действительности договора оказания юридических услуг суды, как правило, не констатируют противоречия условия «гонорара успеха» основным началам гражданского законодательства или сверхимперативным нормам, на что обращено внимание Конституционным Судом в Постановлении № 1-П. Признавая условие недействительным, суды констатируют несоответствие договора нормам статей 423, 424, 779, 781 ГК РФ как предполагающее искажение сути предмета договора и оплату не за деятельность исполнителя, которая составляет содержание оказываемых услуг¹⁴. Таким образом, в соответствии с действующей редакцией п. 1 ст. 168 ГК РФ такие сделки являются оспоримыми. Утверждения о ничтожности соответствующих условий встречаются в судебной практике¹⁵, но обстоятельства соответствующих немногочисленных дел свидетельствуют и о иных нарушениях, допущенных сторонами. В обычной ситуации оснований квалифицировать договор возмездного оказания юридических услуг, содержащий условие о «гонораре успеха», как ничтожную сделку мы не усматриваем, поскольку такой договор не должен признаваться нарушающим публичные интересы или права и охраняемые законом интересы третьих лиц (п. 2 ст. 168 ГК РФ).

¹⁰ См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 02.12.2003 № 11406/03 по делу № А40-46957/02-27-481 // Вестник ВАС РФ. 2004. № 5; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шмидт Елены Витальевны на нарушение ее конституционных прав п. 1 ст. 779 ГК РФ и п. 4 ч. 1 ст. 135 УПК РФ. Определение КС РФ от 25.02.2010 № 179-О-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 3; Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 17.02.2015 № 14-КГ14-19 // СПС КонсультантПлюс; Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 30.09.2019 № 78-КГ19-32 // СПС КонсультантПлюс.

¹¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.07.2019 № Ф05-11792/2019 по делу № А40-191144/2018 // СПС КонсультантПлюс.

¹² О некоторых вопросах судебной практики, возникающих при рассмотрении споров, связанных с договорами на оказание правовых услуг. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29.09.1999 № 48 // Вестник ВАС РФ. 1999. № 11.

¹³ О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». ФЗ от 02.12.2019 № 400-ФЗ // СЗ РФ. 2019 (ч. V). № 49. Ст. 6959.

¹⁴ См.: Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 25.10.2013 по делу № А19-18407/2012 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁵ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30.03.2018 № Ф04-334/2018 по делу № А46-6600/2017 // СПС КонсультантПлюс.

Таким образом, господствующей сегодня является позиция о недопустимости определения цены договора возмездного оказания юридических услуг посредством обусловленного вознаграждения, в этой части сделка недействительна как противоречащая закону. Поэтому в случае, если заказчик отказывается оплатить условное вознаграждение, оспаривая договор, исполнитель не вправе претендовать на взыскание «гонорара успеха» в судебном порядке. Однако в силу принципа эстоппель (п. 5 ст. 166 ГК РФ) заказчик, оплативший исполнителю вознаграждение, не может ссылаться на недействительность договора и требовать возврат исполненного в порядке реституции. По аналогичным соображениям заказчик не вправе ссылаться на недействительность договора в случае, если сам настаивал на определении цены договора таким образом, или если уже после получения желаемого результата юридической услуги стороны соглашения в письменной форме согласовали итоговый размер вознаграждения.

В соответствии с формулировками ст. 25 Закона об адвокатуре адвокат оказывает правовую помощь доверителю на основании договора поручения, но поскольку предметом данного договора являются услуги юридического, а не фактического характера, приведенная выше аргументация о недопустимости включения условия о «гонораре успеха» была применима и к адвокатским соглашениям. Более того, ни в одном из проанализированных нами дел судами не проводилось какого-либо принципиального различия между договором возмездного оказания юридических услуг и договором поручения. Для целей определения цены сделки все едино.

После легализации «гонорара успеха» в Законе об адвокатуре возникает парадоксальная ситуация допустимости применения этого условия лишь адвокатами и никем больше. В ситуации отсутствия адвокатской монополии в стране и возможности оказания юридических услуг любым дееспособным лицом едва ли уместно говорить о правовой определенности. Такой патерналистский по отношению к адвокатской корпорации подход законодателя не может быть признан допустимым.

Также вызывает недоумение эта ситуация с позиции конкуренции общей и специальной нормы. Возникает формальная коллизия правил ГК РФ, регламентирующих договоры возмездного оказания услуг и поручения, определяющих их предмет, и Закона об адвокатуре. ГК РФ в предметной иерархии нормативных актов обладает приоритетом по отношению к иным законам (п. 2 ст. 3 ГК РФ). Можно ли в такой ситуации ч. 4.1 ст. 25 Закона об адвокатуре считать *lex specialis* и говорить о приоритете специальных норм над общими либо *lex posterior* и утверждать о необходимости применения последующих норм [12, с. 7, 10], а не ранее принятых? С учетом примата норм ГК РФ, а также принимая во внимание предметную специфику Закона об адвокатуре, регулирующего деятельность и организационное устройство корпорации, а не гражданские правоотношения, руководствоваться такой специальной и поздней нормой

недопустимо даже в отношениях по оказанию правовой помощи адвокатами. Специальные нормы текущих одноуровневых законов не должны содержательно расходиться с духом кодекса, выраженным во всей совокупности нормативных обобщений, которые должны учитываться в процессе толкования как установления смысла права [12, с. 18]. Таким образом, для полноценного внедрения в жизнь результата лобби адвокатской корпорации недостаточно формальной ссылки на Закон об адвокатуре, это не позволит преодолеть многолетнюю практику недопущения «гонорара успеха».

У обусловленного вознаграждения, представляется, есть два варианта дальнейшего существования в обороте. Искоренить его не получится, да и не зачем. А значит, «гонорар успеха» может рассматриваться как своеобразные чаевые, благодарность клиента, остающаяся на усмотрение заказчика, или как заранее согласованный размер вознаграждения, определяемый посредством отлагательного условия с учетом ст. 157 ГК РФ. Получение «чаевых» едва ли должно регулироваться правом, следовательно, претензии юриста, не получившего бонус, не могут подлежать исковой защите.

De lege ferenda требуется сделать условие о «гонораре успеха» подлежащим исковой защите. Нерационально отрицать существующую практику формирования цены договора исходя из будущего судебного акта в условиях ее широкого распространения. Недопустимо защищать адвокатов и игнорировать интересы ординарных юристов в идентичных ситуациях. Мы не усматриваем ни выхода за пределы предмета договора оказания услуг, если цена договора будет обусловлена судебным актом, ни объективных рисков посягательства на независимость состава суда, рассматривающего дело. Едва ли разумно ограничивать право на получение добровольно согласованного вознаграждения исполнителя, делающего все в соответствии с предоставленными ему полномочиями в установленной процессуальной форме для наиболее квалифицированного представления интересов доверителя. Такие обязательства не алеаторны, в их основе не лежит рисковый характер или случайность, судебные акты с позиции юридических фактов – это не события, на которые никто не влияет, а юридические акты, принимаемые юрисдикционным органом по итогам полного и всестороннего рассмотрения дела, оценки доказательств. А значит, вопрос допустимости «гонорара успеха» может лежать лишь в плоскости этики¹⁶. И раз корпорация, ставящая этические качества деятельности своих членов в приоритете, для себя допустила соответствующие условия вознаграждения, нет оснований для отказа в этом и другим исполнителям.

Процессуальный аспект возмещения издержек по оплате «гонорара успеха»

Несмотря на формальное неприятие «гонорара успеха» с позиции материального права, каких-либо процессуальных препятствий для его возмещения в разумных пределах

¹⁶ Например, едва ли этично при оказании медицинских услуг ставить в зависимость их оплату от результата выздоровления пациента. Здесь благодарность последнего всегда будет оставаться вне рамок договора оказания медицинских услуг.

в составе судебных издержек не было ни до реформирования института недействительности сделок в 2013 г., ни сейчас, поскольку право на возмещение фактически понесенных издержек стороной, в чью пользу вынесен судебный акт, не может быть умалено процессуальной формой или какими-нибудь субъективными ограничениями. Проблема «гонорара успеха» не включает в себя процессуальную сторону как таковую [13], что подтверждается в достаточной степени единообразной судебной практикой¹⁷.

В п. 6 Информационного письма № 121 от 5 декабря 2007 г. Президиум ВАС РФ указал, что фактически выплаченный представителю «гонорар успеха» подлежит возмещению за счет проигравшей стороны по общим правилам ст. 110 АПК РФ, т. е. с учетом разумности размера соответствующих расходов на оплату услуг представителя¹⁸. С. А. Халатов обоснованно отмечает, что исходя из контекста разъяснений, Президиум ВАС РФ в этом постановлении признал допустимым устанавливать оплату вознаграждения юриста в зависимости от исхода дела и размера присужденного ко взысканию [7, с. 10], иначе, учитывая актуальную на тот момент редакцию ст. 168 ГК РФ, соответствующий договор об оказании юридических услуг следовало бы считать ничтожным, не порождающим последствий вне зависимости от заявления стороной соответствующих требований. Впрочем, можно считать, что и правила ст. 110 АПК РФ о необходимости установления разумного размера подлежащих взысканию издержек судом предполагают определение стоимости услуг представителя по тем же критериям обычной в сравнимых обстоятельствах цены, на которую указывает п. 3 ст. 424 ГК РФ. Не вдаваясь в скрытый смысл аргументации, учитывая, что отечественные суды на это обстоятельство не обратили внимания, рассмотрим лишь процессуальную сторону вопроса.

Применительно к правилам ст. 110 АПК РФ, ст. 98 и ст. 100 ГПК РФ, ст. 111 и ст. 112 КАС РФ для возмещения расходов на оплату услуг представителя лицу, в чью пользу вынесен судебный акт, требуется заявить соответствующее ходатайство, а также представить доказательства фактического несения издержек. В предмет доказывания при разрешении заявленного ходатайства входит также определение разумности суммы, предъявляемой к возмещению. Критерии определения разумности судебных издержек на оплату услуг представителя неисчерпывающим образом сформулированы в п. 13 Постановления Пленума ВС РФ № 1 от 21.01.2016¹⁹.

Таковыми являются среднерыночные цены в регионе оказания услуг с учетом цены иска, правовая и фактическая сложность дела, объем оказанных и объективно необходимых услуг, время, необходимое на подготовку по делу, продолжительность рассмотрения дела.

Очевидно, что не оплаченный представителю «гонорар успеха» не может быть взыскан с проигравшей стороны, поскольку таких издержек лицо еще не понесло. Но в том случае, когда обусловленное вознаграждение выплачено представителю, ничто не препятствует выигравшему в деле лицу взыскивать фактически понесенные расходы в разумных пределах. Поэтому при взыскании «гонорара успеха» с проигравшей стороны суды должны использовать те же подходы, что и при взыскании возмещения на оплату услуг представителя в обычных условиях: с одной стороны, нужно стремиться к наиболее полному возмещению потерь победителя, а с другой – взыскание судебных расходов не должно превратиться в ограничение доступа к правосудию для участника процесса [8]. Обязанность определения этих разумных пределов обусловлена необходимостью установления баланса интересов лиц, участвующих в деле, а также баланса частных и публичных интересов при обеспечении соблюдения прав проигравшей стороны (ч. 3 ст. 17 Конституции РФ)²⁰. Поскольку российские правила распределения фактически понесенных по делу издержек не имеют цели возмещения всех понесенных затрат, а направлены на взыскание некой усредненной компенсации (как правило, значительно меньшей, чем сторона затратила в реальности), никакого процессуального препятствия в распределении подобных издержек нет.

Новелла о гонораре успеха в Законе об адвокатуре

В Постановлении № 1-П КС РФ предложил федеральному законодателю разработать вопрос о допустимости «гонорара успеха» в специальном законодательстве. Таким актом, регламентирующим правоотношения в сфере оказания профессиональной юридической помощи, стал Закон об адвокатуре [14]. Свои сомнения относительно профильности этого нормативного акта мы уже высказали, и не видим в таком решении ничего кроме сомнительного в аспекте юридической техники адвокатского лобби. Помимо этого, вызывает недоумение само решение законодателя (ч. 4.1 ст. 25 Закона об адвокатуре) и ФПА (п. 2 Правил ФПА²¹) о недопущении определения цены в соглашении об оказании правовой помощи по уголовным делам и делам

¹⁷ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 26.02.2015 № 309-ЭС14-3167 по делу № А60-11353/2013 // СПС КонсультантПлюс; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.06.2017 № Ф05-18105/2016 по делу № А41-34496/2016 // СПС КонсультантПлюс; Постановление Президиума ВАС РФ от 04.02.2014 № 16291/10 по делу № А40-91883/08-61-820 // СПС КонсультантПлюс; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 06.08.2014 № Ф09-4632/14 по делу № А76-16973/201 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁸ Обзор судебной практики по вопросам, связанным с распределением между сторонами судебных расходов на оплату услуг адвокатов и иных лиц, выступающих в качестве представителей в арбитражных судах. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 05.12.2007 № 121 // Вестник ВАС РФ. 2008. № 2.

¹⁹ О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела. Постановление Пленума ВС РФ от 21.01.2016 № 1 // Бюллетень ВС РФ. 2016. № 4.

²⁰ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Траст» на нарушение конституционных прав и свобод частью 2 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса РФ. Определение КС РФ от 21.12.2004 № 454-О // СПС КонсультантПлюс.

²¹ Правила включения в соглашение адвоката с доверителем условия о вознаграждении...

об административных правонарушениях. Не обосновывают свое предложение об ограничении применения «гонорара успеха» в уголовных делах и делах об административных правонарушениях и разработчики законопроекта № 469485-7²², ставшего законом № 400-ФЗ от 02.12.2019.

В соответствии с п. 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, «гонорар успеха» может устанавливаться в соглашении при оказании адвокатом помощи по спорам имущественного характера, т. е. в делах, где заявляется имущественное требование [15, с. 57]. Между тем имущественные требования в цивилистическом процессе могут подлежать оценке, а могут и не подлежать ей. Размер вознаграждения представителя без труда может быть поставлен в зависимость от определяемой цены иска или стоимости присужденного (по имущественным требованиям, подлежащим оценке). Такие условия определяются объективными значениями. Но в случае предъявления иска, содержащего имущественное требование, не подлежащее оценке (такowymi признаются, например, иски об исключении имущества из описи (освобождении от ареста)²³, об обязанности провести общее собрание участников хозяйственного общества, о запрещении опасной деятельности и т. д.), объективных критериев уже не будет.

В указанной части Кодекс профессиональной этики адвоката вступает в противоречие с ч. 4.1 ст. 25 Закона об адвокатуре и п. 2 Правил ФПА, поскольку в гражданском, арбитражном и административном процессах могут быть заявлены как имущественные, так и неимущественные требования. Исходя из правил Закона об адвокатуре, нет препятствий установления условия о «гонораре успеха» при представлении адвокатом интересов заявителя в споре, скажем, о признании незаконным решения органа государственной власти по правилам гл. 24 АПК РФ или гл. 22 КАС РФ, хотя такое требование и будет неимущественным, оно подлежит разрешению в порядке неискового административного судопроизводства. Несмотря на то что категория «цена иска» для такого рода административных требований неприменима, предусмотреть желаемый исход для уплаты «гонорара успеха» в таком деле также не составит труда – признание решения незаконным полностью или в части, применение искомого способа восстановления нарушенного права и т. д.

Неубедительна отсылка Кодекса профессиональной этики адвоката к имущественным спорам и в ряде неимущественных требований, имеющих стоимостное выражение. В доктрине гражданского процесса до сих пор отсутствует единство подходов относительно того, какие требования могут быть признаны имущественными, не подлежащими оценке, а какие – неимущественными. Примерами таких

разночтений являются иски о компенсации морального вреда. В большинстве случаев утверждается, что поскольку требование о компенсации морального вреда заявляется в случае нарушения личных неимущественных прав гражданина, оно является неимущественным²⁴, но поскольку оно предполагает присуждение компенсации в денежной форме, ряд исследователей относят его к имущественным [16, с. 504–505]. Так или иначе, специфика объекта защиты данным способом, полагаем, обуславливает неимущественную природу такого иска. В ситуации легального допущения «гонорара успеха» мы не усматриваем никаких препятствий установления размера вознаграждения представителя в зависимости от итоговой суммы присужденной компенсации, определяемой судом с учетом доказанной степени страданий в разумных пределах. Строго говоря, практическое значение классификация исков на имущественные и неимущественные имеет только в аспекте применения правил ст. 333.19 и ст. 333.21 НК РФ, т. е. для оплаты государственной пошлины. Фундаментальных теоретических предпосылок для выделения данных видов требований нет.

Возможность установления обусловленного вознаграждения должна соотноситься со степенью профессионализации процесса и применяемыми стандартами доказывания. Поскольку при рассмотрении уголовных дел и дел об административных правонарушениях суд не связан доводами участников процесса, рассматривает поступившие материалы и требования по существу, может сложиться ошибочное впечатление, что в этих категориях публичного процесса от компетенции защитника или представителя не должно что-либо зависеть. Обратная ситуация при рассмотрении частноправовых споров в судах – здесь в силу принципа состязательности и распределения бремени доказывания от представителя зависит куда большее, на суд не возложена обязанность установления некой истины. Между тем такое объяснение нелепо. При рассмотрении любой категории дел велика доля судебной дискреции, и на итоговое решение, безусловно, будет влиять профессионализм представителя, своевременность заявления им ходатайств и представления доказательств. Вне зависимости от вида судопроизводства, профессиональный представитель, оказывающий квалифицированную юридическую помощь, должен обеспечить максимально эффективную защиту интересов своего доверителя. Уровень профессионализма юриста не должен меняться в зависимости от размера и порядка оплаты вознаграждения. Кроме того, об особой публичной значимости уголовного процесса и административного судопроизводства неоднократно указывали КС РФ и ВС РФ, подтверждая необходимость участия профессионального юриста. Участие квалифицированного представителя является логичным

²² О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (в части уточнения порядка формирования адвокатских образований и иных положений Федерального закона). Законопроект № 469485-7 // Система обеспечения законодательной деятельности. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/469485-7> (дата обращения: 25.05.2020).

²³ О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства Постановление Пленума ВС РФ от 17.11.2015 № 50. П. 6 // Бюллетень ВС РФ. 2016. № 1.

²⁴ См.: О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек ...; Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом ВС РФ 16.03.2016). П. 18 // Бюллетень ВС РФ. 2016. № 10.

проявлением права на судебную защиту и получение квалифицированной юридической помощи, гарантированного Основным Законом страны.

Представляется, нет препятствий для согласования сторонами отношений по оказанию правовой помощи определенного результата, свидетельствующего об успешности при защите интересов по уголовному делу или делу об административном правонарушении. Например, адвокат мог бы согласовать с доверителем как желаемый результат правовой помощи назначение наказания в рамках минимально предусмотренного санкцией статьи или ниже низшего предела, признание виновным лишь по некоторым из вменяемых составов преступления и т. д. Такое договорное условие ничем принципиальным не отличается от «гонорара успеха» при оказании услуг представителя по гражданскому делу.

Заключение

Рассмотренная новелла адвокатского «гонорара успеха» является очередным несбалансированным, односторонним, плохо продуманным результатом некачественной законодательской инициативы. Законодатель всего лишь лоббирует интересы корпорации адвокатов, не задумываясь даже о том, что на рынке юридических услуг великое множество иных лиц, представляющих интересы доверителей в гражданском, административном или конституционном судопроизводстве. Рыночные отношения по оказанию правовой помощи регулируются не Законом об адвокатуре, а ГК РФ и принятыми в соответствии с ним нормативными актами, имеющими приоритет в соответствующей сфере.

Такой шаг законодателя нельзя оправдать ни сложившимися деловыми обычаями, ни некогда данным КС «условно зеленым светом». Неубедительно и апеллирование авторами законопроекта и ФПА к утверждению о создании дополнительных условий для оказания квалифицированной правовой помощи лицам, не имеющим должных финансовых

средств. В развитых странах эта проблема решается через инвестирование судебных процессов, а не через оказание юристами услуг в долг. Включая условие о «гонораре успеха», представитель не гарантирует результата, а значит речь идет всего лишь об оказании услуг юристом в кредит. Полагаем, тотальная закредитованность населения России не помогла развитию экономики страны в последние 20 лет и явно не приблизила качество жизни среднестатистического россиянина к уровню жизни населения стран первого мира. Определением цены договора посредством обусловленного вознаграждения необходимо пользоваться крайне осторожно, ни в коем случае не стимулировать его повсеместное применение. Иначе великое множество «юристов-мошенников» захотят навязать свои услуги в кредит и забрать с доверителя все присужденное. «Гонорар успеха» является свидетельством зрелого рынка юридических услуг и должен применяться в условиях высокого уровня жизни населения (а не от безысходности, как указывает ФПА и разработчики законопроекта № 469485-7).

Все еще нельзя исключить ситуации, при которых даже в условиях действующего правового регулирования доверитель откажется оплачивать адвокату «гонорар успеха», сможет ли исполнитель взыскать его в полном объеме в судебном порядке? При наличии коллизий в регулировании данного вопроса велика вероятность того, что суд удовлетворит соответствующий иск о взыскании обусловленного вознаграждения, заявленный адвокатом (но при этом использует закон, не подлежащий применению), но откажет в удовлетворении аналогичного иска юриста, не состоящего в корпорации. В то же время разница подходов недопустима, в обоих случаях необходимо принимать одинаковое решение. Каких-либо достаточных предпосылок для изменения с 1 марта 2020 г. сложившихся в судебной практике подходов, приведенных в настоящей статье ранее, мы не усматриваем. Но к такому изменению необходимо стремиться.

Литература

1. Попова Д. Г., Этина Т. С. Представительство в гражданском процессе: опыт заимствования цивилистических подходов // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 4. С. 161–168.
2. Краденко М. В. Договор об оказании юридической помощи в современном гражданском законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2005. 32 с.
3. Третьякова В. П. Возмездное оказание юридических услуг. Кемерово: Кемеровский полиграфический комбинат, 2010. 187 с.
4. Попова Д. Г. Участие адвоката в защите гражданских и семейных прав несовершеннолетних: границы и возможности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 31. С. 180–190. DOI: 10.17223/22253513/31/17
5. Попова Д. Г. Профессиональное судебное представительство: состояние и перспективы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 4. С. 84–91.
6. Багреева Е. Г., Петухов С. В. «Гонорар успеха»: правовая и этическая природа // Евразийская адвокатура. 2019. № 6. С. 23–25.
7. Халатов С. А. Компенсация гонорара успеха как судебных расходов. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 26.02.2015 № 309-ЭС14-3167 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 3. С. 9–13.
8. Сфера услуг: гражданско-правовое регулирование / под ред. Л. В. Санниковой, Е. А. Суханова. М.-Берлин: Инфотропик Медиа, 2011. 220 с.
9. Верещагин А. Н. «Гонорар успеха» перед лицом конституционного правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 1. С. 173–178.

10. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 3: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. 2-е изд., стер. М.: Статут, 2011. 1053 с.
11. Гражданское право. В 3 т. / под ред. А. П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2019. Т. 1. 1040 с.
12. Петров А. А. Вопросы преодоления коллизий норм кодексов, устанавливающих собственный приоритет // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 1. С. 4–23. DOI: 10.21638/spbu14.2019.101
13. Ермакова Н. С. Гонорар успеха: взгляды за рубежом и в России // Законность в современном обществе: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Оренбург, 13 апреля 2017 г.) Уфа, 2017. С. 122–126.
14. Яковлева О. Новое в законодательстве об адвокатах и адвокатуре // Трудовое право. 2020. № 2. С. 43–45.
15. Чернышев Г. П. О «гонораре успеха» (об условных гонорарах) // Закон. 2007. № 12. С. 55–58.
16. Осокина Г. А. Гражданский процесс. Общая часть. 3-е изд., перераб. М.: Норма; ИНФРА-М, 2013. 703 с.

original article

"Success Fee": Old Song, New Tune

Egor S. Trezubov^{a, @, ID}; Mikhail A. Roze^a

^a Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

@ egortrezubov@mail.ru

ID <https://publons.com/researcher/2060479>

Received 27.05.2020. Accepted 19.06.2020.

Abstract: The research featured substantive and procedural peculiarities of contract costing for legal assistance through the so-called "success fee", or contingency fee, from the point of view of various legal approaches. The contract costing for legal services based on contingency fee does not comply with the current Russian law. Therefore, it can be difficult for the lawyer to collect the fee from the customer. Though courts do acknowledge contingency fees, the related business practice remains legally unregulated. The situation did not change in 2013 when the institution of invalidity of legal transactions was reformed in civil law. The issue belongs to the substantive sphere, since the procedural area reveals no peculiarities in reimbursing expenses incurred to pay for the services of a legal representative. The recent innovations of legal regulation on "success fee" are related to the new edition of the Federal Law "On Advocacy and the Legal Profession in the Russian Federation", which entered into force on March 01, 2020. The authors believe that the problem is not the matter of advocacy legislation because it would then contradict with the Civil Code of the Russian Federation, which has priority over other regulations in this case. They criticize the obvious lobbying of legally enforceable precautions to include stipulated remuneration on legal assistance, as well as the substantial restrictions on the rights of private lawyers with no attorneyship.

Keywords: legal fees, payment to a legal service representative, advocacy, agreement on legal assistance, success fee, contingency fee, suspensive condition

For citation: Trezubov E. S., Roze M. A. "Success Fee": Old Song, New Tune. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(2): 177–186. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-2-177-186>

References

1. Popova D. G., Etina T. S. Judicial representation: compared with the civil doctrine. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo"*, 2016, (4): 161–168. (In Russ.)
2. Kratenko M. V. *Legal aid contract in modern civil law*. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Abstr. Tomsk, 2005, 32. (In Russ.)
3. Tretiakova V. P. *Rendering paid legal services*. Kemerovo: Kemerovskii poligraficheskii kombinat, 2010, 187. (In Russ.)
4. Popova D. G. Participation of the lawyer in protection of the civil and family rights of minors: borders and opportunities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*, 2019, (31): 180–190. (In Russ.) DOI: 10.17223/22253513/31/17
5. Popova D. G. Professional judicial representation: current situation and prospects. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2018, (4): 84–91. (In Russ.)
6. Bagreeva E. G., Petukhov S. V. "Fee of success": legal and ethical nature. *Evrasijskaya advokatura*, 2019, (6): 23–25. (In Russ.)
7. Khalatov S. A. Success fee as a part of court costs. Supreme Court's approach case comment on the judgments of RF SC № 309-ЭС14-3167, 26 February 2015. *Vestnik ekonomicheskogo pravosuđiia Rossiiskoi Federatsii*, 2015, (3): 9–13. (In Russ.)
8. *Services: civil law regulation*, eds. Sannikova L. V., Sukhanov E. A. Moscow-Berlin: Infotropic Media, 2011, 220. (In Russ.)

9. Vereshagin A. N. "Fee of success" before the constitutional justice. *Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie*, 2007, (1): 173–178. (In Russ.)
10. Braginskii M. I., Vitrianskii V. V. *Contract law. Book 3: Work and service contracts*, 2nd ed. Moscow: Statut, 2011, 1053. (In Russ.)
11. *Civil law*, ed. Sergeev A. P., 2nd ed. Moscow: Prospect, 2019, vol. 1, 1040. (In Russ.)
12. Petrov A. A. The controversial aspects of resolving of normoconflicts in cases of formal priority of codes. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*, 2019, 10(1): 4–23. (In Russ.) DOI: 10.21638/spbu14.2019.101
13. Ermakova N. S. Success fee: views abroad and in Russia. *Legality in modern society: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Orenburg, April 13, 2017. Ufa, 2017, 122–126. (In Russ.)
14. Iakovleva O. New legislation on lawyers and the legal profession. *Trudovoe pravo*, 2020, (2): 43–45. (In Russ.)
15. Chernyshev G. P. On the "success fee" (on contingent fees). *Zakon*, 2007, (12): 55–58. (In Russ.)
16. Osokina G. L. *Civil procedure. General part*, 3rd ed. Moscow: Norma; INFRA-M, 2013, 703. (In Russ.)

16+

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. Научный журнал

Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. Scientific Journal

Контакты для сотрудничества:

Морозова Ирина Станиславовна, главный редактор
ishmorozova@yandex.ru

Митько Наталья Викторовна, редактор

8(384-2)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; vs-seriya@yandex.ru

Contacts for co-operation:

Irina S. Morozova, Editor-in-Chief

ishmorozova@yandex.ru

Nataliya V. Mitko, Editor

8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; vs-seriya@yandex.ru

Редакторы выпуска:

Лоншакова К. А., Митько Н. В., Рабкина Н. В., Старикова А. С.

Подписано к печати 14.08.2020.

Дата выхода в свет 05.10.2020.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А 4. Усл. печ. л. – 12,25. Уч.-изд. л. – 11.

Тираж 500 экз. Заказ _____

Цена свободная.

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».

Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6,
<http://kemsu.ru>.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
пр. Советский, 73.